

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

49 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Эрнест Резерфорд (1871–1937), британский физик новозеландского происхождения.

Эрнест Резерфорд родился в Новой Зеландии в небольшом поселке Спринг-Грув в семье фермера и был четвертым ребенком в семье из двенадцати детей. Мальчик имел удивительную память, богатырское здоровье и силу. Он с отличием окончил начальную школу, получив 580 баллов из 600 возможных и премию в 50 фунтов стерлингов для продолжения учебы в колледже Нельсона. Стипендия позволила ему продолжить обучение в Кентерберри-колледже в Крайстчерче. В те времена это был маленький университет, в котором учились всего 150 студентов, а преподавали всего семь профессоров. Резерфорд увлекся наукой и с первого дня начал исследовательскую работу. Через несколько лет он получил степень бакалавра и магистра искусств.

В Кентерберри-колледже Эрнест Резерфорд изучал способности намагничивания железа. Он использовал метод высокочастотного разряда и даже придумал специальный детектор, который помогал «ловить» электромагнитные волны. Эти исследования так увлекли молодого ученого, что уже в 1895 году он перебрался в Великобританию и поступил на факультет физики в Кембридже.

Эрнест Резерфорд начал работать в Кавендишской лаборатории при университете. Он стал первым докторантом у Джозефа Джона Томсона, который в 1895 году занимал пост ее руководителя. Эрнест делил лабораторию с другими учеными: Джоном Таунсендом, Джоном МакЛеннаном и Полем Ланжевенном, с которым оставался дружен всю жизнь.

Ученый продолжал работу над детектором, который распознавал электромагнитные волны. Однако он не смог получить повторную стипендию, и поэтому ему пришлось остановить исследования и устроиться репетитором — позволить себе Кембридж он не мог.

В свободное время Эрнест Резерфорд помогал Томсону изучать рентгеновские лучи и их влияние на ионизацию газов. В отличие от коллег, Резерфорд был экспериментатором, а не теоретиком: он плохо знал математику и физику. Однако его отличал гибкий ум и творческое мышление.

В 1898 году Резерфорд проводил опыты с ураном. Физик обнаружил, что если поместить рядом фотопластинку, то в одном источнике радиоактивного излучения возникали сразу два вида частиц с противоположными зарядами.

Ученый обозначил их буквами альфа (положительный заряд) и бета (отрицательный заряд). Через год физик Поль Вийяр открыл частицы нейтрального заряда, которые получили название гамма-лучей. Они были намного короче, чем рентгеновские. Альфа-частица оказалась невероятно тяжелой. Она «весила» два элементарных электронных заряда, или четыре атомные единицы массы. Углубившись в исследования, Эрнест Резерфорд определил, что альфа-частица равна ядру атома гелия, а бета-частица — электрону.

Это открытие перевернуло физику. Однако всемирную известность Резерфорд получил гораздо позже. В 1898 году он перебрался в Канаду и стал профессором в Монреальском университете. В течение следующих пяти лет ученый работал над теорией радиоактивного распада: он подтвердил, что результатом атомного превращения становилось совершенно новое вещество.

Резерфорд совместно с физиками Гейгером и Марсденом провели серию опытов с альфа-частицами. Ученые заметили, что частицы сильно отклонялись, проходя через кусочек фольги. Никто не мог даже подумать о таких результатах: принятая в то время модель атома Томсона отрицала большие углы отклонения. Новые результаты означали, что атом состоял из крайне маленького положительно заряженного ядра. При этом он был самым «тяжелым»: его масса оказалась намного больше, чем у электронов, вращающихся вокруг. Эти данные легли в основу планетарной модели атома, которую Резерфорд разработал в 1911 году.

Еще в 1908 году Эрнест Резерфорд получил Нобелевскую премию по химии за исследования в области распада элементов.

Работая в Кембридже, Резерфорд познакомился там со своей будущей женой Мэри Джорджиной Ньютон. Она была дочерью хозяйки пансиона, где проживал Эрнест. В 1901 году у них родилась дочь Эйлин Мэри. Также всю свою жизнь он поддерживал близкие отношения со своей матерью Мартой Резерфорд, которая была для своего сына первой учительницей. Их взаимопонимание было удивительным, а переписка постоянной, несмотря на то, что они почти всю жизнь прожили вдалеке друг от друга. Когда в 1931 году 60-летнего физика, серьезного ученого, нобелевского лауреата Эрнеста Резерфорда наградили титулом баронета и званием лорда, он первым делом отправил в Новую Зеландию телеграмму. В ней было всего несколько слов: «Итак — лорд Резерфорд. Заслуга более твоя, чем моя. Люблю. Эрнест».

Эрнест Резерфорд ушел из жизни в 1937 году в возрасте 66 лет. Его похоронили в Вестминстерском аббатстве рядом с Ньютоном, Фарадеем и Дарвином.

В честь Эрнеста Резерфорда названы:

- химический элемент номер 104 в периодической системе — резерфордий, впервые синтезированный в 1964 году и получивший данное название в 1997 году (до этого носил название курчатовий);
- астероид (1249) Резерфордия; открытый 3 ноября 1932 года немецким астрономом Карлом Райнмутом в Гейдельбергской обсерватории;
- кратер на обратной стороне Луны;
- жидкостный ракетный двигатель «Резерфорд» частной аэрокосмической компании Rocket Lab.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Емельянцева О. В.

Некоторые вопросы обеспечения интересов кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) 303

Жамова В. А.

Интеграция цифровых технологий в традиционные криминалистические методы 305

Жуков И. А.

Правовая защита покупателя на вторичном рынке недвижимости 310

Жукова Л. А.

К вопросу о процессуальных гарантиях прав несовершеннолетних при производстве по делам об административных правонарушениях 312

Загурский Я. Д., Когут С. Н.

Deepfake и способы его распознавания 315

Задорожний П. С.

Специфика судебной защиты прав потребителей финансовых услуг 319

Захарчев М. Е.

Гуманизация исполнения наказания в воспитательных колониях: правовые идеалы и пенитенциарная реальность 320

Захарчев М. Е.

Реформа уголовно-исполнительной системы в отношении несовершеннолетних: анализ последних изменений законодательства и практики их применения 325

Зелинский Н. М.

Актуальная проблематика внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство в Российской Федерации 329

Ибрагимова А. Х., Нимеева И. С.

Экоцид как международное преступление 331

Иванова В. С.

Пересмотр приговоров суда с участием присяжных заседателей: основания и процедуры 333

Иванова К. С.

Расследование незаконного сбыта наркотических средств: специфика следственных действий в цифровой среде 335

Ильясова Л. Р., Самигулин А. М.

Актуальные проблемы реализации принципа рационального использования атмосферного воздуха в индустриальном обществе 336

Кадын Е. А.

Особо охраняемые природные территории Подмосквья: правовой взгляд 339

Караваева П. К.

Налог на добавленную стоимость во Франции и России: сравнительный анализ ставок 342

Каргаполова Л. В.

Некоторые проблемы функционирования судебной системы России 344

Киреева О. М.

Роль налоговых органов в делах о несостоятельности: реализация публичного интереса и проблемные аспекты 346

Кириллина А. А.

Судебный контроль за блокировкой контента: баланс между свободой информации и публичными интересами 349

Ковалева Д. Р.

Психологический портрет жертвы 352

Кокшаров А. Ю.

К вопросу о развитии монополии в сфере представительства 356

Коновалова Т. А.

Реализация мер социальной защиты населения в условиях региональной специфики: опыт Оренбургской области 358

Коробейникова А. М.

Расследование ДТП в современном обществе: актуальные подходы и методы 362

Коротков Д. Ю.

Надежность и допустимость аудио-
и видеодоказательств в уголовном процессе
Российской Федерации: стандарты
и критерии оценки 364

Кострюкова А. Ю., Резина Я. С.

Правовое регулирование студенческого
спорта в Российской Федерации 366

Котиев И. М.

Проблемы судебной защиты прав
юридических лиц по российскому
законодательству 369

Кремлева Д. Ю.

Проблемы медиации в России:
человеческий фактор 371

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Некоторые вопросы обеспечения интересов кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства)

Емельянцева Оксана Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Новикова Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Автор анализирует ключевые способы защиты прав кредиторов, такие как включение требований в реестр и оспаривание сделок должника, рассматривая их на конкретных примерах судебной практики. Делается вывод, что эффективность этих механизмов зависит от активности кредиторов и управляющих, а также от взвешенного подхода судов, учитывающего цели всего процесса.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), оспаривание сделок, реестр требований кредиторов.

Институт несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации призван выполнять комплексную социально-экономическую функцию: с одной стороны, освободить добросовестного, но несостоятельного должника от бремени долгов, а с другой — обеспечить соразмерное и справедливое удовлетворение требований кредиторов. Банкротные правоотношения — это всегда поиск компромисса между защитой интересов кредиторов и обеспечением возможности при этом учесть права должников.

Однако на практике баланс этих интересов зачастую нарушается. По данным Федресурса более 80 % банкротств заканчиваются простым списанием долгов и ничего не дают кредиторам. Доля удовлетворенных требований кредиторов в 2024 году составила 7,9 %. [1]

Первым и основным способом защиты права кредитора является возможность подачи заявления о включении требований в реестр. Порядок предъявления и рассмотрения требований устанавливается ст. 71 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закона о банкротстве). Конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе предъявить требования в течение 30 дней с даты опубликования сообщения о введении наблюдения. Указанный срок исчисляется с даты опубликования в официальном печатном издании (п. 21 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35) и не подлежит восстановлению (п. 7 ст. 71 Закона о банкротстве) [2].

Особый интерес в вопросах применения сроков представляют споры, возникающие из сделок, которые были совершены кредиторами банкротящегося лица. Яркий пример — дело № А81–3986/2016 по банкротству АО

«Энергогазстрой», где рассматривалось требование примерно на 5 млрд руб. Кредитор пытался включить эту сумму в реестр, оспаривая договоры субподряда 2013–2014 гг. Однако конкурсный управляющий должника заявил о пропуске установленных законом сроков, что и стало предметом спора.

Суть спора свелась к правовой квалификации сделок: являются ли они ничтожными или оспоримыми? От этого напрямую зависел ответ на вопрос о пропуске сроков. **Позиция конкурсного управляющего:** сделки ничтожны. Следовательно, право требования возникло у кредитора в момент их заключения (2013–2014 гг.), и он пропустил как срок исковой давности, так и срок для заявления требований в деле о банкротстве. **Позиция кредитора:** сделки являются оспоримыми. В этом случае срок для включения в реестр должен исчисляться с момента вступления в силу судебного акта, признавшего их недействительными, а значит, требование заявлено своевременно.

Решение судов по данному делу (№ А81–3986/2016) оказалось неоднозначным: первая инстанция поддержала управляющего, а апелляция и кассация встали на сторону кредитора [3].

По поводу возможности участия в судебном заседании кредиторов (или их представителей) судебная практика исходит из следующего. В пункте 25 Постановления Пленума ВАС № 35 судам даны разъяснения о том, что согласно пункту 5 статьи 71 и пункту 5 статьи 100 Закона о банкротстве требования кредиторов, по которым не поступили возражения, могут быть рассмотрены без привлечения лиц, участвующих в деле. Подобные требования, тем не менее, рассматриваются в судебном заседании, назначаемом определением суда, которое размещается на

официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, но в силу указанных норм отсутствует необходимость соблюдения установленного частью 1 статьи 121 АПК РФ пятнадцатидневного срока и не требуется предусмотренного частью 1 статьи 123 АПК РФ наличия к началу судебного заседания сведений о получении определения о принятии требования; если же в такое судебное заседание явились участвующие в деле о банкротстве лица, суд обязан допустить их в это заседание. Пункт 9 части 1 статьи 148 АПК РФ в таком случае не применяется.

В качестве примера действия норм материального и процессуального права на практике, приведем следующую ситуацию (дело № А65–1147/2014).

Согласно заявленному требованию, кредитор просил включить его требование в размере 1 333 887 руб. 71 коп. долга, 52 883 руб. 09 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами, 26 861 руб. 98 коп. расходов по уплате государственной пошлины в состав третьей очереди реестра требований кредиторов должника.

Указанная сумма подтверждается вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Воронежской области от 25 октября 2013 года по делу № А14–8786/2013, в соответствии с которым с должника взыскано в пользу кредитора 1 333 887 руб. 71 коп. долга, 52 883 руб. 09 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами, 26 861 руб. 98 коп. расходов по уплате государственной пошлины.

Согласно ч. 2 ст. 69 АПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица. В соответствии с ч. 1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации. Должником не представлены доказательства исполнения вступившего в законную силу судебного акта.

Согласно отзыву, временный управляющий должника возражений на требование кредитора не заявил.

Исследовав доказательства, арбитражный суд установил наличие основания для включения требования кредитора в размере 1 333 887 руб. 71 коп. долга, 52 883 руб. 09 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами, 26 861 руб. 98 коп. расходов по уплате государственной пошлины в состав третьей очереди реестра требований кредиторов должника. На основании п. 5 ст. 71 Закона о банкротстве по результатам рассмотрения требований кредиторов арбитражный суд выносит определение.

Данный случай — это классический пример реализации такого способа защиты кредиторов в банкротных

отношениях как включения в реестр требований кредиторов.

Еще одним действенным способом защиты прав кредиторов является возможность оспаривания сделок несостоятельного должника. Данным правом наделены конкурсные кредиторы и уполномоченные органы при условии, что размер задолженности перед ними составляет более 10 % от общего размера задолженности, включенной в реестр (п. 2 ст. 61.9 Закона).

На практике чаще всего оспариваются мнимые и приговорные сделки, нестандартные сделки, в которых отсутствует экономическая целесообразность, сделки с неравноценным встречным исполнением, сделки с аффилированными лицами.

Показательным примером является дело № А65–24096/2017. Финансовый управляющий оспаривал решение общего собрания участников ООО «МР Девелопмент» об увеличении уставного капитала и последующем уменьшении доли должника. Суд первой инстанции удовлетворил требования, квалифицировав сделку как приговорную по п. 2 ст. 170 ГК РФ, и применил последствия недействительности. Суд принял во внимание, что наличие специальных оснований оспаривания сделок (ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве) не препятствует квалификации сделки как ничтожной (ст. ст. 10 и 168 ГК РФ) согласно п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 63. Апелляционная инстанция оставила решение без изменения.

В этом же деле финансовый управляющий оспаривал решение единственного участника о ликвидации другой организации — ООО «МР Холдинг», полагая, что это было сделано с целью укрытия имущества. Суд удовлетворил ходатайство о применении обеспечительных мер в виде приостановления исключения общества из ЕГРЮЛ, посчитав, что непринятие мер причинит значительный ущерб кредиторам [4].

Принятие обеспечительных мер в рамках арбитражного процесса также является важным способом защиты прав кредиторов. В соответствии с пунктом 1 статьи 46 Закона о банкротстве арбитражный суд по ходатайству лица, участвующего в деле, вправе принять обеспечительные меры в соответствии с АПК РФ.

Сложность применения обеспечительных мер состоит в необходимости исследования судом вопроса об их экономической целесообразности и соразмерности. Согласно ст. 90 АПК РФ, меры допускаются, если их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю.

Так, в одном из дел временный управляющий просил запретить судебным приставам передавать на реализацию имущество завода (подъездные пути и оборудование), аргументируя это тем, что это сделает невозможной дальнейшую деятельность предприятия. Суд удовлетворил ходатайство, указав, что продажа этого имущества приведет к невозможности восстановления платежеспособности

должника, в то время как продажа дебиторской задолженности позволит расплатиться с кредиторами.

В другом случае (заявление ФНС России) суд отказал в принятии обеспечительных мер в виде приостановления торгов, поскольку заявитель не представил достоверных доказательств того, что непринятие мер может привести к невозможности погашения его требований. Суд учел, что принятие таких мер повлекло бы нарушение прав и законных интересов других конкурсных кредиторов, чьи требования погашаются за счет средств от реализации имущества [5].

Таким образом, законодательство о банкротстве предусматривает комплекс механизмов защиты прав и за-

конных интересов кредиторов, как материально-правовых (включение в реестр, оспаривание сделок), так и процессуальных (обеспечительные меры, обжалование). Их использование допускается в разной степени необходимости, не исключено также их сочетание. Эффективность применения этих механизмов напрямую зависит от активной позиции самих кредиторов, арбитражных управляющих и судов, которые должны выявлять все проблемы, возникающие в сложных банкротных правоотношениях, руководствуясь не только буквой закона, но и целями восстановления платежеспособности должника и соразмерной защиты интересов всех участников дела о банкротстве.

Литература:

1. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2024 года // Федресурс: [сайт]. — URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень%202024.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).
2. Ткачев, А. А. Обзор судебных актов Верховного Суда Российской Федерации за 2023 год по делам о банкротстве / А. А. Ткачев. — Москва: Юстицинформ, 2024. — 200 с.
3. Суходольский, И. М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства): научное издание / И. М. Суходольский. — Москва: Юстицинформ, 2024. — 264 с.
4. Васильева Е. Г., Гайдаенко Н. Э. Актуальные вопросы налогообложения в процедурах банкротства организаций // Право и управление. 2023. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-nalogooblozheniya-v-protsedurah-bankrotstva-organizatsiy> (дата обращения: 03.12.2025).
5. Михайлова Е. В. О некоторых вопросах налогообложения в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-nalogooblozheniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Малыгина А. А. Налоги и сборы как основные виды обязательного платежа в деле о банкротстве организации // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 3–1.

Интеграция цифровых технологий в традиционные криминалистические методы

Жамова Виктория Александровна, студент

Научный руководитель: Михайлов Михаил Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Севастопольский государственный университет

Статья посвящена исследованию явления интеграции цифровых технологий в традиционные экспертные методы криминалистики. В данной работе на конкретных примерах отражен процесс диджитализации в противовес традиционным методам, используемым в криминалистике по сей день. Цифровые методы криминалистики были охарактеризованы по ряду критериев, посредством чего были выявлены позитивные и негативные тенденции данного явления, а также определены риски, которые возникли или могут возникнуть в результате применения инновационных технологий. По результатам исследования были внесены предложения, способствующие нивелировать негативные стороны научно-технического прогресса в области криминалистики.

В работе подчеркивается актуальность проблем, возникших в результате развития инновационных технологий в рамках современного общества. Применение цифровых методов, в частности, в области криминалистики, носит относительно спорный характер, поскольку возникает ряд спорных вопросов, а также рисков при использовании данных методов в расследовании преступных деяний, которые требуют урегулирования посредством создания определенного механизма их решения в законодательной, этической и других сферах жизни общества, указанных в статье.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, диджитализация, интеграция, цифровизация, цифровые инструменты, 3D-моделирование, АФИС.

Integration of digital technologies into traditional forensic methods

Zhamova Viktoria Aleksandrova, student

Scientific advisor: Mikhailov Mikhail Anatolyevich, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
Sevastopol State University

The article is devoted to the study of the phenomenon of the integration of digital technologies into traditional expert methods of criminology. This paper uses specific examples to reflect the process of digitalization as opposed to traditional methods used in criminology to this day. Digital methods of criminology were characterized by a number of criteria, which revealed the positive and negative trends of this phenomenon, as well as identified the risks that have arisen or may arise as a result of the use of innovative technologies. Based on the results of the study, proposals were made to help offset the negative aspects of scientific and technological progress in the field of criminology. The paper highlights the relevance of the problems that have arisen as a result of the development of innovative technologies in modern society. The use of digital methods, in particular in the field of criminology, is relatively controversial, as there are a number of controversial issues, as well as risks when using these methods in the investigation of criminal acts, which require settlement through the creation of a specific mechanism for their solution in legislative, ethical and other areas.

Keywords: digital forensics, digitalization, integration, digitalization, digital tools, 3D modeling, APIS.

В настоящее время цифровизация как явление проникло во все сферы современной жизни общества. Цифровая трансформация внедрилась в традиционную науку, значительно увеличив для ученых различных отраслей ресурсы, способствующие выявлению, обнаружению, исследованию информации, которая ранее была недоступна, а также облегчив и автоматизировав рутинные процессы. Данная статья направлена на изучение специфики процесса слияния традиционной и цифровой криминалистики.

Диджитализация фактически затрагивает все элементы криминалистической деятельности, начиная с осмотра места происшествия органами предварительного расследования и специалистами, вплоть до составления экспертных заключений и последующего представления доказательств в ходе судебного разбирательства. С течением времени произошло увеличение численности цифровых устройств, популяризация облачных сервисов, предназначенных для хранения большого объема информации, а также повсеместная доступность сети «Интернет», появление вещей, предназначенных для сбора данных: видеонаблюдение, дроны, портативные сенсоры, которые существенно увеличили объём и сложность цифровых доказательств. Вместе с тем, цифровые технологии (3D сканирование, фотограмметрия, машинное обучение, базы данных, облачные сервисы) предоставляют возможность минимизировать ошибки в ходе фиксации следов, проведения экспертиз, значительно сократив временные затраты, а также повысить производительность традиционных экспертных методов. [2]

Стоит отметить, что, помимо положительных аспектов, улучшающих качественные, количественные и временные показатели проведения оперативно-розыскных мероприятий, экспертиз, а также иных необходимых мероприятий, интеграция цифровизации в криминалистику имеет ряд проблем, а именно: необходимость проверки соответствия алгоритмов и приборов установленным требованиям, стандартам и критериям качества, приведение

инновационных методик к единому стандарту, допустимость добытых доказательств на стадии предварительного следствия при их представлении в суд, обеспечение защиты персональных данных, профессиональная подготовка сотрудников. Вышеуказанные аспекты указывают на актуальность интеграции цифровых технологий в традиционные криминалистические методы, как с точки зрения науки, так и в рамках практики судебных и правоохранительных органов.

Целью статьи является анализ потенциала и препятствий, а также изучение практических путей объединения цифровых инноваций с классическими приемами криминалистики.

Задачи:

— проанализировать передовые цифровые технологии, находящие применение в криминалистике, и оценить их соответствие классическим экспертным методам работы;

— дать оценку относительно критериев диджитализации традиционных методов криминалистики, используя следующие показатели: достоверность, воспроизводимость, оперативность, экономичность, законодательная обоснованность;

— выявить методологические, правовые и этические риски, предложить решение выявленных проблем.

Традиционная криминалистика занимается изучением методов и способов расследования преступных деяний с использованием таких традиционных экспертных методов, как проведение физического анализа доказательств, допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых, составление процессуально-значимых документов установленного образца и иные.

Говоря об истории происхождения цифровой криминалистики, можно сказать, что она, как одно из направлений криминалистики, появилась сравнительно недавно. В связи с увеличением количества преступлений в сфере компьютерной безопасности в 1980-х годах, возник термин «компьютерная криминалистика». Первое науч-

но-правовое определение термина «компьютерное преступление» появилось в законодательстве Канады с принятием «Закона о конфиденциальности» 1983 г, позднее в США был принят Федеральный закон США «О компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях». [6] В начале 2000-х годов термин «компьютерное преступление» появился в Российской Федерации, когда цифровые технологии были активно распространены по территории всей страны. Появление персональных компьютеров дома у подавляющего большинства населения, а также стремительное освоение интернет-пространства не только ознаменовало переход к современному «сетевому обществу», но и спровоцировало возникновение ранее неизвестных преступлений, которые обобщено были поименованы «киберпреступления». Термин «компьютерная криминалистика» с течением времени был видоизменен и получил обозначение «цифровая криминалистика». А. М. Ноговое обозначает понятие цифровой криминалистики как «отрасль криминалистики, изучающую обнаружение, фиксацию и дальнейшее использование в раскрытии и расследовании преступлений цифровых следов, образовавшихся в ходе преступных процессов, протекающих в «виртуальном» мире». [4] Д. Ю. Русанова представляет цифровую криминалистику как «совокупность (система) знаний, умений и навыков, обеспечивающих деятельность по выявлению информационных преступлений, криминалистическому исследованию электронной доказательственной базы, а также включает регистрацию и дальнейшее использование цифровых следов в раскрытии и расследовании преступлений». [5]

Как уже ранее говорилось, в цифровой криминалистике, в отличие от традиционных экспертных методов, используется широкий спектр инструментов, способствующих получить необходимую информацию, провести исследование в более сжатые сроки, а также выполнить иные необходимые действия, способствующие раскрытию и расследованию преступления. Полагаю, стоит остановиться на некоторых инструментах цифровой криминалистики, представляющие наибольший интерес для практического применения экспертами-криминалистами и иными лицами, задействованными в расследовании преступного деяния, с моей точки зрения: [1].

— *3D-моделирование и фотограмметрия*. Безусловно, данные инструменты являются, на мой взгляд, наиболее наглядными в части выявления закономерности конвергенции цифровизации в традиционные методы, поскольку их применение позволяет более точно установить обстоятельства, при которых произошло преступное деяние, определить точную последовательность событий, а также визуализировать доказательства, которые могли быть не замечены при осуществлении первичного осмотра места преступления. Данные методы могут быть использованы, как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, поскольку они позволяют всецело объединить доказательственную базу. [7] Говоря о классическом криминалистическом методе,

можно сказать, что лицом выполняется монотонный, долгий процесс осмотра всего места происшествия с использованием фотоаппарата, масштабной линейки и рулетки. Фиксация следов происходит путем заливки в него гипса или силикона для формирования слепка, также следователем делаются зарисовки наиболее важных деталей, выявленных в ходе осмотра места происшествия, в протокол. Стоит отметить, что тщательность осмотра места происшествия и выявление необходимых доказательств первостепенно зависит от опыта следователя, в то время как 3D-модель является полной и объективной копией места происшествия в цифровом формате с минимальной погрешностью, в отличие от воспроизведения места происшествия человеком. Таким образом, критерий полноты, наибольшей информативности закрепляется за цифровым методом криминалистики. Ещё одним несомненным преимуществом использования 3D-моделирования является возможность неоднократного осмотра первоначальной обстановки места происшествия вне зависимости от количества прошедшего времени. Несмотря на все перечисленные преимущества, классические методы документирования используются по сей день, поскольку они нормативно закреплены в законодательстве и распространены в большей мере, нежели применение технологии 3D-моделирования.

— *Искусственный интеллект и машинное обучение* представляют собой алгоритмы, выстроенные на базе колоссального объема информации, позволяющие вычленять необходимые данные за короткий промежуток времени. Говоря о классических методах исследования в криминалистике, можно привести в пример экспертов, которые при помощи микроскопов проводят сравнительный анализ при осмотре отпечатков следов обуви, пуль, образцов почерка дактилоскопических карт. Автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система способна проанализировать представленный на экспертизу отпечаток, сравнить его со всеми доступными базами данных, в которых содержатся десятки тысяч отпечатков с личной информацией их владельцев, выявить подходящих отпечаток и установить личность человека, оставившего след. [3] Данный метод исключает возможность допущения ошибки по причине «человеческих факторов», к которым относится усталость, невнимательность и другие факторы, на фоне чего эксперт может совершить ошибку или упустить важную деталь, в то время как система, даже при наличии нечетких следов, самостоятельно вычленяет наиболее существенные детали, анализирует полученную информацию, выдает результат, исходя из представленных данных. Несмотря на все перечисленные положительные факторы, также стоит учитывать вероятность возникновения сбоя в работе искусственного интеллекта, в связи с чем при использовании этого инструмента цифровой криминалистики, необходим контроль человека, который сверит окончательный результат, предложенный АФИС, составит экспертное заключение относительно принадлежности отпечатков конкретному лицу.

Для более правильного и всестороннего анализа темы указанной статьи стоит рассмотреть все положительные и отрицательные аспекты цифровых методов криминалистики относительно предложенных критериев:

— *Достоверность*. Данный критерий представляет собой точность полученных результатов. С одной стороны использование цифровых методов в криминалистике исключает возможность возникновения «человеческого фактора», к которому присуще относить невнимательность или усталость, в результате чего лицо может совершить грубые ошибки. Также при использовании цифровых методов исчезает фактор субъективности по отношению к объекту исследования, появляется возможность работать с неполным объемом информации, поскольку искусственный интеллект, который базируется на определенном алгоритме работы, как уже ранее говорилось, способен выделить наиболее важные детали, исходя из которых, он сделает выводы. Человек, в свою очередь, имея неполные данные, придет к заключению, которое будет носить лишь предположительный характер.

В то же время возникают новые риски относительно критерия достоверности при использовании цифрового инструмента, а именно: зачастую логика, которую использует искусственный интеллект при поиске информации, не может быть объяснена, к примеру, в суде. Таким образом, возникает проблема: результат есть, но способы поиска информации будут неясны. Кроме того, не исключена возможность подделки исходных данных, которые, в конечном счете, повлияют на итоговый результат, поскольку искусственный интеллект не может изначально проверить достоверность вводных данных, в отличие от человека. Данная проблема может быть решена с помощью особого способа подтверждения подлинности документов, то есть их заверения ответственным лицом-экспертом. Кроме того, к примеру, во время использования цифрового инструмента для поиска отпечатков человека по базам данных, может быть выдан неправильный результат, по причине того, что программа осуществляет поиск данных на неправильно выстроенных алгоритмах. Таким образом, критерий достоверности в контексте использования цифровых инструментов является достаточно спорным, их применение оправдывает себя в отношении устранения ошибок, которые могут быть совершены человеком, но механизм далёк от совершенства и требует контроля со стороны человека.

— *Воспроизводимость*. Данный критерий является наиболее сильной стороной в применении цифровых методов, поскольку 3D-моделирование места происшествия позволяет неоднократно возвращаться к выстроенным моделям, планомерно изучать детали исследуемых объектов, в то время как традиционный метод повторного осмотра места происшествия не может быть идентичным первичному осмотру. Одним из наиболее ярких примеров можно привести осмотр места происшествия (далее МП), расположенного на открытой местности. В ходе первич-

ного осмотра МП органами предварительного следствия следователь в соответствии с традиционными методами криминалистики делает зарисовки объектов, которые, по его мнению, являются значимыми для расследования преступления, проводит съемку местности, в случае выявления следов, заливает их гипсом или силиконом и изготавливает слепки. В случае необходимости вернуться на МП спустя определенный период времени, погодные условия, сторонние лица, а также иные внешние факторы могут оказать влияние на первоначальный вид МП, вследствие чего, какие-либо детали могут быть упущены. Исходя из приведенных доводов, критерий воспроизводимости является веским основанием для применения цифровых методов криминалистики.

— *Оперативность* — время, которое необходимо затратить на получение результатов. Касательно данного показателя, цифровые методы также занимают главенствующее положение по отношению к традиционным, поскольку скорость получения информации благодаря цифровизации увеличивается в сотни раз. Система АФИС за несколько минут может изучить все доступные базы данных и выдать результат по итогам исследования. Стоит отметить, что 3D-модели места происшествия имеют также несравненные преимущества перед традиционными методами, исходя из данного критерия, поскольку могут изучаться органами предварительного следствия, специалистами дистанционно. Наличие портативных лабораторий, специализированных приборов, позволяющих при осмотре МП выявлять наркотические или взрывчатые вещества на месте, также является преимуществом перед традиционными экспертными методами криминалистики, поскольку у экспертов, сотрудников следственных органов отсутствует необходимость тратить время на передачу обнаруженных веществ в лабораторию для определения их происхождения и состава.

— *Экономичность* — количество произведенных затрат для эффективного использования цифрового инструмента. В данном случае всё неоднозначно. Критерий экономичности использования цифровых методов можно рассматривать как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе. С одной стороны 3D-моделирование, базы данных со встроенным искусственным интеллектом, иное специализированное оборудование нуждается в дорогостоящих сертификатах, поддержании бесперебойного, корректного функционирования программного обеспечения при помощи ИТ-специалистов, также требуется длительный и скрупулезный анализ ошибок в алгоритмах с целью их дальнейшей корректировки, что делает использование инновационных технологий нерентабельными в ближайшей перспективе. Тем не менее, если учесть исключение допущения ошибок, свойственных людям при производстве расчетов, экспертиз, экономии времени лицами, использующими инновационные технологии при осуществлении своей служебной деятельности при поиске необходимой информации, данные методы оправдают произведенные затраты.

— *Законодательная обоснованность.* Этот критерий позволяет выявить соответствие использованных цифровых методов нормам законодательства. На данный момент времени широкое применение цифровых методов в расследовании преступления является одной из наиболее серьезных проблем, поскольку уголовно-процессуальное право, как и вся система законодательства в целом, не успевает подстроиться под изменения жизни современного общества. В законодательстве отсутствуют конкретные критерии, позволяющие представить в ходе судебного следствия доказательства, созданные с использованием цифровых инструментов, поскольку отсутствует возможность установить происхождение и достоверность представленного доказательства. Также стоит отметить, что при применении цифровых инструментов конфиденциальность людей ставится под угрозу, поскольку базы данных, на основе которых происходит поиск человека по отпечаткам, содержат в себе информацию, объем которой не регламентирован законом, в случае утечки информации, личные данные могут попасть к преступникам. В законодательстве также не закреплено, можно ли использовать выводы, которые были сгенерированы искусственным интеллектом в качестве доказательной базы или данная информация может являться только вспомогательной основой для эксперта при составлении экспертного заключения.

Исходя из рассмотренных критериев, можно сделать вывод, что на пересмотр законодательства, в частности УПК РФ, потребуется достаточно много времени, чтобы регламентировать все процедуры, связанные представлением в суд доказательств, добытых посредством применения искусственного интеллекта.

Использование цифровых инструментов необходимо также рассматривать через призму определенных рисков. К примеру, к *методологическому риску* можно отнести восприятие людей доказательств, добытым с использованием искусственного интеллекта и иных цифровых инструментов, как к «истине в последней инстанции». В данной

ситуации решением проблемы может стать проверка выводов, созданных искусственным интеллектом, экспертом с последующим заверением документа посредством электронной или физической подписи ответственного лица. *Законодательный риск* представляет собой отсутствие закрепленного правового статуса искусственного интеллекта, 3D-модели и многих других цифровых инструментов криминалистики. Данные доказательства не могут быть представлены в суде и положены в основу обвинительного заключения. В качестве решения этой проблемы необходим пересмотр законодательства и закрепления правового статуса ранее упомянутых инструментов. *Этические риски* представляют собой базы данных, в которых хранятся огромные массивы личной информации, приуроченные к биометрическим данным лица, с последующей возможной их утечкой, в случае взлома базы данных. Для решения данной проблемы стоит на законодательном уровне запретить негласный сбор биометрических данных. [1].

В заключении можно сказать, что в данный момент времени происходит активная интеграция цифровых методов в традиционную криминалистику. Несмотря на появление искусственного интеллекта, улучшение технической оснащенности органов предварительного следствия, экспертов и иных специалистов, развитие специализированных алгоритмов, позволяющих упростить поиск и систематизацию информации за короткий промежуток времени, выделить наиболее важные детали, досконально сохранить первоначальные свойства объекта исследования, всё ещё невозможно отделить работу цифровых инструментов от человека. Исходя из рассмотренных в настоящей статье нюансов обращения с инновационными технологиями, а также предложенными вариантами решения проблем с целью их нивелирования, полагаю, что работа над достижением абсолютно корректной работы алгоритмов, а также переработка законодательства в связи с техническим процессом для образования более полной доказательной базы займет достаточно много времени.

Литература:

1. @chatgpt_tgm_bot URL: https://t.me/chatgpt_tgm_bot
2. В. В. Вьюгин Математические основы машинного обучения и. прогнозирования. Москва 2013–2020. С.9 URL:<http://iitp.ru/upload/publications/8207/vyugin1.pdf>
3. Журнал «Системы безопасности» № 2/2021 URL: <https://www.secuteck.ru/articles/adis-skorost-analizrezultat?ysclid=mi3wdjrj5986071581>
4. Нагоев, А. М. Цифровизация в криминалистике / А. М. Нагоев, Е. В. Бирюлина. — Текст непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 21 (416). — С. 587–589. — URL: <https://moluch.ru/archive/416/92093/>
5. Русанова Д. Ю. Цифровая криминалистика: возможности и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 12–4 (39). — С. 142–145.
6. Участники Википедии. «Цифровая криминалистика»./ Википедия, Свободная энциклопедия/ — Режим доступа URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Digital_forensics&oldid=1122433195
7. Холопов А. В. Компьютерные программы 3D-визуализации события преступления // Криминалисть. 2021. № 3 (36). С. 70–76.

Правовая защита покупателя на вторичном рынке недвижимости

Жуков Илья Андреевич, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Статья анализирует правовые риски при покупке жилья на вторичном рынке, включая современные мошеннические схемы (как «схема Долиной»). Рассмотрена судебная практика, приводящая к потере имущества и денег. Для защиты прав покупателя необходима комплексная проверка и титульное страхование как ключевой инструмент минимизации рисков.

Ключевые слова: вторичный рынок недвижимости, правовые риски, мошеннические схемы, признание сделки недействительной, защита прав покупателя, титульное страхование, утрата права собственности.

Legal protection of the buyer in the secondary real estate market

The article analyzes legal risks in secondary housing purchases, covering modern fraud schemes like «Dolina». It reviews court cases resulting in loss of both property and funds. Buyer protection requires comprehensive due diligence and title insurance as a key risk mitigation tool.

Keywords: secondary real estate market, legal risks, fraudulent schemes, invalidation of transactions, buyer protection, title insurance, loss of ownership.

Современная практика оборота жилья на вторичном рынке демонстрирует устойчивый рост рисков, связанных с мошенническими схемами, направленными на отчуждение недвижимого имущества у граждан, находящихся в уязвимом положении. Наиболее распространёнными являются ситуации, при которых продавец выступает жертвой обмана, совершает отчуждение квартиры в убеждении, что действует правомерно, после чего полученные от покупателя средства немедленно выводятся третьими лицами.

В дальнейшем такие сделки признаются недействительными, имущество возвращается собственнику, однако покупатель, утративший переданные денежные средства, фактически лишён эффективных механизмов их возврата.

Судебная практика последних лет показывает, что суды, устанавливая отсутствие реальной выгоды у продавца и констатируя факт хищения денежных средств мошенниками, приходят к выводу об отсутствии оснований для взыскания денежных сумм с продавца и предлагают покупателю предъявлять требования непосредственно к лицам, организовавшим преступную схему. Даже при добросовестности покупателя, соблюдении формальных процедур и обращении к нотариальным каналам или банковским механизмам расчётов риски его утраты имущества и денежных средств остаются исключительно высокими.

Особую группу риска в подобных случаях составляют сделки с участием пожилых продавцов, лиц, испытывающих финансовые трудности, а также ситуации, в которых собственник внезапно принимает решение о продаже объекта либо сопровождается представителями, фактически контролирующими его поведение. При этом классические способы проверки юридической чистоты

объекта недвижимости — анализ текущей выписки из ЕГРН, получение справок об отсутствии задолженностей или судебных споров — оказываются недостаточными, поскольку не позволяют выявить скрытые обстоятельства, связанные с личным состоянием продавца, наличием внешнего давления или уже существующими обязательствами, которые могут быть использованы мошенниками для построения схемы отчуждения жилья. Важным аспектом проявляется необходимость оценки не только юридического, но и фактического состояния лица, отчуждающего недвижимость, включая признаки психологического давления, неестественной спешки или контроля со стороны третьих лиц при принятии решений.

Анализ данных за 2024–2025 годы показывает тревожный рост мошенничества в российской недвижимости на 37 % по сравнению с предыдущим периодом. Наиболее распространённой схемой остаётся двойная продажа объектов (28 %), когда один жилой объект продаётся нескольким покупателям одновременно. Фиктивные сделки с использованием поддельных документов составляют 22 % случаев, часто с вовлечением недобросовестных нотариусов. Мошенничество при долевом строительстве (19 %) продолжает оставаться проблемой, несмотря на усиление регулирования. Кибермошенничество через фиктивные онлайн-площадки выросло до 15 %, особенно среди молодых покупателей. Обман при аренде жилья составляет 11 %, а схемы с микрофинансовыми организациями — 5 %. Эксперты отмечают, что пандемия ускорила цифровизацию мошеннических схем, сделав их более изощрёнными и трудными для обнаружения.

Кроме того, существенное значение имеет анализ долговой нагрузки продавца, открытых исполнительных производств, стадий банкротства и уголовных дел, особенно по составам, связанным с мошенничеством. Продавцы,

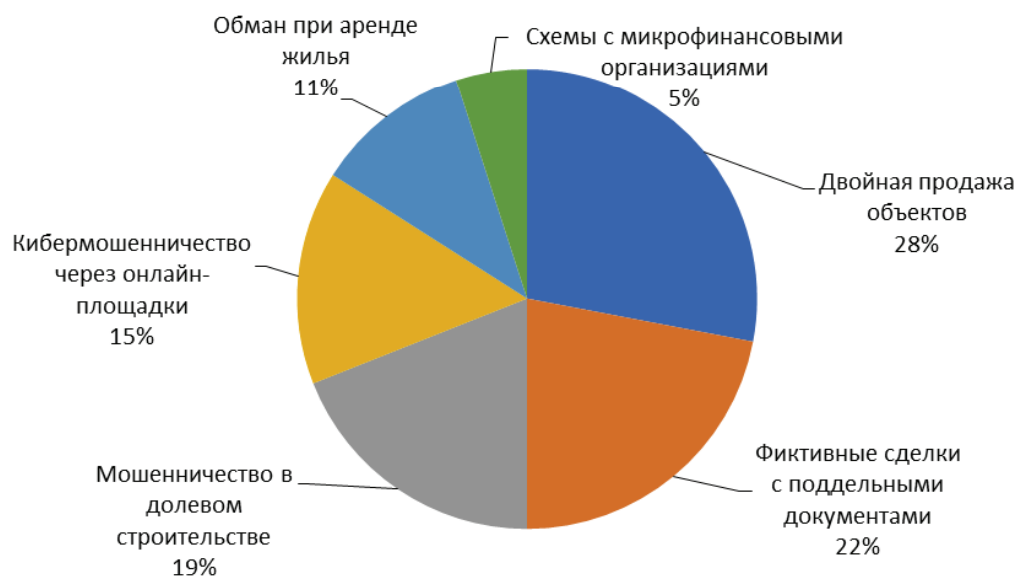

Рис. 1. Структура мошеннических схем в сфере недвижимости РФ (2024–2025)

находящиеся в тяжёлом финансовом положении, становятся значительно более уязвимыми для криминальных групп, использующих их как инструмент для вывода средств добросовестных покупателей.

В совокупности такие факторы формируют повышенный уровень правовой неопределённости, что делает традиционные механизмы правовой защиты недостаточными для обеспечения стабильности гражданского оборота.

На фоне описанных рисков титульное страхование приобретает ключевое значение как эффективный инструмент защиты интересов покупателя на рынке вторичной недвижимости. В отличие от иных видов страхования, направленных на защиту от будущих событий, титульное страхование покрывает угрозы, коренящиеся в прошлом, включая обстоятельства, которые на момент сделки не были и не могли быть выявлены поручителем сделки. Полис такого типа компенсирует утрату права собственности в случае признания сделки недействительной, оспаривания права третьими лицами или возникновения юридических фактов, которые существовали на момент приобретения объекта, но проявились лишь впоследствии. Таким образом, титульное страхование вы-

ступает механизмом перераспределения рисков, снимая с покупателя бремя последствий недобросовестных действий третьих лиц и обеспечивая реальный финансовый инструмент компенсации ущерба даже в случаях, когда виновные лица не установлены либо не располагают имуществом, достаточным для возмещения убытков.

В условиях растущей сложности мошеннических схем и появления новых способов вовлечения граждан в противоправные операции институт титульного страхования становится не только факультативным, но и практически обязательным элементом комплексной защиты покупателя жилья на вторичном рынке. Системный подход, сочетающий тщательную проверку продавца, анализ истории собственности за длительный период и привлечение безопасных финансовых инструментов проведения расчётов, дополняется страховым механизмом, позволяющим минимизировать последствия даже в наиболее неблагоприятных сценариях. Совокупность указанных мер формирует современную модель ответственного поведения участника рынка недвижимости и способствует повышению устойчивости гражданского оборота в сфере отчуждения жилых помещений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.12.2025).
2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 01.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 02.12.2025).
3. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием сделок с недвижимостью недействительными // ВС РФ. — 2024. — URL: <https://www.vsr.ru> (дата обращения: 02.12.2025).
4. Росреестр. Методические рекомендации по проверке юридической чистоты объектов недвижимости при сделках купли-продажи // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. — 2024. — URL: <https://rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2025).

5. Центральный банк Российской Федерации. Риски сделок с недвижимостью и защита прав потребителей финансовых услуг // Банк России. — 2024. — URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 02.12.2025).
6. Национальное объединение страховщиков ответственности (НОСО). Титульное страхование: правовая природа и практика применения // НОСО. — 2023. — URL: <https://www.noso.ru> (дата обращения: 02.12.2025).

К вопросу о процессуальных гарантиях прав несовершеннолетних при производстве по делам об административных правонарушениях

Жукова Любовь Александровна, студент
Челябинский государственный университет

Производство по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних имеет ряд особенностей, обусловленных их возрастными и психологическими характеристиками. Процессуальные гарантии прав несовершеннолетних закреплены в КоАП РФ, однако на практике их реализация сталкивается с рядом проблем. В статье рассматриваются ключевые аспекты участия законных представителей и адвокатов, особенности сбора доказательств, оформления процессуальных документов, права на обжалование постановлений, а также примеры судебной и правоприменительной практики.

Ключевые слова: несовершеннолетние, процессуальные гарантии, защита прав, административные правонарушения.

Согласно ст. 25.3 КоАП РФ, защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, осуществляют его родители, усыновители, опекуны или попечители. Они должны быть извещены о составлении протокола и месте, времени рассмотрения дела. При рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенном лицом в возрасте до 18 лет, судья, орган или должностное лицо вправе признать обязательным присутствие законного представителя [1].

Однако на практике возникают проблемы с надлежащим извещением законных представителей, а также с их активным участием в процессе. В некоторых случаях комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) не обеспечивают полного информирования родителей о деталях дела, что нарушает их право на защиту.

Так, в Кунцевском районном суде города Москвы рассматривалось дело несовершеннолетней, обвиняемой в мелком хулиганстве. Суд прекратил производство из-за существенных недостатков в протоколе: не было указано, что место происшествия является общественным, а также отсутствовали данные о законном представителе и извещении прокурора [2].

Приведенное судебное определение наглядно демонстрирует системные недостатки в производстве по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних. Ключевые проблемы носят не единичный, а типовой характер и затрагивают фундаментальные гарантии прав несовершеннолетних и их законных представителей.

Первая группа проблем связана с ненадлежащим оформлением протокола об административном правонарушении.

В деле отсутствуют: четкое указание на то, что место совершения деяния является общественным (что критично для квалификации по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ); детализация конкретных действий, выражающих явное неуважение к обществу (ограничились общей фразой о нецензурной брани и агрессивном поведении); описание того, чье именно спокойствие было нарушено и каким образом.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о формальном подходе к фиксации события правонарушения: вместо полного описания объективной стороны состава — шаблонные формулировки, не позволяющие провести правовую оценку деяния.

Вторая группа проблем касается нарушения прав законного представителя: в материалах дела отсутствует свидетельство о рождении несовершеннолетней, подтверждающее статус законного представителя; нет сведений о присутствии законного представителя при составлении протокола; не зафиксировано разъяснение прав несовершеннолетней и ее представителя.

Данные нарушения подрывают саму суть гарантий, предусмотренных ст. 25.3 КоАП РФ: законный представитель не может эффективно защищать интересы ребенка, если его даже не уведомили о процессуальных действиях и не обеспечили участие в них.

Третья группа проблем связана с несоблюдением прокурорского надзора. В соответствии с ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ прокурор обязан быть извещен о рассмотрении дела в отношении несовершеннолетнего. В материалах дела таких сведений нет, что: лишает прокурора возможности реализовать надзорные полномочия; создает риск принятия незаконного решения без контроля со стороны надзорного органа.

Четвертая группа проблем затрагивает доказательственную базу. Суд указал, что рапорты сотрудников полиции и объяснения несовершеннолетней без иных доказательств (ст. 26.2 КоАП РФ) не могут считаться достаточными. Перечисленные обстоятельства определяют типичную ошибку — опора на субъективные свидетельства без объективного подтверждения факта правонарушения.

Общий смысл выявленных проблем заключается в том, что: процессуальные гарантии носят декларативный характер (нормы КоАП РФ о защите прав несовершеннолетних не реализуются на практике из-за небрежности должностных лиц); нарушается принцип справедливости разбирательства (отсутствие полного описания события, неучастие законного представителя и дефицит доказательств делают невозможным объективное рассмотрение дела); создается риск произвольных решений (формальное составление протоколов позволяет привлекать к ответственности без реальной проверки обстоятельств).

Адвокат при работе с несовершеннолетними должен учитывать их психологическую уязвимость. Важными особенностями являются [5, с. 402–407]:

- ограничение длительности допроса несовершеннолетнего, запрет на допрос в ночное время;
- обязательное присутствие педагога или психолога при допросе лица младше 14 лет;
- право ходатайствовать о проведении закрытого судебного заседания или об удалении несовершеннолетнего из зала при обсуждении обстоятельств, которые могут негативно повлиять на него.

Проблема заключается в том, что юридическая помощь по делам об административных правонарушениях не включена в систему бесплатной юридической помощи, что ограничивает доступ несовершеннолетних из малоимущих семей к квалифицированной защите.

При рассмотрении дел об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних могут использоваться различные доказательства, включая [6, с. 120–121]:

- протокол об административном правонарушении;
- показания свидетелей (с учетом возрастных особенностей при опросе несовершеннолетних свидетелей);
- документы (характеристики, медицинские справки, акты обследования жилищно-бытовых условий и др.).

В отчетах комиссий по делам несовершеннолетних (КДН) Челябинской области за 2022–2023 годы отмечается рост количества рассмотренных материалов о правонарушениях несовершеннолетних и их родителей. Например, в 2023 году в Челябинске было рассмотрено 3300 материалов, из них 3182 — административные протоколы, в том числе 926 протоколов на подростков. В Красноармейском районе за 2023 год рассмотрено 211 материалов, из них 40 — в отношении несовершеннолетних [7].

Комиссии назначают административные наказания, включая штрафы и предупреждения. В 2023 году в Челябинске было назначено 2346 административных нака-

заний, из них 1215 — штрафы на сумму 1 689 271 рубль. В Красноармейском районе вынесено 95 постановлений о штрафах на общую сумму 134 300 рублей [7].

В практике работы комиссий встречаются нарушения, которые могут влиять на допустимость доказательств:

- недостаточная полнота материалов дел — в отчетах иногда отмечается отсутствие полных данных о несовершеннолетнем и его семье, что может затруднять всестороннее рассмотрение дел;
- игнорирование противоречий в материалах — в некоторых случаях комиссии не изучают все обстоятельства дел, что приводит к неполному выяснению фактов;
- формальный подход к рассмотрению дел, что может приводить к отмене решений судами.

Процессуальные документы (протокол, постановление) должны соответствовать требованиям КоАП РФ. Например, в протоколе об административном правонарушении необходимо четко указывать время и место совершения правонарушения, а также обстоятельства, подтверждающие вину лица.

В судебной практике встречаются случаи, когда постановления КДН отменяются из-за нарушений при оформлении документов. Примером тому является решение от 21 ноября 2023 г. по делу № 12–12/2023 Становлянского районного суда Липецкой области [4]. Комиссия прекратила производство по делу в отношении матери несовершеннолетней, привлеченной к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Суд поддержал решение, указав, что конфликт между детьми не может сам по себе свидетельствовать о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей. В материалах дела отсутствовали доказательства причинной связи между действиями матери и противоправными действиями ребенка.

Приведенное судебное решение выявляет системные проблемы в правоприменительной практике по делам о неисполнении родительских обязанностей (ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ). Во-первых, проблема доказывания причинной связи. Комиссия попыталась квалифицировать бытовой конфликт между детьми как следствие ненадлежащего исполнения матерью родительских обязанностей. Однако суд указал, что сам факт конфликта не равнозначен доказательству вины родителя. Суть данной проблемы заключается в том, что отсутствуют четкие критерии, какие именно действия/бездействие родителя образуют состав правонарушения; склонность КДН к «формальной» квалификации: если ребенок совершил проступок — автоматически виноват родитель; непроработанность методики установления причинноследственной связи между поведением родителя и действиями несовершеннолетнего.

Во-вторых, проблема неполноты доказательственной базы. Так, в материалах отсутствовали: документы, подтверждающие систематическое неисполнение родительских обязанностей (характеристики из школы, акты обследования жилищных условий); показания педагогов, психологов, соседей; данные о предыдущих случаях привлечения родителя к ответственности. Без этих доказа-

тельств невозможно установить: характер и степень вины родителя; наличие умысла или халатности; реальную угрозу благополучию ребенка.

В-третьих, имеет место проблема субъективности оценки. В результате КДН может трактовать любые негативные события в жизни ребенка как результат «плохого воспитания». Кроме того, отсутствует единый подход к оценке: в одних случаях конфликт между детьми игнорируется, в других — становится основанием для протокола. Также нет четких инструкций, как отличать единичные инциденты от системного неисполнения обязанностей.

Процессуальные нарушения КДН: не проведены все необходимые проверочные мероприятия (беседы с ребенком, педагогами, соседями); не запрошены документы, которые могли бы подтвердить или опровергнуть вину родителя; протокол составлен на основе предположений, а не объективных данных.

Такие нарушения ведут к отмене решений в суде (как в данном случае), что подрывает авторитет КДН; создает риски для прав родителей; не обеспечивает реальной защиты интересов ребенка.

Постановление по делу об административном правонарушении в отношении несовершеннолетнего может быть обжаловано самим несовершеннолетним, его родителями, законными представителями, защитником или представителем. Жалоба подается в районный суд по месту нахождения коллегиального органа в течение 10 суток со дня вручения или получения копии постановления.

Пример из практики: в деле № 2а-694/23 Кузьминский районный суд Москвы рассматривал административный иск о признании незаконной постановки несовершеннолетнего на профилактический учет. Суд отказал в удовлетворении требований, установив, что КДН действовала в рамках закона [3].

Суть спора заключалась в следующем. 19 июля 2023 года КДН вынесла постановление № 37323, которым признала несовершеннолетнего виновным в совершении административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ (нарушение Правил дорожного движения, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью). В качестве наказания был назначен административный штраф. Помимо этого, несовершеннолетнего поставили на профилактический учет для организации индивидуальной профилактической работы.

Родитель несовершеннолетнего обратилась в суд с требованием признать постановление КДН незаконным в части постановки на учет. В обоснование требований она указала: несовершеннолетний положительно характеризуется; ребенок воспитывается в благополучной семье; постановка на учет умаляет честь и достоинство несовершеннолетнего; в постановлении КДН не указаны причины, послужившие основанием для принятия решения о постановке на учет.

В ходе судебного разбирательства суд изучил материалы дела и пришел к следующим выводам. Суд подтвердил, что родитель как законный представитель несо-

вершеннолетнего вправе обжаловать постановление КДН в судебном порядке на основании ч. 1 ст. 218 КАС РФ. Для этого необходимо доказать, какие именно права и законные интересы истца нарушены оспариваемым решением и каким образом их можно восстановить.

Суд установил, что КДН действовала в рамках закона. При принятии решения о постановке на учет комиссия учла: характер и общественную опасность деяния (управление транспортным средством без права управления, что создавало угрозу повышенной опасности для неограниченного круга лиц); наступление негативных последствий (причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего в ДТП); обстоятельства совершения правонарушения (5 мая 2023 года в 17:05 несовершеннолетний, управляя автомобилем, не уступил дорогу встречному транспортному средству, что привело к столкновению).

Также, суд сослался на ст. 5 Федерального закона № 120ФЗ, согласно которой органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних вправе проводить индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушение, повлекшее применение мер административной ответственности. Такая работа может проводиться с согласия руководителя органа или учреждения системы профилактики.

Суд отметил, что в постановлении КДН были указаны причины принятия решения о постановке несовершеннолетнего на профилактический учет, а порядок постановки на учет не нарушен. На основании изложенного Кузьминский районный суд отказал в удовлетворении административных исковых требований. Суд пришел к выводу, что права административного истца и ее несовершеннолетнего сына при постановке на профилактический учет нарушены не были, а решение КДН принято в соответствии с законом.

По итогам проведенного исследования в сфере производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних выделяется ряд существенных проблем, каждая из которых требует целенаправленных мер по устранению.

Например, первая проблема связана с недостаточным участием законных представителей несовершеннолетних в процессе. На практике нередко фиксируется отсутствие надлежащего извещения родителей или опекунов о времени и месте рассмотрения дела, что лишает их возможности полноценно защищать интересы ребенка и участвовать в разбирательстве. Решением здесь может стать усиление контроля за соблюдением требований статьи 25.3 КоАП РФ, регламентирующей права и обязанности законных представителей.

Еще одна проблема — ограниченный доступ к квалифицированной юридической помощи. Многие семьи, особенно малоимущие, не в состоянии оплатить услуги адвоката, что ставит несовершеннолетних в уязвимое положение. Для преодоления этого барьера необходимо включить юридическую помощь по делам об административных

правонарушениях в систему бесплатной юридической помощи, что позволит обеспечить равный доступ к защите прав независимо от материального положения семьи.

Третья проблема касается нарушений при сборе и оформлении доказательств. Часто протоколы об административном правонарушении содержат нечеткое описание обстоятельств деяния: отсутствуют детали, позволяющие установить причинноследственные связи, не указаны точные время и место происшествия, не зафиксированы свидетельские показания в должной форме. Такое положение дел подрывает доказательственную базу

и может привести к отмене решений. Решить проблему поможет систематическое повышение квалификации сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и правоохранительных органов.

Таким образом, комплексное решение обозначенных проблем через усиление процессуального контроля, расширение доступа к бесплатной юридической помощи, повышение квалификации должностных лиц позволит повысить качество правосудия и обеспечить реальную защиту прав несовершеннолетних в рамках административного производства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 04 ноября 2025 года) // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Кунцевский районный суд г. Москвы. Определение от 03 марта 2023 года по делу № 5–224/2023. Доступно по ссылке: URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuncevskij/cases/docs/content/f8e37920-b9e5-11ed-9d4b-e55c1559f010> (дата обращения: 29.11.2025).
3. Кузьминский районный суд г. Москвы. Решение от 04 сентября 2023 года по делу № 2а-694/23. Доступно по ссылке: URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/cases/docs/content/526de790-4b2d-11ee-9d74-7f6f31e19393> (дата обращения: 29.11.2025).
4. Становлянский районный суд Липецкой области. Решение от 22 ноября 2023 года по делу № 12–12/2023. Доступно по ссылке: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JL1e80a8zGHn/> (дата обращения: 29.11.2025).
5. Лихачева, А. Е. Тенденции развития института административной ответственности несовершеннолетних в законопроектах / А. Е. Лихачева, К. М. Распутина. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 37. — С. 402–409.
6. Маликов, Ш. Э. К вопросу о рассмотрении административных материалов с участием несовершеннолетних / Ш. Э. Маликов. — Текст: непосредственный // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 3. — С. 120–121.
7. Отчет о деятельности Управления по координации деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, Администрации города Челябинска за 2023 год. — Текст: электронный // Администрация города Челябинска: [сайт]. — URL: <https://cheladmin.gov74.ru/cheladmin/overview/Podvedy/deti/rabota/otchet/2023.htm> (дата обращения: 28.11.2025).

Deepfake и способы его распознавания

Загурский Ян Дмитриевич, курсант;

Когут Софья Никитична, студент

Научный руководитель: Мезенцев Максим Евгеньевич, старший преподаватель

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ (г. Москва)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием искусственного интеллекта на развитие криминалистики. Проявлением подобной тенденции является создание и распространение «дипфейков», ставших особенно популярными в среде кибермошенничества и киберпреступности в целом. В статье раскрыты основные принципы работы дипфейк-технологий, сформулированы предложения по борьбе с их распространением, также выделены основные отличительные признаки, идентифицирующие наличие дипфейк-контента в информационном поле.

Ключевые слова: искусственный интеллект, IT-технологии, дипфейки, криминалистика, киберпреступность, кибермошенничество, защита информации, цифровизация.

Deepfake and how to recognize it

The article discusses issues related to the influence of artificial intelligence on the development of forensic science. This trend is manifested in the creation and dissemination of «deepfakes», which have become particularly popular in the context of cyber fraud

and cybercrime. The article explores the fundamental principles of deepfake technology, provides suggestions for combating its spread, and highlights the key characteristics that identify the presence of deepfake content in the information landscape.

Keywords: artificial intelligence, IT technologies, deepfakes, forensics, cybercrime, cyberfraud, information protection, digitalization.

На рубеже XIX и XX столетий произошло зарождение и формирование криминалистики как фундаментальной науки, закладывающей принципы для формирования современной научно-исследовательской методологии в сфере раскрытия преступлений. В настоящее время криминалистика представляет собой не только дисциплину, направленную на разработку методов борьбы с преступностью, но и многоаспектную научную область, которая включает в себя: исследование закономерностей сбора, систематизации, аналитической обработки данных, оценку судебных доказательств и улик. Охватывает изучение механизмов возникновения и методов сбора информации о преступлениях, их участниках и обстоятельствах их совершения. [4]

Выделим этапы становления и развития криминалистики:

- 1) Первый — становление криминалистики в дореволюционной России.
- 2) Второй (1917–1930 гг.) — разработка и систематизация научных положений криминалистики, накопление эмпирического материала.
- 3) Третий (1940–50-е гг.) — стал периодом активного формирования теоретических основ криминалистики.
- 4) Четвертый (1960–80-е гг.) — характерно формирование и развитие методологии криминалистики.
- 5) Пятый (с 1990-х гг.) — связан с распадом СССР, активным ростом преступности.

На сегодняшний момент времени одной из основных тенденций развития российского общества является повсеместная цифровизация всех сфер жизни и деятельности населения, как посредством введения государственных программ, таких как **Национальный проект «Экономика данных, и цифровая трансформация государства»**, так и посредством распространения в открытых источниках инструментов искусственного интеллекта, перехода пользователей на электронный документооборот, развития социальных сетей.

Все вышеуказанное говорит о создании новой виртуальной реальности, в которой спроецированы ранее существовавшие, общественные, политические и финансовые институты, что также является сигналом о трансформации преступности в киберпреступность, которая с каждым годом увеличивает свои масштабы. По данным МВД, в 2024 году было совершено 84,8 % преступлений с использованием интернета, это четыре из пяти. Зарегистрировано 649,1 тысяча таких случаев, что превышает показатели предыдущего года на 23 %. [5]

Таким образом, вполне логично говорить о новом этапе развития криминалистики, связанным с значительным ростом кибермошенничества, одним из прояв-

лений которого является распространение «дипфейков», как на уровне бытового мошенничества, так и в политико-пропагандистских целях, что имеет особую актуальность в условиях проведения специальной военной операции.

На сегодняшний день можно привести многочисленные примеры противоправного использования дипфейк-технологий в России. Так, в сентябре 2021 г. пользователей Интернета удивил дипфейк — мошенники прорекламировали фейковые «Тинькофф Инвестиции», наложив на человека в кадре лицо основателя TCS Group Олега Тинькова. По голосу он не был похож на российского предпринимателя, да и визуально легко было понять, что это фейк. Другим примером может служить скандал, разгоревшийся вокруг главного исполнительного директора компании Dbrain Дмитрия Мацкевича. Мошенники сделали дипфейк-копию видео с рекламой Мацкевича, в котором он рассказывает об инвестициях с доходом в 360 % годовых, при этом ссылка под роликом вела на сайт, к которому Мацкевич не имел никакого отношения. Очевидно, что в результате подобных действий могли пострадать не только лица, попавшиеся на мошенническую уловку, но и сам Дмитрий Мацкевич, чья внешность и голос были использованы преступниками.

Термин «deepfake» («дипфейк») происходит от сокращенного английского сочетания «deep learning» («глубокое обучение») и «fake» («подделка»). По своей сути это технология синтеза медиаконтента с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, преимущественно нейросетей. Главная задача «дипфейка» — перенести сгенерированные характеристики, такие как голос, мимика, внешний облик на существующую модель, которой могут быть как люди, так и животные и даже неодушевленные предметы. Последние две модели часто используются для создания развлекательного медиа контента в социальных сетях, однако злоумышленники зачастую данные реальных людей при создании фото и видео файлов, что может представлять угрозу безопасности личности, обществ и государству.

Достаточно долгое время эти технологии были известны лишь ограниченному кругу специалистов. Но в 2009 году появился фильм «Аватар», который был достаточно убедительной демонстрацией таких технологий. Затем, в 2014 году, с помощью аналогичных технологий молодая британская актриса Одри Хепберн, стала ключевой фигурой в рекламе шоколада — ее лицо было перенесено на лицо другой актрисы при помощи специализированного программного обеспечения, Одри Хепберн скончалась в 1993 году в возрасте 63 лет. В 2019 году вышел фильм «Ирландец», в котором лица актеров очень сильно были омоложены при помощи искусственного интеллекта. [6]

Технология создания дипфейков постепенно эволюционировала и совершенствовалась. Ещё несколько лет назад артикуляционная мимика и другие элементы синтезированных видео были заданы программным путем — в подавляющем большинстве случаев это требовало личного участия программиста, работавшего с каждым участком изображения, аудио и видео дорожки, сейчас же основную работу выполняют самообучающиеся нейросети, ускоряя и облегчая процесс создания дипфейков многократно. Они обучаются на сотнях или даже тысячах примеров лиц и голосов, с ними связанными. После этого ИИ показывает весьма впечатляющие результаты.

Процесс создания «дипфейка». Стоит отметить, что «дипфейки» бывают различными в зависимости от генерируемого контента, так в основе ложной информации может быть только аудио или только видео, а также полностью сведённые в один ряд аудио и видеодорожки. В целом процесс создания можно представить в следующем виде:

Сбор обучающих данных. Алгоритм получает сотни или тысячи изображений, или видеозаписей с лицом определенного человека, чтобы «научиться» особенностям его мимики, движений, ракурсов и освещения.

Генерация подделки. Сеть-генератор пытается создать поддельное изображение или видео, имитируя лицо нужного человека. Сеть-дискриминатор «оценивает» качество фейка и даёт обратную связь.

Постоянное обучение. В ходе многократного обработки данных дипфейк становится всё более реалистичным — до тех пор, пока фейк невозможно отличить от оригинала без специального анализа.

Для того, чтобы создать убедительный дипфейк, требуются большие объёмы видео, статические изображения, голосовые записи, а иногда даже сканирование головы реального актера с последующим анализом в качестве обучающих вводных данных. Стоит отметить, что «дипфейки» могут быть созданы с использованием различных по своей природе алгоритмов и технологий, что затрудняет разработку методики их выявления. В научной литературе практические вопросы использования при исследовании генеративного контента рассматриваются пока в наиболее общем виде. Каких-либо конкретных алгоритмов действий при исследовании дипфейка ученые не предлагают, чаще всего статьи заканчиваются обзором некоторых дипфейк-программ. Более того, пока специалисты пытаются разработать методические подходы к выявлению дипфейков, созданных при помощи одних нейросетей, появляются десятки новых, которые уже учли «ошибки» предыдущих разработчиков. [4]

При создании «дипфейков» наиболее часто встречаются 5 основных техник:

1. Face-swapping. «Пересадка» лиц. Обычно дипфейками именуют ролики, созданные с помощью этой техники.

2. Lip syncing. Буквальное значение «синхронизация губ». Губы объекта на видео двигаются синхронно с подменённой аудиодорожкой. Как дубляж.

3. Puppet master. Буквальное значение «кукловод». В идеале, полная передача характеристик исходного лица на лицо объекта. Такую технику использовали в фильме «Аватар» при создании «людей» племени Нави.

4. Face Synthesis and Attribute Editing. Буквальное значение «синтез лиц и редактирование атрибутов». Работа с одним лицом позволяет его состарить, омолодить, изменить цвет, причёску, дорисовать очки, шляпу и т. п.

5. Audio deepfakes. К этому разделу относятся всё, что связано с аудио, однако его условно можно разделить на 3 категории: искажение голоса, синтезаторы, клонировщики.

Актуальным и эффективным способом борьбы с распространением дипфейк-материалов, нарушающим права и свободы граждан, может стать разработка технологий искусственного интеллекта, направленных на выявление следов применения дипфейк-технологий. Так, уже существует механизм фактчекинга (англ. fact checking — проверка сообщений и выявления фейков), его основное предназначение — сдерживать распространение дипфейков посредством инструментов оперативного тестирования информационных сообщений, аудио и видеозаписей на предмет их подделки, доступных не только медиаплатформам, но и частным лицам, просматривающим ту или иную информацию, а также пересылающим ее другим пользователям. [5] Вместе с тем, необходимо развитие программных платформ и инструментов фактчекинга, применение которых должно быть бесплатным, простым, не требующим специального образования и серьезных специальных навыков в сфере IT-технологий. Наряду с фактчекингом, необходимо создание автоматизированных инструментов для обнаружения дипфейков, способных определить дату, время и происхождение содержимого дипфейка, а в случае наличия признаков потенциальной опасности — остановить их размещение. Целесообразно в социальных сетях и мессенджерах ввести обязательное обозначение создателями генерируемого контента, а также о применении искусственного интеллекта при создании определенного материалов. Также необходимо создать нормативную базу, предусматривающую ответственность за создание и распространение дипфейк-материалов, которые могут нанести ущерб интересам личности, общества и государства.

И все же, как обнаружить дипфейк-контент. Несмотря на стремительное развитие технологий создания генерируемого контента, постоянно повышающих его качество, дипфейки нельзя назвать совершенными. Они обладают рядом характеристик-маркеров, которые выдают применение искусственного интеллекта, именно их обнаружение может позволить пользователям, не имеющим специальных навыков в сфере IT-технологий и искусственного интеллекта защитить себя от злоумышленников, распространяющих дипфейки.

Неправдоподобные глаза. Сгенерированные компьютером лица часто имеют глаза разного цвета. В реальной жизни это явление встречается крайне редко. Также как

правило разное расстояние от края радужной оболочки до центра зрачка, полное отсутствие бликов в глазах, из-за чего взгляд выглядит тусклым и неживым, редкое моргание или его полное отсутствие.

Тени и пятна на лице. Еще одна проблемная зона при генерации изображений — границы щек и носа. При наложении маски на лицо реального человека возникают затемнения по внешнему контуру щек, на крыльях носа, по краям переносицы.

Неестественный тон кожи. Неравномерный тон или отличие в оттенках лица и других частей тела (например, шеи, рук) — еще одна отличительная черта поддельных фото и видео.

Не прорисованные зубы. Каждый зуб не прорисовывается в отдельности, а зубной ряд выглядит как сплошное белое пятно. Чаще встречается в дипфейках первого поколения. Современные программы научились более детально воссоздавать элементы лица, включая зубной ряд.

Нарушение пропорций тела. Как правило, речь идет об изменении масштабов лица. Происходит из-за того, что для воссоздания изображения используется видео с камер, которые установлены под разными углами.

Разное качество участков видео. Если лицо на видео имеет низкое качество, в сравнении с другими элементами,

это повод заподозрить дипфейк. Такое встречается, если к телу одного персонажа «прикрепили» голову другого.

Отсутствие синхронизации между речью и движением губ. Говорит о том, что на видео заменили оригинальный текст, а голос, похожий на героя ролика, был сгенерирован при помощи искусственного интеллекта. Также подделку может выдать мимика, не соответствующая смыслу сказанного.

Разное освещение в соседних кадрах. Если вы заметили изменения освещения на протяжении одного ролика, это повод усомниться в его подлинности. Есть вероятность, что видео склеили из нескольких разных файлов.

Таким образом, можно сделать вывод, создают и используют в своих вредоносных целях всё большее количество злоумышленников. В настоящий момент требуется создание нормативно-правовой базы, предусматривающей ответственность за создание и распространение дипфейк-материалов. Кроме того, необходимо повышать цифровую грамотность пользователей, для того чтобы люди научились распознавать дипфейк.

Правоохранительным органам необходимо направить свои усилия на снижение количества распространяемых дипфейков, с целью защиты интересов граждан Российской Федерации и российского общества в целом.

Литература:

1. Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»: Постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2022 № 2108 // [Электронный ресурс] КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (Дата обращения 10.09.2025)
2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»: № 114-ФЗ: принят Гос. Думой 27 июня 2002 года: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года: послед. ред. // [Электронный ресурс] КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (Дата обращения 11.08.2025)
3. Федеральный закон «О средствах массовой информации»: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1: ред. от 13.06.2023 // [Электронный ресурс] КонсультантПлюс:сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511 (Дата обращения 09.07.2025)
4. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». — 2020. — № 4. — С. 379–386.
5. Капитонова Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. — 2021. — № 6. — С. 19–27.
6. Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2021. — № 3. — С. 54–64.
7. Ключева А. А., Белов Д. А. Актуальное правовое исследование deepfake-технологий и новые вызовы для российской правовой системы // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 14. — С. 601–609.

Специфика судебной защиты прав потребителей финансовых услуг

Задорожний Павел Сергеевич, студент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Судебная защита прав потребителей финансовых услуг представляет собой особую систему правоотношений, отличающуюся от общей модели защиты прав потребителей. Эта специфика обусловлена природой финансовых услуг, их нематериальным характером и высокой степенью технической сложности договорных конструкций.

Правовое регулирование защиты прав потребителей финансовых услуг осуществляется на основании Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» [2], который устанавливает общие принципы защиты прав потребителей. Вместе с тем, согласно части 3 статьи 39 данного закона, особенности защиты прав потребителей финансовых услуг устанавливаются законами и иными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими оказание финансовых услуг. Такой подход создает двухуровневую систему регулирования, при которой общие положения о защите прав потребителей дополняются специальными нормами финансового законодательства.

А. Я. Курбатов отмечает, что «финансовые услуги характеризуются повышенной информационной асимметрией между потребителем и финансовой организацией» [4, С. 67–68], что требует специальных механизмов судебной защиты. Действительно, потребитель финансовых услуг находится в заведомо более слабой позиции по сравнению с профессиональным участником финансового рынка, обладающим специальными знаниями, техническими ресурсами и опытом ведения судебных споров. Эта асимметрия проявляется не только на стадии заключения договора, но и в процессе судебного разбирательства, где потребитель сталкивается с необходимостью доказывания фактов, требующих специальных познаний в области финансов.

Первой отличительной особенностью судебной защиты прав потребителей финансовых услуг является специфика подведомственности и подсудности дел. В соответствии со статьей 17 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту жительства или пребывания истца, по месту заключения или исполнения договора, по месту нахождения организации [2]. Такое расширенное правило альтернативной подсудности направлено на обеспечение доступности правосудия для потребителей, однако на практике финансовые организации нередко пытаются оспорить компетенцию суда, ссылаясь на наличие в договоре условий о подсудности.

Вторая особенность связана с распределением бремени доказывания. При рассмотрении споров с участием

потребителей финансовых услуг действует принцип, согласно которому именно на финансовой организации лежит обязанность доказать правомерность своих действий. Статья 12 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» устанавливает, что изготовитель, исполнитель или продавец несет ответственность за недостатки товара или услуги, если не докажет, что они возникли после передачи товара потребителю вследствие нарушения потребителем правил использования [2]. Применительно к финансовым услугам это означает, что банк или иная финансовая организация должна доказать, что действовала в соответствии с законом и условиями договора, а любые убытки потребителя не связаны с ненадлежащим оказанием услуги.

М. Г. Назарова указывает на то, что «договор возмездного оказания услуг в финансовой сфере обладает спецификой, выражающейся в отсутствии материального результата и сложности оценки качества оказанной услуги» [5, С. 53]. Данная позиция требует критического осмысления, поскольку современное законодательство и судебная практика выработали достаточно четкие критерии оценки качества финансовых услуг через призму соблюдения стандартов раскрытия информации, добросовестности и разумности действий финансовой организации. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [3] конкретизирует подходы к оценке качества услуг и определению объема ответственности исполнителя.

Третьей особенностью является наличие обязательного досудебного порядка урегулирования споров для отдельных категорий финансовых услуг. Федеральный закон от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [1] ввел институт финансового уполномоченного, обращение к которому является обязательным до подачи иска в суд по спорам о ненадлежащем оказании или неоказании финансовой организацией финансовых услуг. Данный механизм направлен на разгрузку судебной системы и создание специализированного органа, обладающего необходимыми компетенциями для разрешения споров в финансовой сфере. Несоблюдение досудебного порядка влечет возвращение искового заявления, что существенно отличает споры потребителей финансовых услуг от общих потребительских споров.

Четвертая особенность касается специфики компенсации морального вреда и применения штрафных санкций. Согласно статье 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав

потребителей» моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения его прав, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины [2]. Судебная практика по делам о защите прав потребителей финансовых услуг демонстрирует устойчивую тенденцию к взысканию компенсации морального вреда даже при незначительных нарушениях прав потребителя, что связано с особой значимостью финансовой стабильности для человека.

М. А. Шокотько обращает внимание на проблему применения положений о неустойке и штрафе при нарушении прав потребителей финансовых услуг, отмечая необходимость дифференцированного подхода в зависимости от вида финансовой услуги и характера нарушения [6, С. 122–123]. Статья 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» предусматривает право потребителя на взыскание неустойки за нарушение сроков оказания услуги, а при удовлетворении судом требований потребителя суд

взыскивает с изготовителя, исполнителя за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя [2].

Таким образом, специфика судебной защиты прав потребителей финансовых услуг заключается в комплексе взаимосвязанных особенностей: расширенной альтернативной подсудности, направленной на обеспечение доступности правосудия; смещении бремени доказывания на финансовую организацию как профессионального участника рынка; обязательном досудебном порядке урегулирования споров через финансового уполномоченного; повышенной ответственности финансовых организаций через механизмы компенсации морального вреда и штрафных санкций. Данные особенности формируют систему усиленной процессуальной и материально-правовой защиты потребителя, компенсирующую информационную и экономическую асимметрию в отношениях с финансовыми организациями.

Литература:

1. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (ред. от 23.07.2025 г.) // Российская газета от 6 июня 2018 г. N 121.
2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-I «О защите прав потребителей» (ред. от 15.10.2025 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апреля 1992 г., N 15, ст. 766.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета от 11 июля 2012 г. N 156.
4. Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография / А. Я. Курбатов. — Москва: Юстицинформ, 2023. 167 с.
5. Назарова М. Г. Обязательства по возмездному оказанию услуг: особенности реализации требований при исполнении: монография / М. Г. Назарова. — Пятигорск: РИА-КМВ, 2023. 183 с.
6. Шокотько М. А. Проблемы защиты прав потребителей финансовых услуг // Образование и право. 2020. № 11. С. 122–127.

Гуманизация исполнения наказания в воспитательных колониях: правовые идеалы и пенитенциарная реальность

Захарчев Максим Евгеньевич, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Генчиск)

Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления системного противоречия между формальным закреплением в законодательстве РФ и международных нормах (таких как Пекинские правила) принципов гуманизации и приоритета воспитания несовершеннолетних осужденных и реальной практикой их реализации в условиях воспитательных колоний. В контексте продолжающейся реформы уголовно-исполнительной системы и роста общественного внимания к соблюдению прав ребенка, научный анализ указанных проблем приобретает высокую теоретическую и практическую значимость. Исследование направлено на выявление институциональных и кадровых барьеров, искажающих цели наказания, и разработку конкретных мер по обеспечению подлинной ресоциализации, что является ключевым условием профилактики рецидивной преступности и социальной интеграции несовершеннолетних.

Цель статьи: анализ дисбаланса между правовыми идеалами гуманизации и практикой их воплощения в воспитательных колониях.

Ключевые слова: воспитательные колонии, правовое регулирование, несовершеннолетние осужденные, гуманизация наказания, ресоциализация, пенитенциарная система, принцип воспитания.

Формирование современной модели исполнения наказания в отношении несовершеннолетних основано на фундаментальном философско-правовом принципе гуманизма, который трансформирует цель уголовной репрессии из возмездия в исправление и перевоспитание. Эта парадигма рассматривает несовершеннолетнего правонарушителя не как неисправимого преступника, а как личность, находящуюся в процессе становления, чье противоправное поведение во многом обусловлено возрастной незрелостью, несформированностью системы ценностей и часто — неблагоприятными социальными условиями. В отечественном правовом поле данная идея находит свое выражение в создании специализированного вида исправительного учреждения — воспитательной колонии (далее — ВК), главной задачей которой является не столько кара, сколько создание необходимых условий для умственного, духовного, нравственного, психологического и физического развития воспитанника, его реабилитации и социальной адаптации. Исторически эта идея эволюционировала от карательных учреждений к воспитательно-трудовым колониям, а затем к современным ВК, что отражает постепенное утверждение в уголовно-исполнительной политике личностно-ориентированного подхода [3, с. 300].

Конкретизация и нормативное закрепление этих идей осуществлены в главе 17 Уголовно-Исполнительного Кодекса РФ, которая целиком посвящена исполнению наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Ключевым принципом, пронизывающим все правовое регулирование, выступает приоритет воспитательных мер. Согласно этому принципу, весь распорядок дня, режимные требования и деятельность администрации ВК должны быть подчинены прежде всего педагогическим целям. Этот приоритет прямо коррелирует с другим основополагающим началом — индивидуализацией исполнения наказания и учетом особенностей личности несовершеннолетнего. Законодатель предписывает организовывать воспитательную работу дифференцированно, с учетом психологических и возрастных особенностей осужденных, уровня их социальной и педагогической запущенности, а также криминальной предрасположенности. Данные принципы не являются изолированным национальным явлением; они представляют собой имплементацию международных стандартов, в первую очередь Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»). Эти правила подчеркивают необходимость научного подхода, изучения потребностей несовершеннолетних и ориентации правосудия на их благополучие и реинтеграцию в общество [5, с. 289].

Для реализации указанных принципов законодатель устанавливает для воспитанников ВК ряд существенных

льгот и преимуществ по сравнению с осужденными взрослыми, что формирует особый, щадящий правовой режим. В области режима содержания эти льготы проявляются в менее строгих условиях изоляции. Так, прогулки для несовершеннолетних осужденных должны составлять не менее двух часов в день, что значительно превышает нормы для взрослых. Воспитательная работа ведется по комплексным направлениям: нравственное, правовое, трудовое, эстетическое и физическое воспитание, что призвано обеспечить всестороннее развитие личности.

Система мер поощрения и взыскания также носит педагогическую окраску. Например, к мерам поощрения, помимо традиционных, может относиться право на выход за пределы колонии для посещения культурно-массовых или спортивных мероприятий под контролем администрации. Меры взыскания, в свою очередь, ограничены: помещение в дисциплинарный изолятор возможно на срок до семи суток, при этом запрещаются лишь некоторые послабления режима (телефонные переговоры, курение, длительные свидания), что отличается от более строгих мер для взрослых [1, с. 28].

Ярким примером гуманного подхода к исчислению наказания служит дифференцированный зачет времени, проведенного в следственном изоляторе (СИЗО): один день содержания в СИЗО приравнивается к полутора дням отбывания наказания в воспитательной колонии, что отражает признание государством более суровых условий в СИЗО по сравнению с ВК.

Особое значение в модели гуманизации придается поддержанию социально-полезных связей, что прямо вытекает из цели ресоциализации. Для этого законодательство предусматривает расширенные возможности для свиданий (как краткосрочных, так и длительных) с родственниками, поощряется подключение к воспитательной работе общественных организаций и родителей. Право на образование является не только гарантией, но и обязанностью несовершеннолетнего осужденного.

В ВК организуется получение общего образования, а также, что критически важно для будущей адаптации, — профессиональное обучение. Трудовое воспитание направлено на формирование навыков и получение профессии, востребованной на рынке труда, что рассматривается как ключевой фактор предотвращения рецидива. Условия быта и медицинского обеспечения также должны соответствовать повышенным стандартам, включая улучшенные нормы питания и организации досуга. Однако даже в рамках этой нормативной идеальной модели отмечаются системные проблемы [4, с. 198].

Данные, приведенные в исследованиях, свидетельствуют, что уровень психических расстройств, наркомании, венерических заболеваний, ВИЧ-инфекции и туберкулеза среди воспитанников ВК многократно пре-

вышает аналогичные показатели у их сверстников на свободе. Этот факт указывает на то, что нормативная модель сталкивается с серьезными вызовами на этапе реализации, требуя не только правового закрепления гарантий, но и адекватных ресурсов, кадрового обеспечения и постоянного контроля.

Как вывод, можно говорить о том, что идеальная цель нормативной модели, закреплённой в законодательстве РФ и отвечающей международным стандартам, заключается в создании такой среды исполнения наказания, где изоляция от общества является не самоцелью, а вынужденным фоном для комплексной воспитательной и корректирующей работы.

Нормативная модель гуманизации, закреплённая в УИК РФ, сталкивается при своей реализации с комплексом системных проблем, которые трансформируют воспитательный идеал в формальную процедуру, а зачастую и в свою противоположность. Практика исполнения наказания в ВК демонстрирует устойчивый разрыв между декларируемыми целями и пенитенциарной реальностью, где доминируют императивы безопасности, контроля и минимизации рисков. Этот разрыв порождается тремя взаимосвязанными группами факторов: внутренним дисбалансом карательных и воспитательных элементов, институциональными барьерами самой уголовно-исполнительной системы и негативным субъективным восприятием ключевых участников процесса [3, с. 302].

Одной из проблем является дисбаланс наказания и воспитания в условиях изоляции. Теоретической основой для анализа данного дисбаланса служит концепция видного советского учёного Н. А. Стручкова, который последовательно разделял содержание наказания как кару, ограничивающую права осуждённого, и исправительно-трудовое (воспитательное) воздействие как сопутствующий, но отдельный элемент, лежащий за пределами карательного содержания. Современное законодательство, провозглашая приоритет воспитательных мер, пытается соединить эти элементы. Однако на практике карательная составляющая, выраженная в режиме изоляции, неизбежно доминирует и подчиняет себе воспитательную работу, сводя её к формальности.

Доминирование режимных требований и надзорной функции является системообразующим принципом организации жизни в ВК. Весь распорядок дня подчинён логике контроля, безопасности и предупреждения правонарушений внутри учреждения. Воспитательные мероприятия (беседы, кружки, культурные события) вынуждены встраиваться в жёсткие временные и пространственные рамки, определяемые режимом. Как следствие, любая воспитательная инициатива может быть свёрнута или отменена в угоду оперативной обстановке или распоряжению о усилении контроля. Такое положение дел приводит к тому, что персонал, в первую очередь, идентифицирует себя как надзиратель и контролёр, и лишь во вторую — как воспитатель или педагог. Ключевыми показателями эффективности работы отряда ста-

новятся отсутствие нарушений, побегов и конфликтов, а не успехи воспитанников в учёбе или личностном росте. Данные отчётов ФСИН и Уполномоченного по правам ребёнка регулярно фиксируют жалобы на то, что администрация колоний ограничивает доступ к образованию, литературе или юридической помощи под предлогом поддержания режима или в качестве меры коллективного взыскания за нарушения отдельных воспитанников [2, с. 316].

Формализация воспитательных мероприятий — прямое следствие их подчинённости режиму. Воспитательная работа часто сводится к выполнению плановых показателей: проведению определённого числа «воспитательных часов», лекций, культурных мероприятий. Содержательная сторона, индивидуальный подход, обратная связь от подростков отходят на второй план. Мероприятия носят зачастую назидательный и односторонний характер, не учитывающий психологические особенности и реальные потребности несовершеннолетних. Например, стандартные беседы о вреде наркотиков или правонарушений, проводимые в приказном порядке, не имеют эффекта для подростков, уже имеющих соответствующий негативный опыт. Такая формализация дискредитирует саму идею воспитания в глазах воспитанников, которые воспринимают её как обязательную и бессмысленную повинность. В судебной практике встречаются жалобы, где воспитанники указывают, что их доступ к школьным урокам или профессиональному обучению систематически прерывается для выполнения хозяйственных работ по колонии, что прямо нарушает их право на образование и свидетельствует о подмене воспитательных целей утилитарными нуждами учреждения.

Ограниченность ресурсов для индивидуальной работы делает декларируемую в законе индивидуализацию наказания практически недостижимой. Штатное расписание ВК, как правило, не предусматривает достаточного количества психологов, социальных работников, дефектологов, способных вести постоянную и глубокую работу с каждым подростком. На одного психолога могут приходиться десятки, а иногда и более сотни воспитанников, что исключает возможность проведения полноценной диагностики, коррекции и сопровождения. Материально-техническая база для творчества, спорта, профессионального обучения часто устарела и скудна. Нехватка финансирования приводит к тому, что стимулирование воспитанников (поощрительные мероприятия, улучшенные условия) ограничено, а основным инструментом воздействия остаются дисциплинарные взыскания, усиливающие карательный уклон. Отчёты контролирующих органов регулярно указывают на неудовлетворительное санитарное состояние некоторых помещений, отсутствие необходимого спортивного инвентаря и современного оборудования в учебных классах и мастерских, что прямо противоречит требованиям создания развивающей среды [1, с. 29].

Так, в условиях изоляции провозглашённый приоритет воспитательных мер не может быть реализован в полной

мере, так как сама логика пенитенциарного учреждения, его ключевые функции и ресурсное обеспечение ориентированы на исполнение кары в форме лишения свободы.

В продолжение исследования необходимо обозначить в качестве проблемы наличие институциональных барьеров. Система исполнения наказаний представляет собой жёсткую бюрократическую структуру, исторически и функционально ориентированную на обеспечение изоляции и контроля. Эта институциональная природа создаёт непреодолимые, на первый взгляд, барьеры на пути внедрения подлинно гуманистической и индивидуальной воспитательной модели.

Противоречие между ведомственными инструкциями и требуемой гибкостью является фундаментальным. Деятельность сотрудников ВК регламентирована множеством подзаконных актов, инструкций и предписаний, в которых акцент сделан на унификации, отчётности и недопущении отклонений. Любое нестандартное решение, попытка пойти навстречу конкретному воспитаннику (например, в организации свидания или получении дополнительного образования) сопряжено для сотрудника с персональным риском нарушения инструкции и последующей дисциплинарной ответственностью. Ведомственная логика «во избежание» порождает практику, когда проще запретить, чем разрешить, найти причины для отмены мероприятия, чем организовать его с учётом всех требований безопасности. Это убивает педагогическую инициативу на корню и делает невозможным построение отношений доверия между воспитателем и воспитанником, которые являются основой любой педагогики [4, с. 196].

Архитектурно-материальная среда ВК, унаследованная от советской пенитенциарной системы, является материальным воплощением приоритета изоляции над развитием. Высокие заборы с колючей проволокой, решётки на окнах, казарменный тип размещения, обезличенные помещения для «воспитательных мероприятий» — всё это создаёт атмосферу подавления и безысходности. Такая среда психологически давит как на воспитанников, формируя у них ощущение отверженности и клейма преступника, так и на персонал, усугубляя профессиональную деформацию. Физически отсутствуют пространства, необходимые для неформального общения, уединённой работы психолога, творческих мастерских или современного учебного класса. Пенитенциарная архитектура является не нейтральным фоном, а активным агентом, воспроизводящим карательную логику и препятствующим формированию социально-бытовых навыков, адекватных жизни на свободе.

Необходимо обозначить также проблемы субъективного восприятия. Дисбаланс и институциональные барьеры находят своё отражение в устойчивых негативных установках как у персонала, так и у воспитанников, образуя порочный круг, который крайне сложно разорвать.

Со стороны персонала распространён феномен «кадрового консерватизма». Для многих сотрудников, осо-

бенно со стажем, гуманизация и расширение прав воспитанников воспринимаются не как прогресс, а как угроза устоявшемуся порядку, ослабление дисциплины и потерю управляемости. Профессиональное выгорание, вызванное сложными условиями труда, эмоциональными нагрузками и низкой заработной платой, приводит к эмоциональному отчуждению от воспитанников, цинизму и использованию исключительно формальных, шаблонных подходов. В таких условиях любые воспитательные методики, требующие эмпатии, терпения и индивидуального подхода, обречены на неудачу. Сотрудники начинают рассматривать воспитанников не как объект исправления, а как источник постоянных проблем и потенциальной угрозы, что закономерно ведёт к ужесточению режима и пресечению любых инициатив [5, с. 289].

Со стороны воспитанников наблюдается глубокое недоверие ко всей системе и её представителям. Подростки, попадающие в ВК, часто имеют негативный опыт взаимодействия с государственными институтами. В колонии они видят лишь продолжение системы подавления, где воспитательные программы воспринимаются как лицемерная попытка замаскировать суть наказания. Это приводит к инструментализации предлагаемых мер: участие в мероприятиях, учёба, демонстрация «хорошего поведения» могут использоваться воспитанниками сугубо прагматически — для получения поощрений, раннего выхода на УДО или улучшения текущих условий, без внутреннего принятия целей исправления. Такой циничный расчёт, в свою очередь, укрепляет позиции скептически настроенных сотрудников, которые видят в любых проявлениях «исправления» лишь манипуляцию. Этот взаимный скепсис и отсутствие искреннего диалога являются главным препятствием для достижения подлинной цели исправления и ресоциализации [2, с. 317].

Преодоление глубинного разрыва между прогрессивной нормативной моделью и консервативной пенитенциарной реальностью требует системной трансформации, затрагивающей все уровни организации деятельности ВК. Реформирование не может ограничиться точечными изменениями; оно должно носить комплексный характер, последовательно воздействуя на нормативную базу, организационные процедуры, кадровый потенциал и, что наиболее сложно, на устоявшуюся институциональную культуру. Целью такой трансформации является создание среды, где приоритет воспитания и ресоциализации будет не декларацией, а реальным, ресурсно обеспеченным императивом, направленным на разрыв порочного круга рецидивизма.

Действующее законодательство, закрепляющее приоритет воспитательных мер, на практике нивелируется подзаконными ведомственными актами и инструкциями, в которых доминирует логика унификации, контроля и минимизации рисков. Преодоление этого противоречия требует пересмотра нормативной базы в сторону внедрения диспозитивных (управомочивающих) норм, предоставляющих администрации ВК и воспитателям пра-

новые основания для гибкого, индивидуального подхода [3, с. 302].

Во-первых, необходима конкретизация статей УИК РФ, регулирующих условия отбывания наказания. Вместо жестких, единых для всех предписаний, следует законодательно закрепить шкалу режимных требований, привязанную к динамике индивидуального исправительного прогресса воспитанника. Например, доступ к дополнительным длительным свиданиям, выходам за пределы колонии для социально значимой деятельности (волонтерство, посещение учебных заведений), использованию средств связи должен предоставляться не только как мера поощрения, но и как стандартный инструмент поэтапной ресоциализации. Этот подход соответствует Правилу 24.1 Минимальных стандартных правил ООН (Пекинские правила), которое гласит, что «необходимо приложить усилия для обеспечения... освобождения [несовершеннолетнего] из-под стражи в возможно более короткий срок».

Во-вторых, требуется реформа системы мер воздействия. Дисциплинарная практика должна быть переориентирована с карательных на воспитательно-восстановительные цели. Целесообразно законодательно внедрить альтернативы дисциплинарному изолятору, такие как обязательное участие в медиативных сессиях для разрешения конфликтов, выполнение общественно полезных работ на благо учреждения или местного сообщества, написание рефлексивных работ. Это согласуется с Европейскими пенитенциарными правилами (Правило 43.3), которые предписывают, что «дисциплинарные наказания не должны включать запрет на семейные контакты, и следует максимально ограничивать применение изоляции от окружающих» [2, с. 315].

В-третьих, необходимо законодательно обеспечить неприкосновенность базовых прав воспитанников, сделав их ограничение исключительной, юридически обоснованной мерой. Право на непрерывное образование, медицинскую помощь, свидания с родственниками не должно приостанавливаться по соображениям административного удобства или в качестве коллективного наказания. Жалобы на такие нарушения, регулярно фиксируемые в отчетах Уполномоченного по правам ребенка, должны получать не только реакцию контролирующих органов, но и прямое нормативное запрещение.

Также, на основе анализа текущей ситуации видим необходимым внедрение современных практик и привлечение общества. Главным направлением является внедрение восстановительного правосудия. Программы примирения (медиации) между воспитанником и жертвой преступления, а также технологии разрешения конфликтов внутри колонии (например, «восстановительные круги») должны стать не факультативной, а штатной практикой. Эти методики позволяют подростку осознать последствия своих действий, сформировать эмпатию и взять ответственность, что является сутью исправления. Данный подход напрямую вытекает из Пекинских правил (Пра-

вило 11), отмечающих важность вовлечения семьи и потерпевших в процесс перевоспитания.

Активное привлечение институтов гражданского общества способно компенсировать дефицит внутренних ресурсов ВК. Опыт взаимодействия, например, Брянской воспитательной колонии с адвокатурой и Уполномоченными по правам ребенка показывает востребованность и эффективность таких контактов. Необходимо создавать правовые и организационные условия для системной работы в ВК некоммерческих организаций, проектов наставничества и волонтерских сообществ.

Глубинной основой всех проблем является устоявшаяся карательно-охранительная организационная культура, в которой безопасность понимается исключительно как физический контроль и подавление. Преодоление этого является наиболее сложной, но и самой важной задачей.

Новая культура должна базироваться на парадигме «безопасность через воспитание». В ее основе лежит понимание, что подлинная безопасность и устойчивый порядок в учреждении достигаются не страхом наказания, а созданием атмосферы справедливости, предсказуемости и уважения. Доверительные отношения между сотрудниками и воспитанниками, выявленные как ключевой фактор психического здоровья последних, сами по себе становятся мощным профилактическим инструментом, снижающим напряжение и агрессию.

Формирование такой культуры требует символических и материальных изменений: от реконструкции архитектурной среды, смягчающей тюремную эстетику, до изменений в профессиональном языке, из которого должны исчезнуть уничижительные ярлыки. Лидерскую роль в этом процессе должна взять на себя администрация колонии, демонстрируя на практике приоритет воспитательных ценностей над бюрократическим формализмом [5, с. 289].

Проведенный анализ выявил глубинный и системный разрыв между формальным закреплением в законодательстве РФ гуманистических принципов исполнения наказания в отношении несовершеннолетних и реальной пенитенциарной практикой в воспитательных колониях. Прогрессивные нормы, провозглашающие приоритет воспитания и ресоциализации, наталкиваются на доминирование режимно-надзорных функций, кадровый дефицит, консервативную организационную культуру и архитектуру изоляции, что в совокупности воспроизводит карательную логику и сводит на нет декларируемые цели.

Преодоление этого противоречия требует не косметических изменений, а трансформации всей среды ВК, основанной на интеграции учреждений в общую систему профилактики детского неблагополучия. Ключевыми направлениями являются внедрение восстановительных технологий (медиации), развитие межведомственного взаимодействия для непрерывного сопровождения несовершеннолетних до и после освобождения, а также коренной пересмотр профессиональных стандартов и куль-

туры персонала в пользу педагогически ориентированной модели безопасности. Лишь такой системный подход по-

зволяет реализовать истинную цель наказания — исправление и социальную интеграцию личности.

Литература:

1. Абатуров Е. М., Крупская А. К., Тогошеева И. Б. Проблемы правового регулирования исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы в воспитательной колонии // Правовая позиция. 2022. № 6 (30). С. 27–31.
2. Авраменко Т. А. К вопросу о правовом регулировании назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы // В книге: Наука и современность. Сборник трудов Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых. Таганрог, 2020. С. 315–318.
3. Агильдин В. В. Правовое регулирование исполнения и отбывания уголовного наказания в отношении несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26. № 2 (100). С. 299–306.
4. Верховзина А. Л. Актуальные проблемы правового регулирования исполнения и отбывания наказания несовершеннолетних осужденных в исправительных учреждениях // Флагман науки. 2024. № 7 (18). С. 196–199.
5. Нарышкина Н. И. Совершенствование правового регулирования деятельности воспитательных колоний как средство профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // В сборнике: Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития. сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции: в 6 т.. 2020. С. 287–291.

Реформа уголовно-исполнительной системы в отношении несовершеннолетних: анализ последних изменений законодательства и практики их применения

Захарчев Максим Евгеньевич, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Генгическ)

Актуальность темы обусловлена объективной необходимостью модернизации отечественной уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, которая находится в состоянии перманентного реформирования. Важнейшим императивом выступает приведение национального законодательства и пенитенциарной практики в соответствие с международными стандартами, в частности, Минимальными стандартными правилами ООН («Пекинские правила»), которые провозглашают приоритет ресоциализации и наилучшего обеспечения благополучия несовершеннолетнего. Существующий системный разрыв между прогрессивными нормами, закрепляющими принципы гуманизации и индивидуализации, и консервативной карательной средой воспитательных колоний актуализирует потребность в комплексном научном анализе. Такой анализ направлен на выявление институциональных барьеров, искажающих цели наказания, и разработку конкретных механизмов, обеспечивающих подлинную воспитательную функцию и социальную интеграцию осужденных, что является ключевым условием профилактики рецидива.

Цель статьи: системный анализ ключевых законодательных инициатив в сфере исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних и оценки практики их применения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, несовершеннолетние осужденные, воспитательные колонии, ресоциализация, реформа, международные стандарты.

Правовое регулирование исполнения наказания в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации находится в состоянии перманентного реформирования, ядром которого является поиск баланса между карательной функцией государства и гуманными целями исправления и ресоциализации. Одним из наиболее сложных и дискуссионных аспектов этой системы исторически выступает проблема перевода осужденных, достигших совершеннолетия в период отбывания наказания в воспитательной колонии (далее — ВК). Долгое время доминирующей была модель жесткого возрастного автоматизма: согласно положениям

Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) РФ, достижение осужденным возраста 19 лет влекло за собой обязательный перевод для дальнейшего отбывания наказания в исправительную колонию общего режима, предназначенную для взрослых. Данный подход, основанный на формальном хронологическом критерии, игнорировал принцип индивидуализации исполнения наказания и вступал в острое противоречие с декларируемыми целями воспитательного воздействия [4, с. 109].

Критика этой устоявшейся модели носит системный характер и вытекает из нескольких ключевых проти-

воречий. Во-первых, автоматический перевод означал резкую и недифференцированную смену пенитенциарной среды. Подросток, находившийся в условиях относительно щадящего режима ВК, ориентированного на педагогическую работу, принудительно помещался в суровую атмосферу взрослой исправительной колонии с иной, часто криминальной субкультурой. Такой разрыв не только нивелировал достигнутые за время пребывания в ВК позитивные результаты, но и создавал серьезные риски десоциализации, подталкивая молодого человека к усвоению устойчивых антисоциальных установок. Во-вторых, данная практика вступала в конфликт с логикой стимулирования правопослушного поведения, заложенной в самой системе отбывания наказания в ВК. Осужденный, стремящийся к исправлению и переведенный на облегченные или льготные условия содержания, в результате достижения 19-летнего возраста мог быть одномоментно лишен всех стимулов, что дискредитировало саму воспитательную систему.

Попытки преодолеть этот системный изъян предпринимались неоднократно. Историческим прецедентом стала законодательная инициатива начала 2000-х годов, когда возраст обязательного перевода был повышен до 21 года. Однако этот эксперимент завершился неудачей и был отменен. Как отмечают аналитики, его итогом стала серия бунтов в воспитательных колониях, где повзрослевшие осужденные, пользуясь физическим и психологическим превосходством, формировали банды, терроризировавшие младших воспитанников, а администрация учреждений не обладала достаточными ресурсами для противодействия этим явлениям. Этот негативный опыт наглядно продемонстрировал риски механического продления пребывания в ВК без создания адекватных условий для раздельного содержания, дифференцированной работы с разновозрастными группами и укрепления кадрового состава [1, с. 519].

Параллельно развивалась иная концепция реформы, направленная на трансформацию воспитательных колоний в воспитательные центры. Данная идея, активно обсуждаемая и частично апробированная на базе ряда колоний (например, в Брянской, Московской, Тульской областях) еще в 2010–2012 годах, предполагала создание учреждения нового типа, где несовершеннолетние могли бы содержаться до окончания срока приговора независимо от достижения совершеннолетия. Главным элементом модели был отказ от приоритета надзорно-режимных функций в пользу социально-психологической и педагогической работы, что должно было обеспечить непрерывность процесса ресоциализации. Однако, как показал подробный анализ хода апробации, эта реформа также столкнулась с непреодолимыми институциональными барьерами.

Реализация проекта воспитательных центров была фактически заблокирована рядом фундаментальных проблем. Во-первых, так и не было создано адекватное нормативно-правовое основание для преобразований, что

привело к правовой неопределенности статуса новых должностей (социальный педагог, социальный психолог) и структурных подразделений. Во-вторых, вместо укрепления кадрового потенциала происходило его сокращение: в ходе так называемой «оптимизации» численность отделов воспитательной работы и психологических лабораторий в апробирующих модель колониях была значительно уменьшена. В-третьих, не были выполнены ключевые организационные условия, такие как раздельное содержание осужденных разных возрастных групп и раздельный учебный процесс. В итоге реформа свелась в основном к капитальному ремонту и перепланировке помещений, не оказав существенного влияния на содержание воспитательной работы. Этот опыт свидетельствует о том, что прогрессивные концепции терпят поражение, сталкиваясь с инерцией ведомственной бюрократии, недофинансированием и отсутствием последовательной политической воли [6, с. 407].

Современный этап реформирования уголовно-исполнительной системы в отношении несовершеннолетних характеризуется поиском более гибких и дифференцированных подходов, направленных на преодоление жесткости прежней модели автоматического перевода. Ключевым вектором этих поисков является отказ от исключительно возрастного критерия в пользу оценки поведения и динамики исправления личности осужденного, что напрямую вытекает из основополагающих принципов уголовно-исполнительного права — дифференциации, индивидуализации и стимулирования правопослушного поведения. В научном и правоприменительном дискурсе в качестве альтернатив традиционному механизму обсуждаются две основные концепции: оставление положительно характеризующихся осужденных в ВК по достижении 19 лет (вплоть до 21 года) и их перевод в колонии-поселения. Эти инициативы, хотя и не нашедшие на текущий момент окончательного законодательного закрепления в виде конкретных поправок, заслуживают детального анализа, поскольку отражают эволюцию подходов к ресоциализации молодых правонарушителей [2, с. 224].

Инициатива об оставлении положительно характеризующихся осужденных в воспитательных колониях до 21 года исходит из признания того, что психологическая и социальная зрелость лица не наступает одномоментно в день его 19-летия. Целью предложения является предотвращение деструктивного влияния среды взрослых исправительных колоний на молодых людей, демонстрирующих устойчивую положительную динамику. Теоретически это позволило бы сохранить преемственность воспитательного процесса, укрепить сформированные в ВК социально полезные навыки и связи, а также избежать психологической травмы, связанной с резкой сменой пенитенциарной среды. Однако, как показывает анализ неудачного исторического опыта подобных изменений, успех данной модели критически зависит от решения ряда сложнейших организационных задач. Для

ее реализации необходимы не только изменение нормы закона, но и создание в ВК эффективных механизмов раздельного содержания и дифференцированного подхода к разновозрастным группам осужденных (несовершеннолетние и лица 19–21 года), а также существенное усиление психолого-педагогического и охранного персонала. Без этого сохраняется риск воспроизведения негативных явлений прошлого, таких как рост напряженности и внутренней иерархии среди осужденных [5, с. 113].

Существует альтернативное предложение о переводе осужденных, достигших 19 лет, в колонии-поселения. Эта концепция предлагает иной путь смягчения «пенитенциарного шока». Колония-поселение как вид исправительного учреждения характеризуется значительно более мягким режимом по сравнению с обычными исправительными колониями: отсутствие охраны по периметру, проживание в общежитиях, возможность свободного передвижения в пределах территории и за ее пределами в установленное время. Перевод в такое учреждение мог бы стать логичным промежуточным звеном между воспитательной колонией и полным освобождением, выполняя функцию социальной адаптации. Он позволил бы молодому человеку начать восстанавливать навыки самостоятельной жизни в условиях, максимально приближенных к свободе, — трудоустроившись, учиться, планировать бюджет. Критическим для данного предложения является вопрос критериев отбора: перевод в колонию-поселение должен быть строго обоснован и доступен только тем, кто не представляет риска для общества и доказал свое исправление. Кроме того, требуется законодательное уточнение процедуры такого перевода в рамках существующей системы видов исправительных учреждений.

Независимо от выбора конкретной модели, центральное место в ней должны занимать объективные и прозрачные критерии, на основании которых принимается решение о применении льготного механизма. Действующее законодательство уже содержит развитую систему таких критериев, заложенную в ст. 132 УИК РФ. Понятие «положительная характеристика» операционализируется через конкретные, поддающиеся проверке поведенческие показатели: отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестное отношение к труду и учебе. Наиболее значимым материальным подтверждением положительной характеристики выступает нахождение осужденного в облегченных или льготных условиях отбывания наказания. Перевод в эти условия является не автоматическим, а результатом последовательного правоопослушного поведения. Например, для перевода из обычных в облегченные условия осужденным мужчинам, впервые отбывающим лишение свободы, необходимо отбыть три месяца без нарушений, добросовестно относясь к труду и учебе. Льготные же условия предназначены специально для подготовки к освобождению и являются высшей ступе-

пенью в этой «лестнице стимулирования». Так, сам факт отбывания наказания в облегченных или льготных условиях служит формализованным доказательством того, что осужденный встал на путь исправления и может рассматриваться в качестве кандидата на применение специальных, поощрительных правил перевода по достижении совершеннолетия [3, с. 225].

Обе рассмотренные законодательные инициативы являются прямым воплощением принципов уголовно-исполнительного права. Принцип индивидуализации требует, чтобы средства исправления применялись с учетом личности осужденного и его поведения. Предлагаемые модели переводят фокус с обезличенного возрастного признака на персональные достижения и риски конкретного молодого человека, позволяя дифференцировать его дальнейшую судьбу. Принцип стимулирования правоопослушного поведения получает в этих предложениях мощное развитие. Перспектива не быть переведенным в суровые условия взрослой колонии, а остаться в более щадящей воспитательной среде или перейти в колонию-поселение становится мощным долгосрочным стимулом для несовершеннолетнего осужденного. Это формирует у него осознанную заинтересованность в соблюдении режима, активном участии в воспитательных мероприятиях, получении образования и профессии. Как отмечается в научных исследованиях, эффективное стимулирование направлено не только на поддержание текущей дисциплины, но и на формирование у осужденного качеств социально активной личности, готовой к жизни после освобождения. Новые инициативы, по сути, создают правовую перспективу, связывающую правоопослушное поведение «здесь и сейчас» со значимыми, ощутимыми улучшениями будущих условий отбывания наказания.

Так, предлагаемые законодательные инициативы знаменуют собой переход от карательного автоматизма к гуманистической логике, основанной на оценке индивидуального прогресса осужденного. Их потенциальная эффективность в деле ресоциализации несовершеннолетних представляется высокой, однако она не может быть реализована механическим изменением одной нормы закона. Успех зависит от создания комплексной системы, включающей четкие процедурные правила отбора на основе действующих критериев ст. 132 УИК РФ, обеспечение безопасности и раздельного содержания в учреждениях, а также подготовку кадров для работы с новой категорией осужденных. Дальнейшее реформирование должно быть основано на тщательном анализе как международного опыта, так и отечественных исторических уроков, с обязательным пилотным тестированием и мониторингом результатов.

Анализ судебной практики, в частности обзоров Верховного Суда РФ и решений по конкретным делам, связанным с исполнением наказания в ВК, представляет собой второй критически важный эмпирический источник. Он позволяет сместить фокус с формальных норм на процедурные проблемы и защиту прав осужденных.

Наиболее показательными являются категории дел, связанные с:

1. Обжалованием условий содержания: жалобы на ненадлежащее медицинское обеспечение, санитарно-гигиенические условия, организацию питания или обучения. Массив таких жалоб и результаты их рассмотрения судами являются прямым индикатором соответствия реальности стандартам, установленным законом.

2. Оспариванием решений о переводе: как переводов в строгие условия отбывания наказания внутри ВК (на основании ст. 132 УИК РФ), так и решений о переводе в исправительные колонии по достижении совершеннолетия. Практика показывает, насколько прозрачны и обоснованы процедуры таких переводов, учитываются ли индивидуальные характеристики и положительная динамика поведения осужденного.

3. Применением мер взыскания и поощрения: судебные споры вокруг правомерности наложения дисциплинарных взысканий (например, водворение в штрафной изолятор) или, наоборот, необоснованного отказа в применении мер поощрения (например, перевод на облегченные условия) демонстрируют баланс между карательной и воспитательной функциями администрации ВК в повседневной практике.

Систематический анализ такой практики позволяет выявить типичные нарушения процедур, злоупотребления со стороны администрации, а также сформировать рекомендации по совершенствованию ведомственных инструкций и контроля за их исполнением. Отсутствие же регулярных публичных обзоров подобной практики Верховным Судом РФ лишает научное и экспертное сообщество важнейшего инструмента для объективной оценки правоприменения.

Определение эффективности реформы является концептуально сложной задачей. Эффективность исполнения наказания в научной литературе понимается как способность пенитенциарной системы достигать целей наказания, закрепленных в законе (исправление, предупреждение новых преступлений), с оптимальным использованием ресурсов. Применительно к ВК и реформе, нацеленной на гуманизацию и ресоциализацию, эта общая категория должна быть операционализирована через конкретные критерии: критерий ресоциализации и предотвращения рецидива: уровень постпенитенциарного рецидива (как указано выше), успешность социальной адаптации:

критерий гуманизации процесса отбывания наказания, динамика численности осужденных, переведенных на облегченные и льготные условия содержания в ВК, как стимул к правопослушному поведению, количество осужденных, оставленных в ВК после 18 лет на основании положительной динамики, статистика участия в образовательных, профессиональных и психокоррекционных программах, снижение числа конфликтов и дисциплинарных взысканий внутри колонии, а также критерий системной эффективности и экономической целесообразности.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что реформа системы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, направленная на преодоление автоматизма перевода во взрослые исправительные учреждения, сталкивается с системными проблемами. Основной вывод заключается в существовании глубокого разрыва между прогрессивными законодательными инициативами, основанными на принципах индивидуализации и гуманизации, и пенитенциарной реальностью. Попытки внедрить гибкие механизмы (оставление в ВК до 21 года или перевод в колонии-поселения) наталкиваются на неустранимые в краткосрочной перспективе барьеры: негативный исторический опыт, риски субъективизма и коррупции при оценке поведения осужденных, а также критический дефицит кадровых и материальных ресурсов. Эмпирический анализ подтверждает, что система испытывает острую нехватку достоверной статистики и прозрачной судебной практики, что делает окончательную оценку эффективности любых изменений преждевременной.

В этой связи основными направлениями для совершенствования политики являются: разработка детальных, объективных и публичных критериев для принятия решений о судьбе осужденных, достигших совершеннолетия; кардинальная переподготовка персонала с акцентом на возрастную психологию и восстановительные технологии; создание эффективной системы межведомственного пострелизного сопровождения. Перспектива дальнейших исследований видится в организации независимого мониторинга правоприменения и налаживании системного сбора данных, что является необходимым условием для перехода от точечных законодательных корректировок к построению целостной модели ресоциализации, балансирующей между безопасностью и педагогическими целями.

Литература:

1. Ананьев О. Г., Ананьева Ж. Н. К отдельным вопросам гуманизации наказаний в УИС // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 517–520.
2. Кунц Е. В. Проблемы назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // В сборнике: Юридическая наука и практика. альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2023. С. 223–226.
3. Никишин Д. Л., Орешкова Д. О. Отличительные юридико-социальные особенности исполнения и отбывания наказания в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 10–2. С. 223–232.

4. Пасечник В. Н. Правовое регулирование порядка исполнения наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних осужденных // В сборнике: Вестник молодого ученого Кузбасского института. Сборник научных статей. Новокузнецк, 2024. С. 108–110.
5. Сошникова И. В. Реабилитация в уголовном процессе // В сборнике: Университетские правовые диалоги. Материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2024. С. 112–114.
6. Тепляшин П. В. Субъекты исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних: юридические вопросы // В сборнике: Актуальные проблемы права и пути их решения. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2022. С. 405–408.

Актуальная проблематика внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство в Российской Федерации

Зелинский Николай Михайлович, студент

Научный руководитель: Тюрин Илья Владимирович, старший преподаватель
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассмотрены актуальные проблемы, связанные с внедрением искусственного интеллекта в современную судебную систему. Проанализирована международная практика применения ИИ в рассмотрении дел в разных судебных инстанциях и на разном уровне. Обозначены основные направления использования ИИ в суде и дана объективная оценка возможности применения ИИ в суде на сегодняшний день.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, суд, цифровизация, электронное правосудие

Современный мир стремительно меняется благодаря быстро развивающимся прорывным технологиям. Главную роль в этих процессах играет искусственный интеллект, благодаря которому наступает новая эра развития человечества — четвертая промышленная революция. История искусственного интеллекта исчисляется десятилетиями и охватывает множество достижений и инноваций. Он включает в себя множество различных технологий и методов, которые позволяют создать системы, способные анализировать данные и принимать решения во взаимодействии с человеком.

Сегодня искусственный интеллект влияет на все сферы жизни человека, появляется целый новый круг общественных отношений, требующих нормативно-правового урегулирования. В ряде стран уже приняты разные нормативно-правовые акты, регулирующие данный круг общественных отношений. В США существует «Биль о правах в области искусственного интеллекта» [1] устанавливающий основные принципы в области использования ИИ, в Китае «Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных службах Интернета», созданный для противодействия монополистическому поведению ИИ и для защиты прав пользователей. В Российской Федерации примером подобного нормативно-правового акта является Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший национальную стратегию развития ИИ до 2030 года. Данная национальная программа предусматривает повсеместное внедрение ИИ, в том числе в органы

власти. В данной статье хотелось бы сосредоточиться на такой важной и дискуссионной теме, как внедрение ИИ в судебную систему. Выявить положительные и отрицательные стороны данного процесса, обозначить конкретные проблемы и предложить возможные пути их решения.

Прежде всего стоит отметить, что внедрение ИИ в судебную систему крайне дискуссионная тема. Среди ученых нет единого мнения по данному вопросу. Так, кандидат юридических наук, доцент К. В. Шундинов высказывает опасения связанные с внедрением ИИ в суды. Он отмечает, что на сегодняшний день мы не можем с уверенностью ответить изменят ли цифровые технологии наши представления о справедливости, способно ли их дальнейшее развитие способствовать соблюдению прав человека [2, с. 317]

Однако существует и другая группа ученых, так доктор юридических наук Н. А. Колоколов считает, что ИИ уже присутствует в правосудии и его роль будет только возрастать [3, с. 203]. Похожего мнения придерживается Ю. С. Пилипенко, президент федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридический наук и профессор: «Существующий уровень развития цифровых технологий позволяет создать алгоритм выполнения задач правосудия, в результате чего судью-человека вполне может заменить ИИ» [4, с. 176]. В апреле 2025 года на XX Сессии председателей верховных судов государств — членов Шанхайской организации сотрудничества Председатель Верховного суда России Ирина Подносова заявила, что в РФ судейское сообщество уже активно

обсуждает идею внедрения ИИ в судебную систему и активно анализирует зарубежный опыт [5]. Анализируя различные нормативно-правовые акты разных стран, можно обозначить очень важную проблему-отсутствие общепринятого понимания того, что такое искусственный интеллект. В законодательстве США искусственный интеллект определяется как: «Машинная система, которая может по заданному человеком набору целей делать предсказания, давать рекомендации и принимать решения, влияющие на физическую или виртуальную среду» [6]. В общеевропейском законодательстве можно увидеть другое определение: «Программное обеспечение, разработанное с использованием информационно-коммуникационных технологий и способное для заданного набора целей, определённых человеком, генерировать выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на сферу, с которой они взаимодействуют» [7]. Отсутствие единого определения ИИ в праве препятствует созданию эффективной правовой базы для развития ИИ, его применения и защиты пользователей. Усложняет международное сотрудничество, без четкого общепринятого определения сложно понять какие технологии подпадают под регулирование, а какие нет. Данная проблема естественно преодолима, для ее решения необходимо глубокое теоретическое и научное осмысление понятия «искусственный интеллект» в рамках международного сотрудничества.

Современная судебная система РФ крайне перегружена, за первые шесть месяцев 2025 года было подано около 28 тысяч жалоб и представлений, только в рамках гражданского судопроизводства. Общее же количество рассмотренных дел за 2024 год составило более 42 миллионов. Факт перегруженности судов очевиден [8, с. 1]. В сложившейся ситуации внедрение ИИ окажет огромную помощь нашей судебной системе [9, с. 12]. Если проанализировать зарубежную практику применения ИИ в суде мы можем увидеть следующие. Например, в Казахстане искусственный интеллект был внедрен для рассмотрения дел по ст. 610 КоАП, связанных с нарушением правил дорожного движения. Это позволило значительно сократить количество дел, поступающих в суд и ускорить процесс рассмотрения дел. С помощью ИИ судья может вынести решение за 10 минут, хотя раньше на рассмотрение подобных дел уходило до 3-х суток [10].

Также ИИ применяется в судебных системах США, Великобритании, Франции и Китая. В частности, в Китае были выработаны 5 принципов использования ИИ в судопроизводстве, они отражены в «Пояснения Верховного

народного суда КНР по регулированию и усилению судебного применения искусственного интеллекта» от 9 декабря 2022 г. Также китайские суды активно используют систему «умный суд», комплекс технологий позволяющий оперативно принимать решения по конкретному делу в суде [11, с. 71]. Однако, роль ИИ здесь все же функционально ограничена только разработкой текста решения, а будет ли оно окончательно принято и вступит ли потом в законную силу всегда решает лишь судья

В российском законодательстве в свою очередь нет четкого регулирования использования ИИ в судопроизводстве. Однако практика применения все же имеется. В 2021 году в Белгородской области запустили проект, в рамках которого ИИ готовил судебные приказы по делам, связанным с взысканием с граждан транспортных, имущественных и земельных налогов [12]. Возникает закономерный вопрос может ли искусственный интеллект заменить судью? На существующем этапе развития технологий ИИ не может заменить судью по ряду причин. Во-первых, не смотря на способность анализировать большой объем данных и способность быстро подготавливать документы, ИИ все еще очень часто допускает правовые ошибки и неточности. Во-вторых, возникает вопрос, предположим ИИ принял решение в рамках приказного производства вместо судьи, какой должен быть порядок обжалования этого решения [13]. На кого должно жаловаться лицо, если считает вынесенное решение необоснованным и кого должны привлекать к тому или иному виду ответственности вышестоящие инстанции?

Исходя из вышеобозначенных проблем можно сделать вывод, что на сегодняшний день искусственный интеллект может выступать только в качестве вспомогательного инструмента в судопроизводстве. В ближайшее время наиболее перспективным представляется внедрение ИИ в российское гражданское судопроизводство: киберинтеллект сможет значительно облегчить работу секретаря суда, помогая ему анализировать большой поток документов и заранее выделяя допущенные в них ошибки, судье же он будет способен давать подсказки по вынесению решений по тому или иному делу на базе реальной судебной практики.

Естественно, роль ИИ следует в определенной мере полезно ограничивать, и принятие итоговых решений всегда должно оставаться только за человеком. Однако без глубокой теоретической и практической проработки уже существующих сегодня проблем внедрение таких технологий не представляется допустимым [14, с. 25–26].

Литература:

1. «Билль о правах ИИ» (AI Bill of Rights) // ai.gov.ru
2. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Шундилов К. В. // Образование и право № 8 2023 г.
3. Искусственный интеллект в правосудии — будущее неотвратимо // Колоколов Н. А. // Вестник Московского университета МВД России 2021 г.

4. Пилипенко Ю. С. Как избавиться от обвинительного уклона? (тезисы выступления на первом Московском правоприменительном форуме) // Судейское усмотрение: сборник статей // Е. В. Авдеева, Г. А. Агафонова, М. Д. Беляев и др.; отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин; сост. А. А. Суворов, Д. В. Кравченко. — М.: Юстицинформ, 2020. — 176 с.
5. XX Совецание председателей Верховных судов государств — членов ШОС: итоги и тезисы выступлений // zhurnalsudya.ru
6. Кодекс США 15 Коммерческая деятельность и Торговля часть 119 параграф 9401-Понятия (U. S. Code: Title 15 — COMMERCE AND TRADE Chapter 119 par 9401-Definitions)
7. Закон (Регламент) об искусственном интеллекте ЕС от 13 июня 2024 года // ai.gov.ru
8. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносовой по итогам 2024 года // vsrf.ru
9. «Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве» // Самбуров И. Я. // «Ведомости уголовно-исполнительной системы» 2025 г.
10. Искусственный интеллект в казахстанском суде: чем он может помочь // zakon.kz
11. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт. // Бальчиндоржиева О. Б. Мяханова А. Н., Сапкеев Д. В. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия 2023 г.
12. Робот-судья: реальность или фантастика — решали на ПМЮФ-22 // Parvo.ru
13. «Искусственный интеллект в суде — одна инстанция» // Василий Лаптев // Право.ru 2024 г.
14. «К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве» // Журавлева М. Д. // «Гуманитарные и политико-правовые исследования» 2021 г.

Экоцид как международное преступление

Ибрагимова Айсель Хайямовна, студент;

Нимеева Ильяна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы рассматривают экоцид как одно из важнейших явлений современности, представляющее серьезную угрозу экологической безопасности планеты и устойчивого существования человечества. Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глобальные экологические проблемы приобретают всё большее значение в международной повестке дня. Во-вторых, международное сообщество осознает необходимость выработки эффективных правовых механизмов защиты природы и привлечения виновных лиц к ответственности за совершение экологически опасных деяний. Несмотря на существование ряда конвенций и соглашений в области охраны окружающей среды, проблема отсутствия единого международного правового акта, определяющего понятие и ответственность за экоцид, остается нерешенной.

Ключевые слова: экоцид, международное преступление, международное право, Международный уголовный суд, юрисдикция, окружающая среда.

Изменение климата, массовое исчезновение видов животных и растений, загрязнение океанов и уничтожение лесов ставят под угрозу основы жизни на Земле. Существующие международные экологические отношения, несмотря на их ценность и значимость, зачастую оказываются недостаточно эффективными для сдерживания наиболее разрушительных форм воздействия на природу. В результате сложившиеся обстановки многие исследователи в области международного права приходят к выводу о возникновении необходимости разработки и реализации новых механизмов, направленных на предотвращение ухудшения экологической обстановки и истощения природных богатств [7, с. 339].

Впервые термин «экоцид» был введен в научный оборот А. Галфсоном в 1970 году для описания масштабных экологических разрушений, причиненных США во время войны во Вьетнаме, однако правовая концепция начала формироваться чуть позднее. Знаковым событием стала попытка включения «экоцида» в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества Комиссии международного права ООН.

В июне 1972 года делегаты из 113 стран приняли участие в первой крупномасштабной конференции ООН по вопросам окружающей среды, широко известной как Стокгольмская конференция [1]. Участники мероприятия подчеркнули важность здоровой и безопасной окружа-

ющей среды для полноценной жизни, прогресса и благосостояния каждого человека, отмечая ее значение как общего достояния всего человечества. На фоне продолжающейся войны во Вьетнаме особое внимание привлекли негативные последствия военной активности, выразившиеся в массированных бомбежках, широком применении тяжелой техники и химикатов, уничтожавших природу. Эти события вызвали необходимость ввести термин «экоцид», обозначающий масштабное разрушение природной среды и подлежащий рассмотрению международным сообществом.

В течение периода с 1984 по 1986 годы Комиссия международного права ООН изучала возможность признания вреда, нанесенного природе, в качестве отдельного вида международного преступления. Во время дискуссий возникали разногласия относительно характера преступных намерений, поскольку отдельные представители утверждали, что сознательное желание нанести вред окружающей среде необязательно должно считаться основным критерием состава преступления, известного как экоцид. Такое мнение отчасти отражало стремление государств максимизировать свою прибыль за счет интенсивной эксплуатации природных ресурсов. Таким образом, возникла важная тема различия между законной добычей природных ресурсов и целенаправленными действиями, приводящими к необратимому повреждению природной среды [2].

Римская конвенция 1998 года и вступившая в силу в 2001 году, так же рассматривала вопрос о включении экоцида, но в итоге он не вошел в перечень преступлений юрисдикции суда. Однако, военные преступления по Римскому Статуту, предусмотренные в статье 8, частично охватывают ущерб окружающей природной среде, но лишь в контексте международных вооруженных конфликтов и при условии, что этот ущерб является явно обширным, долгосрочным и несет серьезный характер [3, с.7].

Сегодня мировое сообщество располагает значительным количеством многосторонних соглашений, направленных на защиту окружающей среды, но лишь некоторые из них определяют четкую правовую базу для конкретных видов экологических правонарушений. Среди них следует выделить: Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года, Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 года, Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалении 1989 года. Несмотря на наличие указанных инструментов, на сегодняшний день ни одно из природных соглашений не предусматривает механизм привлечения физических и юридических лиц к индивидуальной ответственности за совершение крупных экологических ката-

строф, особенно происходящих в условиях мирного времени. Это создает серьезный пробел в международном праве, так как отсутствуют эффективные механизмы защиты окружающей среды [4, с. 200]. Ключевыми ограничениями существующего режима заключается в следующем:

Во-первых, нормы разбросаны по различным отраслям права и не образуют единой системы.

Во-вторых, нормы применяются в период вооруженных конфликтов, тогда как наибольший ущерб экосистемам наносится в мирное время в результате промышленной и хозяйственной деятельности.

В-третьих, за большинство экологических преступлений ответственность несут государства, а не конкретные лица.

Одной из перспективных решений проблемы является предложение внести понятие «экоцид» в список международных преступлений, закрепленных в Римском Статуте Международного уголовного суда. В настоящее время этот суд обладает компетенцией рассматривать четыре категории преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. Если бы экоцид стал частью юрисдикции суда, это значительно повысило бы эффективность борьбы с масштабными нарушениями экологических стандартов и могло бы предотвратить будущие катастрофы [5, с.431].

В июне 2021 года по инициативе международной коллегии юристов, состоящих из представителей Великобритании, Сенегала, США, Франции, Экватора, Норвегии и другие, было внесено предложение о включении экоцида в число международных преступлений, преследуемых по Римскому статуту Международного уголовного суда.

Результатом работы стало следующее предложение: «Экоцид означает незаконные или произвольные действия, совершенные с осознанием существования существенной вероятности того, что эти действия причинят серьезный и либо широкомасштабный, либо долгосрочный ущерб окружающей среде» [6].

Концепция экоцида представляет собой закономерный и необходимый ответ международного сообщества на вызовы глобального экологического кризиса. Несмотря на существующие юридические и политические сложности, движение в направлении его криминализации набирает обороты. Признание экоцида международным преступлением стало бы историческим шагом, где ценность природы признается сама по себе, а не только как ресурс для человечества. Это позволило бы привлекать к ответственности тех, чьи решения приводят к катастрофическим последствиям для планеты, и служить мощным сдерживающим фактором. Будущее человечества зависит от его способности жить в гармонии с природой, и международное право должно создать инструменты для защиты этого фундаментального принципа.

Литература:

1. Цвериянашвили И. А. Стокгольмская конференция 1972 года и ее роль в становлении международного экологического сотрудничества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2016, № 1. -С. 89- 94.

2. Международное право охраны окружающей среды. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международное_право_охраны_окружающей_среды (дата обращения: 25.11.2025)
3. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 25.11.2025)
4. Кудрявцев В. Н. Международное уголовное право. М.: Наука, 1999. — 264 с.
5. Валеев Р. М. Международное экологическое право: Учебник / Отв. ред. Р. М. Валеев. М.: Статут, 2012. -639 с.
6. Экоцид может стать пятым международным преступлением. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60dc37359a7947d3b07ff119> (дата обращения: 25.11.2025)
7. Гогин А. А. Международное правонарушение: проблемные вопросы // Вектор науки ТГУ, 2011, № 1. — 338–341 с.

Пересмотр приговоров суда с участием присяжных заседателей: основания и процедуры

Иванова Вероника Сергеевна, студент

Научный руководитель: Шпак Алёна Алексеевна, преподаватель

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Суд присяжных занимает особое место в российской уголовной юстиции, обеспечивая участие граждан в отправлении правосудия и создавая дополнительный механизм защиты прав обвиняемого. Однако пересмотр приговоров, вынесенных на основе вердикта присяжных заседателей, имеет ряд специфических черт, закреплённых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: суд присяжных, вердикт присяжных, обжалование приговора, апелляция, кассация, УПК РФ, судебные ошибки, вопросный лист, пересмотр приговора, судебная практика.

Несмотря на то что такие приговоры подлежат апелляции, кассационному и надзорному обжалованию, основания для их пересмотра существенны. В силу статьи 389.27 УПК РФ обжалование возможно лишь в случаях существенных нарушений закона, неправильного применения уголовного закона либо явной несправедливости приговора. При этом пересмотр невозможен по мотиву несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, поскольку факты устанавливаются присяжными и отражаются в немотивированном вердикте, который не подлежит оценочному пересмотру [3].

В соответствии с положениями статьи 389.27 УПК РФ, судебный акт, вынесенный при участии присяжных заседателей, может быть предметом апелляционного, кассационного либо надзорного обжалования лишь при наличии строго определённых оснований. К ним относятся существенные нарушения требований уголовно-процессуального закона, неправильное толкование или применение уголовного закона, а также признание приговора несправедливым.

К числу существенных процессуальных нарушений, затронувших права прокурора, потерпевшего или их представителей на представление доказательственной базы, могут быть отнесены случаи, когда судом без положенных процессуальных оснований либо с отступлением от установленного законом порядка были признаны недопусти-

мыми и исключены из дела доказательства обвинения; отказано в исследовании представленных обвинением доказательств; отклонены ходатайства стороны обвинения о вызове дополнительных свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании документов или вещественных доказательств; нарушено право потерпевшего или его представителя участвовать в судебном заседании.

Иные процессуальные нарушения могут являться основанием для отмены оправдательного вердикта только при условии, что суд апелляционной или кассационной инстанции установит их прямое влияние на содержание вопросов, поставленных перед присяжными, либо на формулирование ответов присяжными заседателями. Примером таких нарушений является незаконное воздействие на присяжных, делающего невозможным их объективность и беспристрастность при вынесении решения.

При этом приговор не может быть отменён или изменён со ссылкой на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, поскольку фактическая сторона устанавливается исключительно присяжными, отражается в их вердикте, не содержит мотивировочной части и не подлежит последующей переоценке.

Практика показывает, что наиболее распространённой причиной отмены приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, является неправильное формулирование вопросного листа председательствующим судьёй.

Так, в деле Бармина, рассмотренном 25 октября 2002 года, неполное отражение обстоятельств убийства Муляра и Худякова в вопросном листе привело к нарушению логики оценки доказательств присяжными и стало основанием для отмены приговора в кассационном порядке [7].

Судебные инстанции признают основаниями к отмене приговора и иные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, но только если доказано влияние этих нарушений на содержание вопросов, поставленных перед присяжными, или на ответы, сформулированные ими. К числу таких нарушений относится незаконное воздействие на коллегию присяжных, способное поставить под сомнение их беспристрастность.

При отмене приговора с направлением дела на новое рассмотрение сохраняется форма судопроизводства — дело повторно слушается с участием присяжных, независимо от позиции подсудимого. Исключения касаются только случаев, когда дело возвращено на стадию предварительного слушания: на этом этапе суд вновь решает вопросы, предусмотренные статьёй 325 УПК РФ, включая вопрос о форме разбирательства. Кроме того, судья, участвовавший в первоначальном рассмотрении дела после вынесения вердикта присяжных, не вправе принимать участие в новом рассмотрении [2].

О. Арутюнян, опираясь на практику Верховного Суда РФ, а также апелляционных и кассационных инстанций, выделил основные группы нарушений, служащих основаниями для отмены приговоров, постановленных на основе вердикта присяжных заседателей [1]. К таким основаниям относится нарушение тайны совещательной комнаты: помощник судьи имела доступ к присяжным и обсуждала с ними вопросы, подлежащие разрешению при вынесении вердикта. Существенную категорию составляют нарушения при формировании коллегии присяжных,

включая сокрытие кандидатом сведений о состоянии здоровья, препятствующем исполнению обязанностей, участие лица с непогашенной судимостью, повторное участие присяжного в течение года, а также расхождения в анкетных данных и паспорте. Нарушения протокола судебного заседания выражались в неполноте фиксации показаний, пропусках в тексте, отсутствии отражения заявленных ходатайств и отсутствии аудиозаписи. Значимыми являются и ошибки при составлении вопросного листа: формулировки, исключающие возможность дать самостоятельные ответы на различные вопросы, включение юридических терминов и указание целей преступления, что фактически требует юридической оценки со стороны присяжных. К нарушениям, способным вызвать предубеждение коллегии, относятся высказывания подсудимого о необъективности судьи, обсуждение вопроса о допустимости доказательств в присутствии присяжных, а также иные комментарии, выходящие за пределы их компетенции и систематически воздействующие на их мнение. К нарушениям итогового судебного решения относится отсутствие ясности в выводах присяжных, что привело к постановлению приговора в нарушение статьи 252 УПК РФ, а также включение в приговор выводов об участии неустановленного лица, не основанных на предъявленном обвинении и законодательстве.

Таким образом, пересмотр приговоров, основанных на вердикте присяжных, представляет собой особую правовую процедуру, направленную на защиту законности при сохранении ключевого принципа: уважения к решению коллегии присяжных как выражению народного правосудия. Этот институт служит важным гарантом справедливости, позволяя исправить существенные нарушения, не вмешиваясь при этом в суверенную сферу оценки фактов, принадлежащую присяжным.

Литература:

1. Арутюнян О. Обзор судебной практики с основаниями для отмены приговора суда, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей (часть 3). 2022. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-s-osnovaniyami-dlya-otmeny-prigovora-suda-postanovlennogo-na-osnovanii-chast-3/>.
2. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 № 55–257/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Безлепкина Б. Т. Указ. соч. С. 514.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // БВС РФ. 2006. № 1.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 205-АПУ15-4СП // БВС РФ. 2016. № 8.
6. Рябцева Е. В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 57–60.
7. Обзор по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 году. Верховный Суд РФ, 2004. — 128 с.

Расследование незаконного сбыта наркотических средств: специфика следственных действий в цифровой среде

Иванова Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье рассматриваются особенности производства следственных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств с использованием информационнотелекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотиков, цифровые доказательства, следственные действия, осмотр места происшествия, обыск, допрос, информационнотелекоммуникационные сети.

Расследование преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, в условиях активного использования цифровых технологий приобретает особую сложность. Преступники всё чаще задействуют интернетмагазины, мессенджеры, анонимные платёжные системы и облачные сервисы, что существенно меняет тактику следственных действий.

Предварительное расследование таких преступлений осуществляется посредством процессуальных следственных действий, регламентированных Уголовнопроцессуальным кодексом РФ (гл. 21, 24–29, 32 УПК РФ) [1]. Основная задача — получить доказательства, достаточные для установления истины по уголовному делу. Согласно ст. 176 УПК РФ, осмотр места происшествия проводится с целью обнаружения следов преступления и выяснения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом уголовнопроцессуальный закон не даёт чёткого определения осмотра места происшествия, что порождает различные научные трактовки [2,3].

Следственный осмотр представляет собой процессуальное действие, направленное на восприятие объектов, исследование материальной обстановки и фиксацию следов преступления и вещественных доказательств. По делам о незаконном сбыте наркотиков осмотр включает как осмотр места происшествия (мест «закладок», изготовления, фасовки), так и осмотр предметов и документов (наркотических средств, электронных устройств).

При расследовании сбыта через интернетканалы местом происшествия выступают точки размещения «закладок», помещения для изготовления и фасовки, а также места проживания участников преступного сообщества. В ходе осмотра решаются следующие задачи: обнаружение и фиксация места «закладки»; изъятие следов на месте происшествия; изучение обстановки для выявления значимых обстоятельств; установление признаков, характеризующих участников преступления; выявление изменений в расположении объектов; фиксация объективной стороны преступления (время, способ, последствия); выявление мотивов и целей преступления; определение обстоятельств, способствовавших преступлению.

Особое внимание при осмотре места происшествия уделяется электронным устройствам: персональным компьютерам, смартфонам и планшетами, роутерам и другим

сетевым устройствам. Осмотр смартфона предполагает несколько этапов. На подготовительном этапе определяются место и время осмотра, приглашаются специалисты (в области информационных технологий, криминалистики), разъясняются права и обязанности участников. На рабочем этапе сначала проводится статическая стадия — внешний осмотр (фиксируются марка, модель, повреждения устройства, его состояние — включено или выключено). Затем следует динамическая стадия: осматривается аппаратное обеспечение (определяются IMEI, MACадрес, операционная система), изучается программное обеспечение (контакты, звонки, SMS), анализируются данные браузера (история, закладки, кэш).

При работе с включённым устройством рекомендуется активировать режим «Полёта», чтобы сохранить данные и предотвратить их удалённую передачу. Если устройство выключено, включать его не следует из-за риска удаления информации. Для извлечения данных целесообразно использовать специализированные аппаратнопрограммные комплексы [4].

Осмотр компьютерной техники включает изучение аппаратного содержимого (жёсткий диск, сетевая карта, оперативная память), определение операционной системы (Windows, macOS), установление IP и MACадресов, анализ данных браузера (история, кэш, загрузки), проверку облачных сервисов (Dropbox, OneDrive), поиск файлов с помощью встроенных средств операционной системы. На заключительном этапе компьютер рекомендуется перевести в спящий режим и упаковать с соблюдением процессуальных требований.

Перед проведением обыска в цифровой среде необходимо собрать информацию о лице (семейное положение, привычки, профессия), изучить место проведения (характеристики здания, распорядок дня), определить оптимальное время. В ходе обыска применяются различные тактические приёмы: последовательный или выборочный поиск, параллельное или встречное обследование, наблюдение за поведением обыскиваемого, использование технических приборов (металлоискатели, эндоскопы).

Изъятие электронных носителей регулируется УПК РФ и предполагает обязательное участие специалиста, право владельца на копирование информации, фиксацию действий в протоколе с участием понятых. К электронным

носителям относятся жёсткие диски, оптические диски, флешнакопители, смартфоны и ноутбуки.

Допрос в условиях цифрового расследования также имеет свои особенности. Общие правила допроса закреплены в ст. 56, 187–191 УПК РФ: запрещены наводящие вопросы; допрашиваемый вправе пользоваться документами и записями; допускается участие адвоката; максимальная продолжительность — 8 часов с перерывом.

Свидетелей можно разделить на три группы: участвовавшие в документировании преступления (сотрудники полиции, понятые); очевидцы преступления или задержания; лица с опосредованной информацией (арендодатели, клиенты интернетмагазинов).

При допросе подозреваемых необходимо учитывать наличие состояния наркотического опьянения, психологические особенности (депрессивность, нарушение эмоциональной сферы), а также применять тактические приёмы (предъявление доказательств, создание впечатления осведомлённости). Вопросы варьируются в зависимости от роли допрашиваемого в преступной иерархии:

— **Закладчик:** как получил должность, кто куратор, способы конспирации.

— **Курьер:** методы изготовления, упаковки, отчётности.

— **Оператор:** каналы связи с лидером, вербовка новых участников, система штрафов.

— **Лидер:** время возникновения умысла, распределение функций, координация между регионами.

Работа с электронной информацией сопряжена с рядом правовых нюансов. Согласно ч. 7 ст. 185 УПК РФ, осмотр и выемка электронных сообщений возможны либо при наличии судебного решения (если требуется ограничение тайны связи), либо с согласия абонента (без судебного решения). Копирование информации допускается при соблюдении условий: отсутствие риска утраты или изменения данных, участие специалиста и понятых, предоставление копий владельцу (если это не препятствует расследованию).

Таким образом, расследование незаконного сбыта наркотиков в цифровой среде требует комплексного подхода. Необходимо тщательно проводить осмотр места происшествия и электронных устройств; привлекать специалистов в области ИТ и информационной безопасности; строго соблюдать процессуальные нормы при изъятии и копировании данных; применять тактические приёмы допроса с учётом специфики преступной иерархии.

Литература:

1. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Рассейкин Д. П. Осмотр места происшествия и первоначальные розыскные действия при расследовании убийств. — М.: Юрид. лит., 1967.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. — М.: Норма, 2001.
4. Веденин Д. А. Возможности компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Молодой учёный. 2022. № 48 (443). С. 211–214.
5. Лушин Е. А. Проблемы расследования сбыта наркотических средств с использованием сети интернет // Актуальные исследования. 2021. № 6 (33). С. 9–11.
6. Введенская О. Ю. Первоначальный этап расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебное пособие. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023.

Актуальные проблемы реализации принципа рационального использования атмосферного воздуха в индустриальном обществе

Ильясова Лолита Рафаэлевна, студент;

Самигулин Али Маратович, студент

Научный руководитель: Щурикова Лариса Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается содержание принципа рационального использования атмосферного воздуха как одного из ключевых в экологическом праве, а также его места в системе экологического права как самостоятельной отрасли. Анализируются основные проблемы реализации данного принципа в условиях современного индустриального общества, связанные с экономическими, технологическими и правовыми факторами. Предлагаются возможные пути совершенствования механизмов охраны атмосферного воздуха.

Ключевые слова: экологическое право, принцип рационального использования, атмосферный воздух, индустриальное общество, загрязнение, охрана окружающей среды, правовые проблемы.

Атмосферный воздух, будучи ключевым компонентом экосистемы, является неотъемлемой частью среды обитания для широкого круга биологических организмов, включая человека, растения и животных. Важно отметить, что атмосферный воздух считается важнейшим природным ресурсом, поскольку выступает источником кислорода, обеспечивая обмен веществ, защиту живых организмов от неблагоприятного воздействия ультрафиолетовых, рентгеновских и космических лучей, терморегуляцию, а также условия для всех прочих микробиологических процессов. Он, в свою очередь, представляет собой естественную смесь газов и аэрозолей приземного слоя атмосферы и выступает неотъемлемым условием существования жизни на Земле. Правовое регулирование в сфере охраны атмосферного воздуха направлено на реализацию конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду, обеспечивает получение достоверной информации о ее текущем состоянии.

Загрязнение атмосферы — одна из наиболее острых глобальных проблем современности, которая представляет серьезную угрозу как для здоровья людей, так и для экологического состояния планеты. Статистические данные Всемирной организации здравоохранения свидетельствуют о том, что практически каждый человек на Земле, а именно 99 % мирового населения, вынужден дышать воздухом, качество которого не соответствует рекомендованным нормам [6]. Это приводит к снижению уровня жизни и даже повышению смертности.

Группа авторов Е. Д. Злобина, Е. А. Мельникова отмечают, что проблема загрязнения атмосферного воздуха является «...сложным и многофакторным явлением, обусловленным взаимодействием природных процессов и антропогенной деятельности» [5, с. 996]. Действительно, процесс индустриализации, несмотря на свои экономические преимущества, приводит к значительному увеличению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Промышленные предприятия, транспортные средства и другие источники загрязнения создают атмосферные условия, которые наносят вред не только окружающей среде, но и здоровью населения. Так, интенсивное промышленное развитие привело к тому, что антропогенная нагрузка на атмосферу достигла критического уровня. Источники антропогенного загрязнения многочисленны и разнообразны, но среди них можно выделить основные группы, которые вносят наиболее существенный и систематический вклад в загрязнение атмосферы.

В первую группу следует отнести промышленный сектор. Выступая ведущим фактором экономического роста и развития страны, он является преобладающим источником загрязняющих веществ, поскольку оказывает значительное негативное воздействие не только на атмосферный воздух, но и на окружающую среду. В число загрязняющих веществ, регулярно поступающих в атмосферный воздух в результате постоянной деятельности заводов, фабрик, электростанций, рудников, шахт, комбинатов и других предприятий, можно отметить угарный газ,

углекислый газ, диоксид серы, оксиды азота, озон, свинец, углеводороды. Например, диоксид серы образуется при сжигании серосодержащего топлива и переработке сернистых руд и участвует в образовании кислотных дождей, которые приводят к гибели флоры и фауны на суше и в водоемах, а также представляют серьезную угрозу для здоровья человека.

Транспортный сектор, входящий во вторую группу, обеспечивает мобильность населения и перевозку грузов, является еще одним основным фактором загрязнения атмосферного воздуха в современных урбанизированных экосистемах. Вклад в загрязнение вносят все виды транспорта: автомобильный, авиационный, железнодорожный и водный. Особенно это проявляется в крупных городских агломерациях и промышленных зонах.

Третья группа — энергетический сектор, который помимо крупных тепловых электрических станций (ТЭС), включает в себя и другие объекты, вносящие вклад в загрязнение атмосферного воздуха, такие как котельные и мусоросжигательные заводы, каждый из которых характеризуется специфическим набором выделяемых в атмосферу загрязняющих веществ.

Наконец, в четвертую группу входит сельское хозяйство. В современных условиях, особенно в связи с интенсификацией сельскохозяйственного производства, животноводство, растениеводство и практика сжигания сельскохозяйственных отходов становятся важными источниками загрязнения атмосферного воздуха. Хотя эти виды деятельности традиционно не ассоциируются с сильным загрязнением окружающей среды, их влияние на качество воздуха в настоящее время становится всё более значимым.

Тем самым, обобщая вышеуказанные группы источников загрязнения атмосферного воздуха, можно сделать вывод о том, что в своей совокупности они не только влияют на качество воздушной оболочки Земли, но и наносят значительный урон всей экосистеме.

В российском законодательстве, а именно в Федеральном законе Российской Федерации от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3], регулирующем охрану атмосферного воздуха, отсутствуют эффективные механизмы и конструкции для разработки комплексной системы правовой охраны и защиты воздушной среды. Эти механизмы должны учитывать современные тенденции, технологические возможности и достижения, а также специфику использования атмосферы и атмосферного воздуха.

Основные принципы охраны атмосферного воздуха непосредственно закреплены в Федеральном законе от 04.05.1999 N 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [2], где предусмотрены нормативы предельно допустимых концентраций (ПДК), выбросов для стационарных и передвижных источников. Кроме того, устанавливает требования к выбросам загрязняющих веществ, порядок нормирования воздействия на атмосферный воздух, систему мониторинга качества воздуха, а также меры юридиче-

ской ответственности за экологические правонарушения. Дополнительно также действуют санитарные правила и нормативы (СанПиН), технические регламенты, региональные программы охраны воздуха, международные соглашения Российской Федерации.

Несмотря на государственные меры по защите атмосферы от загрязнений, они пока не дают ожидаемого эффекта. Это обусловлено недостаточностью эффективного законодательного механизма для охраны воздуха.

По мнению автора Р. Х. Габитова отсутствие строго установленного объекта правовой охраны «...не позволило до сих пор использовать уже давно существующую правовую конструкцию института права собственности, применяемую для охраны всех других природных объектов» [4]. Автор отмечает, что атмосферный воздух не может быть отнесен к государственной собственности, а также не может иметь иного собственника, независимо от формы его выражения. Охрана данного объекта не может быть рассмотрена с точки зрения собственности. Данное положение закреплено как в научной доктрине экологического права, так и в действующем законодательстве.

По нашему мнению, важно также уделить внимание современным вызовам, связанным с реализацией принципа рационального использования атмосферного воздуха.

Действующие предельно допустимые концентрации (ПДК) и предельно допустимые выбросы (ПДВ) зачастую не учитывают совокупное воздействие множества загрязнителей и не пересматриваются с учётом новых научных данных о токсичности веществ. Отсутствует как регламентация выбросов ультрамелких частиц, так и нормы для ряда новых синтетических соединений — новых видов загрязнений.

Под государственным контролем над охраной атмосферного воздуха понимается система мер, направленных на обеспечение строгого выполнения всеми министерствами, комитетами, службами, предприятиями и другими органами, а также должностными лицами и гражданами требований воздухоохранного законодательства.

Федеральная служба России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды и ее органы в регионах осуществляют наблюдение за состоянием атмосферного воздуха и учет вредных воздействий на него, а именно формирование системы мониторинга воздушной среды. Однако на практике выявляются системные проблемы, связанные с недостаточной эффективностью контрольно-надзорной деятельности. К ним относятся: нехватка ресурсов у надзорных органов для регулярного мониторинга; использование устаревшего оборудования для замеров выбросов; сложности в доказательстве превышений на мобильных источниках загрязнения.

Предприятия сталкиваются с высокой стоимостью современных очистных сооружений, отсутствием доступных кредитных механизмов для экологической модернизации, недостаточными налоговыми стимулами для внедрения наилучших доступных технологий (НДТ). На наш взгляд, это выступает экономическими барьерами, препятствующими внедрению «зелёных» технологий.

В результате исследований мы пришли к выводу, что в настоящее время расширение спектра негативных воздействий на атмосферный воздух, увеличение масштабов его загрязнения и распространение зон неблагоприятного влияния на экологическую систему, здоровье населения и экономику страны являются свершившимися фактами. В связи с этим возникает острая необходимость пересмотра традиционных представлений о последствиях такого загрязнения не только в рамках эколого-правовой науки, но и в контексте всей социально-экономической сферы. Атмосферный воздух — это важный компонент окружающей среды, который выполняет жизненно необходимые функции, такие как обеспечение кислородом, регуляция температурного режима, а также участие в метаболических процессах и круговороте веществ. Таким образом, воздух выступает в качестве фундаментальной составляющей биосферы, поддерживающей биологическое разнообразие и экологическое равновесие на планете Земля.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Об охране атмосферного воздуха: Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ // СЗ РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2222.
3. Об охране окружающей среды: Федеральный закон 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
4. Габитов, Р. Х. Теоретические проблемы правовой охраны атмосферного воздуха / Р. Х. Габитов // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 1. — С. 183–184.
5. Злобина, Е. Д. Оценка влияния загрязнения атмосферного воздуха на здоровье человека: обоснование необходимости совершенствования инструментов государственного управления / Е. Д. Злобина, Е. А. Мельникова // Вестник Академии знаний. — 2025. — № 2 (67). — С. 994–998.
6. Всемирная организация здравоохранения. Загрязнение воздуха и его влияние на здоровье [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/how-air-pollution-is-destroying-our-health> (дата обращения: 24.11.2025).

Особо охраняемые природные территории Подмосковья: правовой взгляд

Кадын Елена Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Нахратов Виталий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В статье автор исследует особо охраняемые природные территории Подмосковья.

Ключевые слова: особо охраняемая природная территория, ООПТ.

Одним из принципов земельного законодательства Российской Федерации является приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий, согласно которому изменение целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения, земель, занятых защитными лесами, земель особо охраняемых природных территорий и объектов, земель, занятых объектами культурного наследия, других особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий для иных целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами. Установление данного принципа не должно толковаться как отрицание или умаление значения земель других категорий [1].

Московская область, расположенная в центре Восточно-Европейской равнины, обладает уникальным природным богатством, которое охраняется через систему особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

На 2025 год в регионе насчитывается 262 ООПТ регионального значения общей площадью около 270 тыс. га, что составляет значительную часть территории области. Эти территории включают государственные природные заказники, памятники природы, прибрежные рекреационные зоны и особо охраняемые водные объекты.

Отношения в области охраны и использования, в том числе создания, особо охраняемых природных территорий областного и местного значения в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, объектов растительного и животного мира, естественных экологических систем, биоразнообразия,

проведения научных исследований в области охраны окружающей среды, экологического мониторинга, экологического просвещения на территории Подмосковья регулирует Закон Московской области от 23 июля 2003 г. N 96/2003-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (принят постановлением Московской областной Думы от 2 июля 2003 г. N 2/63-П) [2].

Особо охраняемая природная территория (ООПТ) — это участок земли, водной поверхности или воздушного пространства, где природные комплексы и объекты имеют особую экологическую, научную, культурную или эстетическую ценность. На территории Московской области ООПТ создаются для сохранения редких видов растений и животных, биоразнообразия, уникальных ландшафтов, водоёмов и геологических объектов. ООПТ на территории Московской области подразделяются на категории федерального, областного и местного значения.

К ООПТ федерального значения, расположенных в Московской области относятся территории, представленные в таблице 1.

ООПТ областного значения — участок земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, объекты растительного и животного мира, естественные экологические системы, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, который изъят решением органа государственной власти частично или

Таблица 1. Перечень ООПТ федерального значения, расположенных на территории Московской области

№ на карте	Название	Категория	Местоположение (муниципальный район, городской округ)	Охранная зона
1	Приокско-Тerrasный государственный природный биосферный заповедник	Государственный природный биосферный заповедник	Серпухов	Имеется
2	«Лосиный остров»	Национальный парк	Мытищи Пушкинский Балашиха Щелково	Имеется
3	«Государственный комплекс «Завидово»	Национальный парк	Волоколамский Клин Лотошино	Имеется
4	«Озеро Киево и его котловина»	Памятник природы	Лобня	Имеется

полностью из хозяйственного использования и для которого установлен режим особой охраны.

В Московской области могут создаваться следующие категории особо охраняемых природных территорий областного значения:

- а) природные парки;
- б) государственные природные заказники;
- в) памятники природы;
- г) дендрологические парки и ботанические сады;
- д) природные микрозаповедники;
- е) особо охраняемые водные объекты;
- ж) прибрежные рекреационные зоны;
- з) особо охраняемые геологические объекты;
- и) природно-исторические комплексы;
- к) пространственные экологические комплексы.

Существующих ООПТ областного значения в Московской области — 263, из них государственных природных заказников — 170, памятников природы — 86, прибрежных рекреационных зон — 6, особо охраняемый водный объект — 1.

Помимо ООПТ областного значения на территории Московской области могут создаваться следующие категории особо охраняемых природных территорий местного значения:

- а) особо охраняемые водные объекты;
- б) природные рекреационные комплексы;
- в) природные резерваты;
- г) памятники живой природы;
- д) ландшафтные парки.

ООПТ местного значения — участок земли, находящийся в собственности соответствующего муниципального образования Московской области, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, объекты растительного и животного мира, естественные экологические системы, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, и для которого установлен режим особой охраны [2]. Ранее к ООПТ местного значения относятся такие территории как: Стратотип мо-

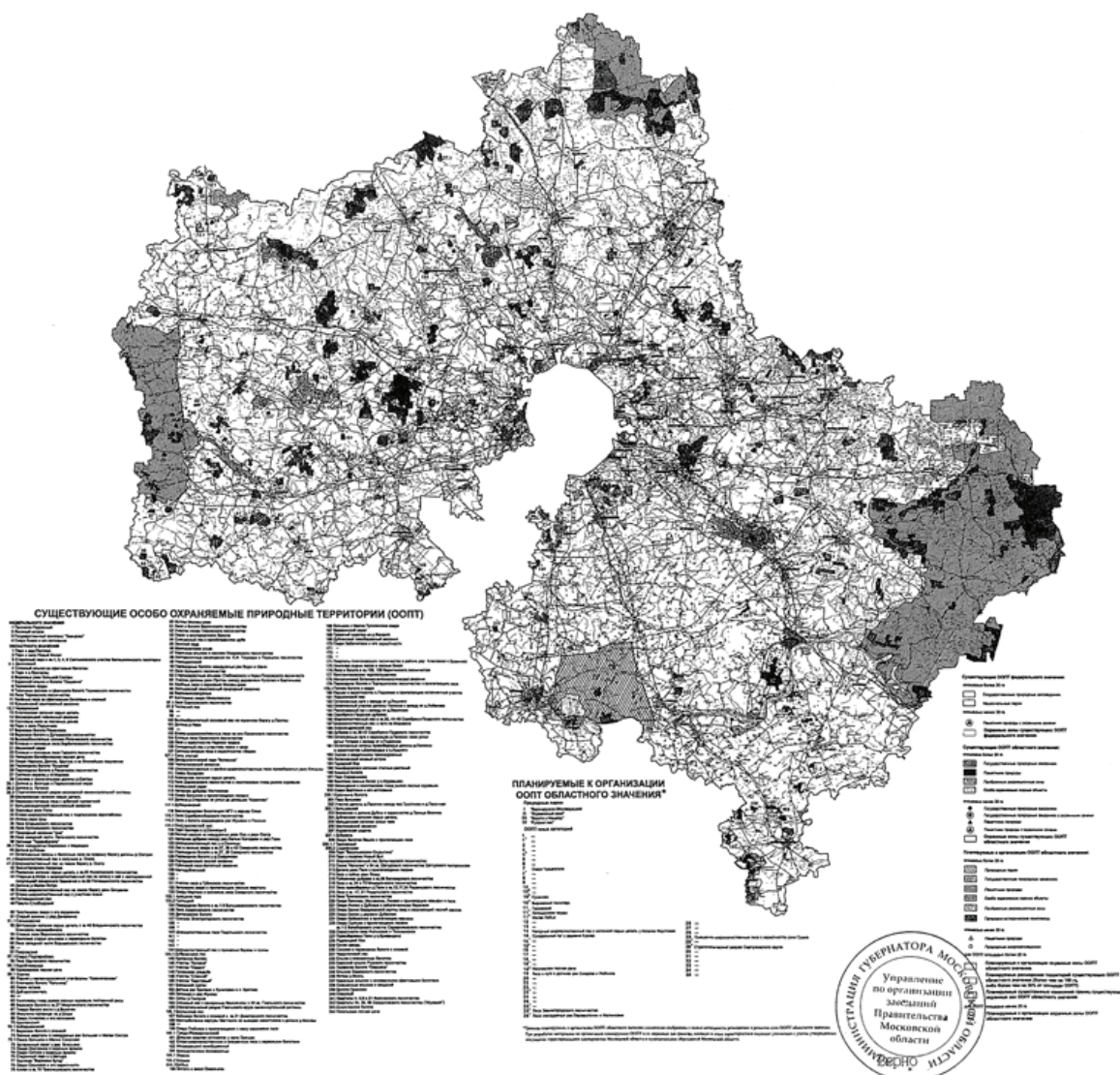

Рис. 1. Схема развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Московской области [3, Раздел VI]

сковского яруса (памятник природы, Домодедово), Козлаковский лес (природный заказник, Дубна), Ратминский бор (памятник природы, Дубна), Прибрежная рекреационная зона песчаного карьера (прибрежная рекреационная зона, Протвино), Родники в окрестности деревни Свистуха (природный рекреационный комплекс, Дмитровский), Долинный комплекс Москвы-реки (Красногорский), Долины рек Нахабинка, Грязева, Муравка, Липка, Вороний Брод и др. с прилегающими лесными массивами (Красногорский), Комплекс рек Баньки и Синички с междуречьем и прилегающими лесными массивами (памятник природы, Красногорский и другие. Но в настоящее время перечень ООПТ местного значения на территории Московской области отсутствует в Схеме.

С учетом категории особо охраняемой природной территории, режима особой охраны в границах ООПТ областного или местного значения могут устанавливаться различные функциональные зоны.

Разработку схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Московской области (далее — Схема) обеспечило Правительство Московской области и утвердило данную схему Постановлением Правительства Московской области от 11 февраля 2009 г. N 106/5 «Об утверждении Схемы развития и размещения

особо охраняемых природных территорий в Московской области» (рис. 1).

Схема представляет собой графическое и текстовое описание существующих и планируемых к организации особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ) на территории Московской области. Схема определяет перспективные направления планомерного и эффективного сохранения природных комплексов и объектов, имеющих особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение. Разработана Схема на период до 2027 года. Поэтапную реализацию Схемы обеспечивает Министерство экологии и природопользования Московской области. При реализации Схемы может осуществляться межрегиональное сотрудничество в целях ее совершенствования и повышения эффективности.

Схемой предусмотрена организация 18 новых ООПТ областного значения, в том числе: 4 природных парка — «Верхнерузско-Московорецкий», «Журавлиный край», «Ворота в Мещеру» и «Русский лес», 8 государственных природных заказников, 4 памятника природы, 1 особо охраняемый водный объект и 1 природно-исторический комплекс. Охраняемые зоны ООПТ областного значения, планируемые к организации представлены в таблице 2.

Таблица 2. Перечень планируемых к организации охранных зон ООПТ областного значения

№ п/п	Наименование	Местоположение (городской округ)
1	Охранная зона памятника природы «Лохин остров» (N 62)	Красногорск
2	Охранная зона памятника природы «Парк Середниково» (N 197)	Солнечногорск
3	Создание охранной зоны памятников природы «Карьер в окрестностях с. Подхожее и прилегающие остепненные участки» (N 180), «Остепненные луга к западу от д. Лишняги» (N 182), «Остепненный участок долины Полосни к западу от д. Лобаново» (N 183), «Разнотравный луг к западу от д. Ламоново» (N 184)	Серебряные Пруды
4	Охранная зона памятника природы «Стратотипический разрез московского яруса каменноугольной системы» (N 28.3)	Домодедово
5	Охранная зона памятника природы «Куручкино болото»	Солнечногорск

В Московской области есть проблемы, связанные с антропогенным воздействием на ООПТ, недостаточным законодательным регулированием, недостатком финансирования

и недостаточной научно-исследовательской деятельностью. Эти проблемы влияют на сохранение уникальных природных комплексов и местообитаний редких видов.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации [Текст]: [федеральный закон от 25.10.2001 г., № 136-ФЗ]// Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147. (ред. от 01.05.2025).
2. Закон Московской области от 23 июля 2003 г. N 96/2003-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (принят постановлением Московской областной Думы от 2 июля 2003 г. N 2/63-П) (ред. от 10.07.2024).
3. Постановление Правительства Московской области от 11 февраля 2009 г. N 106/5 «Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Московской области» (ред. от 15.08.2023).

Налог на добавленную стоимость во Франции и России: сравнительный анализ ставок

Караваева Полина Константиновна, студент

Научный руководитель: Домрачев Дмитрий Гарриевич, кандидат юридических наук, доцент
Вятский государственный университет (г. Киров)

Косвенные налоги являются ключевым элементом налоговой системы РФ, выполняя фискальную и регулирующую роль в экономике. При этом функциональный потенциал НДС должен соответствовать особенностям социально-экономического развития, что требует анализа возможных путей реформирования. Таким образом целью исследования является анализ зарубежного опыта НДС для определения возможных параметров использования отдельных элементов в налоговой системе РФ.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, НДС, сравнительный налоговый анализ, налоговые ставки, налоговые льготы, налоговое администрирование, Франция, Россия.

Налог на добавленную стоимость занимает центральное место в налоговых системах большинства развитых стран мира, обеспечивая значительные поступления в государственные бюджеты. Франция является родоначальницей данного налога, который был впервые введен в 1954 году, тогда как в России НДС действует с 1992 года. Несмотря на общую концептуальную основу, механизм применения НДС в этих странах имеет существенные различия, обусловленные особенностями экономического развития и социальной политики. Сравнительный анализ французской и российской моделей НДС представляет значительный научный и практический интерес для совершенствования налогового законодательства.

НДС в Франции — это общий налог на потребление, взимаемый с товаров и услуг, находящихся во Франции. Изначально НДС заменил собой налог с оборота и распространялся только на крупные предприятия. Постепенно сфера применения налога расширялась, и к 1968 году он стал всеобщим. Французский опыт стал основой для директив Европейского союза по гармонизации НДС.

На долю НДС приходится до 50 % всех поступлений от косвенных налогов, а в общем объеме налоговых поступлений государственного бюджета Франции он составляет до 45 %. Уплата налога на добавленную стоимость зависит от характера совершаемой операции и не зависит от платежеспособности налогоплательщика.

Как и в российской модели в налогооблагаемую базу НДС включаются кроме розничной цены суммы всех сборов и пошлин. Предусмотрена система налоговых вычетов в виде уплаченных при приобретении у поставщиков сырья и полуфабрикатов сумм НДС.

В России НДС был введен с 1 января 1992 года в рамках перехода к рыночной экономике и заменил действовавший в советский период налог с оборота. Правовой основой введения послужил Закон РСФСР «Об основах налоговой системы в РСФСР». С 2001 года порядок исчисления и уплаты НДС регулируется главой 21 Налогового кодекса Российской Федерации.

Налоговое законодательство Франции предусматривает стандартную налоговую ставку по НДС в размере 20 %. На предметы роскоши установлена повышенная налоговая ставка в размере 22 %. Для товаров социального характера предусмотрены пониженные налоговые ставки — 10 % и 5,5 %. Самая низкая ставка в размере 2,1 % предусмотрена для медикаментов, медицинских услуг и прессы.

В свою очередь, в России предусмотрена основная ставка в размере 20 %, применимая к большинству товаров и услуг. На продовольственные товары, детские товары, медицинские изделия и книги действует пониженная ставка — 10 %. Помимо вышеперечисленного существует, так называемая, нулевая ставка, действующая на экспортные операции и международные перевозки.

В обеих странах объектом налогообложения признаются операции по реализации товаров, работ, услуг на территории государства. Однако существуют различия в определении момента возникновения налогового обязательства. Во Франции применяется правило «отгрузки», в России — правило «оплаты» для некоторых категорий налогоплательщиков.

Так же стоит отметить, что Французская система предусматривает широкий перечень освобождений от НДС для социально значимых секторов, а именно: медицинские и образовательные услуги, банковские и страховые операции, услуги в сфере культуры. В России освобождения от НДС менее разнообразны и включают лишь: услуги в сфере образования и науки, медицинские услуги и по уходу за детьми, а также ритуальные услуги.

Во Франции порог обязательной регистрации в качестве плательщика НДС составляет 94 300 евро для операций по реализации товаров и 36 500 евро для оказания услуг. В России порог регистрации установлен на уровне 2 млн рублей за три последовательных календарных месяца. Помимо этого, французские налогоплательщики представляют декларации по НДС ежемесячно или ежеквартально в зависимости от оборота, в то время как российские отчитываются ежеквартально. Во Франции предусмотрена ускоренная процедура возмещения вход-

ного НДС — в течение 15 дней для крупных предприятий. В России же стандартный срок возмещения составляет 2–3 месяца, при этом возможно применение заявительного порядка.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о существенных различиях в применении НДС во Франции и России. Французская модель характеризуется большей социальной ориентированностью, что проявляется в дифференциации ставок налога и широком перечне освобождений для социально значимых товаров и услуг. Российская система НДС в большей степени ориентирована на фискальную функцию.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем изменение, направленное на дифференциацию налоговой нагрузки по НДС в сторону повышения для дорогостоящих, необязательных товаров — предметов роскоши, что соответствует фискальной и социальной функции НДС и перекликается с французским подходом.

Предлагаем добавить новый пункт в статью 164 Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливающий повышенную ставку 22 % для товаров, относимых к предметам роскоши, а именно: «3.1. Налогообложение производится по налоговой ставке 22 процента при реализации на территории Российской Федерации следующих товаров, относимых к предметам роскоши, по перечню, утверждаемому Правительством Российской Федерации. При этом к предметам роскоши относятся товары, обладающие высокой стоимостью, эксклюзивностью, не являющиеся товарами первой необходимости и предназначенные для демонстрации высокого социального статуса».

Введение повышенной ставки на предметы роскоши соответствует принципам социальной справедливости и вертикального налогообложения, перекладывая большую фискальную нагрузку на граждан с высоким уровнем дохода, которые потребляют эксклюзивные и необязательные товары. Это позволит увеличить доходы бюджета без ущерба для покупательной способности

большинства населения, потребляющего товары первой и второй необходимости. При этом крайне важным аспектом является четкое и недвусмысленное определение перечня таких товаров Правительством Российской Федерации, чтобы избежать произвольных толкований, сложностей в администрировании и потенциальных конфликтов с налогоплательщиками. Такой подход требует глубокого анализа рынка роскоши и его сегментации.

Сравнительный анализ систем НДС во Франции и России подтверждает общие концептуальные корни налога, но выявляет значительные различия в его практическом применении. Французская модель, будучи «родоначальницей» НДС и имея более чем полувековую историю развития и гармонизации в рамках ЕС, демонстрирует более гибкий и социально ориентированный подход к системе ставок и освобождений. Она активно использует дифференциацию ставок для снижения нагрузки на социально значимые товары и услуги (пониженные и сверхпониженные ставки) и, как показано в анализе, потенциально может применять повышенные ставки для предметов роскоши.

Российская система НДС, несмотря на свою относительно недавнюю историю, успешно выполняет фискальную функцию. Однако возможности для её дальнейшего совершенствования в аспекте регулирующей и социальной роли остаются значительными. Опыт Франции показывает, что более тонкая настройка ставок (как в сторону понижения для социально значимых товаров/услуг, так и в сторону повышения для предметов роскоши) и расширение обоснованных освобождений может способствовать не только сбалансированности бюджета, но и реализации социальных приоритетов государства, повышению справедливости налоговой системы и стимулированию определенных секторов экономики. Дальнейшие исследования должны быть направлены на комплексный анализ фискальных, экономических и социальных последствий подобных реформ для российской экономики.

Литература:

1. Калинина С. В. Сравнительный анализ систем НДС в странах ЕС и России // *Налоги и налогообложение*. — 2020. — № 4. — С. 23–35.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ
3. Семенова А. А. Эволюция НДС во Франции и перспективы его развития в России // *Финансы и кредит*. — 2019. — № 12. — С. 45–52
4. Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax
5. Martin P., Le nectar de la TVA // *Les Échos*. — 2021. — № 23547. — P. 12–13 Code général des impôts (Французский общий налоговый кодекс)
6. Troupin F. La TVA: principes et mécanismes. — Paris: Dalloz, 2022. — 348 p.

Некоторые проблемы функционирования судебной системы России

Каргаполова Любовь Валерьевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье проводится анализ проблем функционирования судебной системы Российской Федерации в контексте обеспечения эффективности государственной и муниципальной службы. Рассматривается противоречие между закрепленными в Конституции РФ и законодательстве принципами судебной власти (независимость, самостоятельность, состязательность, доступность) и практикой их реализации. Автор выделяет системные вызовы: чрезмерную нагрузку на судей, факторы, влияющие на реальную независимость судебных решений, дисбаланс в состязательности процесса, сохраняющиеся барьеры доступа к правосудию, а также влияние внутренних управленческих процессов и цифровизации. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к реформированию судебной системы для укрепления ее роли как гаранта законности в деятельности публичной власти.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, независимость судей, доступность правосудия, состязательность, нагрузка на судей, цифровизация правосудия, государственная служба, законность.

Some problems in the functioning of the judicial system of Russia

Kargapolova Lyubov Valeryevna, master's student

Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

This article analyzes the functioning of the Russian judicial system in the context of ensuring the effectiveness of state and municipal services. It examines the discrepancy between the principles of judicial power enshrined in the Russian Constitution and legislation (independence, autonomy, adversarial proceedings, and accessibility) and their practical implementation. The author identifies systemic challenges: excessive workload for judges, factors affecting the effective independence of judicial decisions, imbalances in the adversarial nature of proceedings, persistent barriers to access to justice, and the impact of internal governance processes and digitalization. It concludes that a comprehensive approach to judicial reform is needed to strengthen its role as a guarantor of the rule of law in public administration.

Keywords: judiciary, judicial system, independence of judges, access to justice, adversarial proceedings, workload of judges, digitalization of justice, civil service, rule of law.

Судебная власть, будучи одной из трех ветвей государственной власти в соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации, играет фундаментальную роль в обеспечении правопорядка и защите прав человека. Ее эффективное функционирование является императивом правового государства и прямым условием легитимности деятельности институтов публичной власти, включая государственную и муниципальную службу. Суд выступает ключевым механизмом правового контроля за действиями должностных лиц и органов власти, обеспечивая подчинение закону всех субъектов общественной жизни.

Теоретическая модель судебной системы России, закрепленная в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законах «О судебной системе Российской Федерации», «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и процессуальных кодексах, базируется на принципах независимости судей, законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности и гласности. Однако декларация принципов и их практическая реализация зачастую находятся в состоянии диссо-

нанса. Целью данной статьи является выявление и анализ системных проблем функционирования судебной системы, препятствующих ее оптимальной работе в качестве гаранта правовой стабильности и эффективного инструмента контроля за государственно-служебной деятельностью.

1. Организационные и функциональные проблемы: разрыв между теорией и практикой

1.1. Чрезмерная нагрузка на судей и ее последствия

Одной из наиболее острых проблем является колоссальная нагрузка на судей, особенно в судах общей юрисдикции первой инстанции. Ежегодная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации фиксирует миллионы рассматриваемых дел. Это приводит к нескольким негативным последствиям: риску поверхностного рассмотрения дел, нарушениям разумных сроков судопроизводства, профессиональному выгоранию судей. Качество правосудия в массовых категориях дел (например, взыскание

долгов, административные правонарушения) зачастую страдает, решения становятся шаблонными, а мотивировка — формальной.

1.2. Проблемы реальной независимости судей

Несмотря на конституционный принцип независимости судей и систему формальных гарантий (несменяемость, неприкосновенность, финансирование из федерального бюджета), на практике существуют факторы, ее ослабляющие. К ним относятся:

Кадровая и управленческая зависимость: Председатели судов, обладая широкими полномочиями по распределению дел, представлению кандидатов на должности судей и влиянию на карьерный рост, могут оказывать неформальное давление на рядовых судей.

«Вертикаль» судебной системы: Существующая система пересмотра решений (апелляция, кассация) иногда трансформируется в инструмент управления «снизу», вынуждая судей первой инстанции предвосхищать возможную реакцию вышестоящих инстанций.

Внешнее влияние: Феномен «телефонного права» и административного давления, хотя и сложно доказуем, остается предметом общественной озабоченности, что подрывает доверие к суду.

1.3. Дисбаланс в реализации принципа состязательности

Принцип состязательности и равноправия сторон, в различных видах процесса реализуется неравномерно. Наиболее полно он работает в арбитражном процессе, где стороны, как правило, обладают сравнимым ресурсным обеспечением. В уголовном процессе сохраняется значительный дисбаланс между обвинением, представленным государственными органами, и защитой, особенно по назначению. В административном судопроизводстве граждан, оспаривающий действия власти, также находится в заведомо менее выгодном положении с точки зрения доступа к информации и ресурсам.

1.4. Барьеры доступности правосудия

Несмотря на прогресс в цифровизации (ГАС «Правосудие», электронные сервисы), сохраняются барьеры:

Финансовые: Размеры госпошлины и судебных издержек могут быть неподъемными для граждан и малого бизнеса.

Квалификационные: Качество бесплатной юридической помощи, оказываемой по назначению или через государственные бюро, часто критикуется за формализм.

Технические и психологические: Сбои в работе электронных систем, сложность процессуальных процедур для неподготовленных лиц, а также сохраняющееся недоверие к институту суда.

2. Внутренние процессы и управленческая динамика как фактор эффективности

Внутренняя жизнь судебной системы оказывает решающее влияние на конечный результат — качество правосудия.

2.1. Управленческая вертикаль и роль председателей судов

Фигура председателя суда является центральной во внутренней организации. Концентрация в его руках полномочий по распределению дел, кадровым рекомендациям и организации работы создает риски административного усмотрения, которое может вступать в противоречие с принципом независимости судьи при отправлении правосудия.

2.2. Кадровая политика и органы судейского сообщества

Процедуры отбора, назначения и дисциплинарной ответственности судей, осуществляемые квалификационными коллегиями судей (ККС), нередко критикуются за непрозрачность и корпоративную замкнутость. Зависимость судьи от положительной характеристики председателя при прохождении аттестации или рассмотрении дисциплинарного проступка может служить инструментом поддержания внутренней лояльности.

2.3. Цифровизация: достижения и новые риски

Активное внедрение цифровых технологий (электронная подача документов, ВКС, автоматизированное распределение дел) повысило формальную доступность и прозрачность. Однако возникли новые проблемы: риски обезличивания правосудия при чрезмерном использовании ВКС, вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных, а также цифровое неравенство среди участников процесса.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что судебная система Российской Федерации, обладая солидной нормативной базой и организационной структурой, сталкивается с комплексом системных проблем. Эти проблемы — чрезмерная нагрузка, факторы, ограничивающие реальную независимость судей, дисбаланс в состязательности, сохраняющиеся барьеры доступа и сложная внутренняя управленческая динамика — создают разрыв между конституционной моделью судебной власти и практикой ее функционирования.

Для государственной и муниципальной службы эффективная и независимая судебная система является не внешним фактором, а необходимым условием ее легитимности и эффективности. Именно суд обеспечивает

конечный механизм разрешения конфликтов между гражданином и властью, проверяя законность действий должностных лиц.

Преодоление выявленных проблем требует скоординированных усилий:

1. Снижение нагрузки через дальнейшее развитие досудебных и примирительных процедур, оптимизацию процессуальных норм по малозначительным делам.

2. Укрепление гарантий независимости путем реформы полномочий председателей судов, повышения прозрачности работы ККС, усиления роли судебного самоуправления.

3. Реальное обеспечение состязательности, особенно в уголовном и административном процессе, за счет усиления гарантий защиты и перераспределения бремени доказывания в спорах с властью.

4. Гуманизация цифровизации, при которой технологические решения будут служить целям повышения качества, а не только скорости правосудия.

Только на этом пути судебная власть сможет в полной мере реализовать свою конституционную миссию — быть гарантом прав и свобод человека, инструментом обеспечения законности в деятельности публичной власти и основой правового государства.

Литература:

1. Абросимова Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. — М.: Институт права и публичной политики, 2018. — 320 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
3. Ершов, В. В. Статус суда в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты / В. В. Ершов. — Москва: РГУП, 2019. — 456 с.
4. Зайков Д. Е. Председатель суда в российской судебной системе: статус, полномочия, ответственность // Российский судья. — 2020. — № 10. — С. 109–114.
5. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации».
6. Петрухин, И. Л. Правосудие: время реформ / И. Л. Петрухин. — Москва: Проспект, 2018. — 336 с.
7. Радутная, Н. В. Проблемы состязательности в современном уголовном процессе России / Н. В. Радутная // Уголовное судопроизводство. — 2021. — № 3. — С. 12–18.
8. Стариков, Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы / Ю. Н. Стариков. — Москва: Норма, 2020. — 688 с.
9. Статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (Дата обращения: 24.06.2025).
10. Трещева, Е. А. Проблемы независимости судей в Российской Федерации / Е. А. Трещева // Законодательство и экономика. — 2020. — № 10. — С. 45–52.
11. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».
12. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Роль налоговых органов в делах о несостоятельности: реализация публичного интереса и проблемные аспекты

Киреева Ольга Мухарамовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Новикова Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Автор анализирует приоритет фискальных интересов государства в делах о несостоятельности, раскрывая правовую статус и активную роль налоговых органов. Отдельное внимание уделяется спорным аспектам исполнения налоговых обязанностей, в частности, дискуссионному вопросу обложения НДС в ходе конкурсного производства.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), налоговые органы, публичный интерес, судебная практика.

При исследовании развития и эволюции института банкротства в России можно обнаружить, что в научной литературе, во-многом, преобладает мнение о том,

что сложившаяся модель банкротства, в первую очередь защищает интересы государства, а именно интересы налоговой службы [1]. В настоящей работе мы проанали-

зируем данный тезис, а также рассмотрим некоторые проблемные аспекты, возникающие в ходе исполнения налоговых обязанностей, в делах о банкротстве.

В соответствии с пунктом 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 29.05.2004 г. № 257 Федеральная налоговая служба является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на представление в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам (в том числе по выплате капитализированных платежей) [2].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) обязательные платежи — налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды в порядке и на условиях, которые определяются законодательством Российской Федерации, в том числе штрафы, пени и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налогов, сборов и иных обязательных взносов в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды, а также административные штрафы и установленные уголовным законодательством штрафы.

Работа налоговых органов в судах по делам о банкротстве регламентируется Приказом ФНС России от 14.10.2016 г. № ММВ-7-18/560@ «Об организации работы по представлению интересов налоговых органов в судах» (далее — Приказ от 14.10.2016 г.). В данном приказе предельно четко обозначена позиция (модель поведения) налогового органа в суде по делам о банкротстве, а именно: недопущение формирования судебной практики, влекущей потери бюджета [3].

Интересно также обозначена дополнительная обязанность начальника юридического (правового) отдела налогового органа в случае его отказа от обжалования решения (определения) того или иного Арбитражного суда. Согласно абз. 4 п. 1. Приказа от 14.10.2016 г. Решение территориального налогового органа о необжаловании судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном производстве принимается путем согласования руководителем (исполняющим обязанности руководителя) соответствующего территориального налогового органа докладной записки начальника юридического (правового) отдела налогового органа (по делам о банкротстве — начальника структурного подразделения, ответственного за обеспечение процедур банкротства). Докладная записка должна содержать аргументированную позицию территориального налогового органа (с учетом всех обстоятельств, рассмотренных судом при вынесении решения в пользу налогоплательщика) со ссылкой на нормативные акты и судебную практику.

Информации о том, какой должна быть позиция налоговых органов при заключении мирового соглашения, данный приказ не содержит. Представляется, что, исходя из общего правила о недопущении потерь бюджета, мировое соглашение заключается только в случае готовности должника исполнить все налоговые обязанности.

ФНС России в 2019 году выступило заявителем в 12,6 % (14,9 % — 2018 год) процедур банкротства. А уже в 2024 году почти четверть всех дел возбуждена налоговой (24,3 %). За 2024 год в процедурах банкротства погашено 252,1 млрд рублей, что на 26,5 % больше, чем в предыдущем году [4].

Таким образом, налоговые органы являются активными участниками правоотношений в сфере банкротства, цель которых заключается в пополнении бюджета страны.

Взыскание налоговой недоимки с банкрота зависит от стадии, на которой находится организации. Кредиторы по текущим платежам не являются лицами, участвующими в деле о банкротстве, а требования налогового органа о взыскании таких обязательных платежей предъявляются вне рамок дела о банкротстве.

В случае выявления налоговой недоимки по текущим платежам налоговые органы направляют должнику требование об уплате недоимки, а также принимают решение о взыскании текущих обязательных платежей в бесспорном порядке за счет средств на счетах должника (ст. 46 НК РФ) путем направления в банк инкассового поручения.

В соответствии с положениями абз. 5 п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 5 и п. 3 ст. 63 Закона о банкротстве текущими являются только обязательные платежи, возникшие после возбуждения дела о банкротстве (после даты принятия заявления о признании должника банкротом). Обязательные платежи, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, независимо от срока их исполнения, не являются текущими ни в какой процедуре в соответствии с п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»».

С момента введения же в отношении должника процедуры конкурсного производства исполнение обязательств должника, в том числе по исполнению судебных актов, актов иных органов, должностных лиц, вынесенных в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, осуществляется конкурсным управляющим.

Статья 63 Закона о банкротстве не предусматривает отмены приостановления операций по счету должника, произведенного налоговым органом до введения наблюдения, и не запрещает применять его в этой процедуре. При этом в силу абзаца третьего пункта 1 статьи 76 НК РФ такое приостановление операций по счету должника не распространяется на платежи, очередность исполнения которых в соответствии со статьей 134 Закона о банкротстве предшествует исполнению обязанности по уплате налогов и сборов.

С даты введения процедуры финансового оздоровления, внешнего управления или конкурсного производства указанное приостановление операций прекращается автоматически в силу закона и не требует принятия налоговым органом решения о его отмене (абзацы третий и четвертый пункта 1 статьи 81, абзацы пятый и шестой пункта 1 статьи 94, абзац девятый пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве и абзац второй пункта 9.1 статьи 76 Налогового кодекса Российской Федерации); кредитная организация уведомляет об этом налоговый орган. Также не допускается в любой из этих процедур принятие налоговым органом решения о таком приостановлении; при поступлении такого решения в кредитную организацию она возвращает его налоговому органу со ссылкой на запрет его исполнения в силу Закона о банкротстве [5].

Интересным представляется вопрос об исполнении налоговых обязанностей по уплате НДС, в ситуации, когда введена процедура конкурсного производства. Статья 19 Закона о банкротстве не запрещает компании — должнику в конкурсном производстве, также, как и в процессе наблюдения, вести текущую хозяйственную деятельность, в ходе которой могут быть произведены и реализованы товары, выполнены работы, оказаны услуги. Однако возникает вопрос, облагается ли такая реализация товара (работ, услуг) НДС.

При решении этого вопроса сложилось два мнения. Операции по реализации имущества и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством РФ несостоятельными (банкротами), не являются объектом обложения НДС (п. п. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ).

С учетом этого можно сделать вывод, что реализация имущества, в том числе изготовленного в ходе текущей экономической деятельности должников, признанных банкротами, объектом обложения НДС не является. Иными словами, норма подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ распространяется как на реализацию имущества, которое является конкурсной массой должника, так и на имущество, которое является продуктом, произведенным им в ходе текущей хозяйственной деятельности.

Что касается работ и услуг, выполняемых и оказываемых банкротом в ходе текущей хозяйственной деятельности, здесь объект обложения НДС возникает и никаких сомнений у Минфина по этому поводу не было (несмотря на существенное различие операции, облагаемой налогом — между реализацией товаров — операции, осво-

ждаемой от налогообложения, и реализацией работ и услуг). А суды между тем на данную проблему обратили внимание, причем на уровне Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

По мнению судей ВС РФ, под реализацией имущества должника, освобождаемой от НДС, следует понимать только продажу того имущества, которое входит в конкурсную массу. Продукция, изготовленная должником в процессе своей текущей хозяйственной деятельности, к такому имуществу не относится. Исходя из этого суд пришел к выводу, что реализация продукции, изготовленной в ходе хозяйственной деятельности должника, должна облагаться НДС в общем порядке.

Мы поддерживаем точку зрения судебной инстанции по следующим причинам. На основании подп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ объект обложения НДС формируют совершаемые налогоплательщиком операции по реализации товаров (работ, услуг) на территории РФ, а также операции по передаче имущественных прав. В подп. 15 п. 2 указанной статьи установлено исключение из этого правила для налогоплательщиков-должников, признанных в соответствии с законодательством РФ несостоятельными (банкротами), и в отношении отдельного вида совершаемых такими лицами операций — операций по реализации имущества и (или) имущественных прав должников.

Как следует из названных положений, понятия «реализация товаров» и «реализация имущества должника» не равнозначны и имеют различное содержание.

Согласно п. 1 ст. 131, ст. 110 Закона о банкротстве открытие конкурсного производства в отношении организации-должника означает, что все ее имущество, имеющееся на дату такого открытия и выявленное в ходе конкурсного производства, признается составляющим конкурсную массу и должно быть реализовано путем проведения торгов. Однако в силу п. 6 ст. 139 Закона о банкротстве имущество, которое является продукцией, изготовленной должником в процессе своей хозяйственной деятельности, не подлежит реализации на торгах.

Таким образом, под реализацией имущества должника понимается продажа имущества, входящего в конкурсную массу, за исключением продукции, изготовленной им в процессе своей текущей хозяйственной деятельности. В этом же значении понятие «реализация имущества должника» должно толковаться в целях применения подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ.

Литература:

1. Щекин Д. М. Баланс публичных и частных интересов в налоговом праве / Д. М. Щекин. — Москва: Статут, 2023. — 484 с.
2. Постановление Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257 (ред. от 05.05.2012 г.) «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» (вместе с «Положением о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве») // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

3. Шишмарева Т. П., Енькова Е. Е. К вопросу о соблюдении баланса частных и публичных интересов при удовлетворении требований кредиторов в процедурах банкротства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 8 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soblyudenii-balansa-chastnyh-i-publichnyh-interesov-pri-udovletvorenii-trebovaniy-kreditorov-v-protsedurah-bankrotstva> (дата обращения: 01.12.2025).
4. ФНС подвела итоги работы в сфере банкротства за 2024 год. — Текст: электронный // www.nalog.gov.ru: [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15715460/ (дата обращения: 02.12.2025).
5. Ткачев, А. А. Обзор судебных актов Верховного Суда Российской Федерации за 2023 год по делам о банкротстве / А. А. Ткачев. — Москва: Юстицинформ, 2024. — 200 с.
6. Суходольский, И. М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства): научное издание / И. М. Суходольский. — Москва: Юстицинформ, 2024. — 264 с.
7. Михайлова Е. В. О некоторых вопросах налогообложения в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-nalogooblozheniya-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 02.12.2025).

Судебный контроль за блокировкой контента: баланс между свободой информации и публичными интересами

Кириллина Айыына Александровна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В условиях цифровизации интернет стал инфраструктурой реализации конституционного права на поиск, получение и распространение информации. Одновременно рост угроз, связанных с экстремизмом, терроризмом, оборотом наркотиков, пропагандой суицида и иного социально опасного контента, обусловил расширение механизмов блокировки ресурсов в российском праве. Значительная часть ограничений применяется во внесудебном порядке по решениям органов исполнительной власти, что усиливает риск скрытой цензуры, запрещённой Конституцией РФ. Цель статьи — показать, как судебный контроль может обеспечить баланс между свободой информации и защитой интересов при блокировке контента. На основе анализа Конституции РФ, федерального законодательства, практики Верховного и Конституционного Судов, а также решений Европейского Суда по правам человека сопоставляются административная и судебная модели ограничения доступа. Особое внимание уделяется блокировкам по IP-адресу, переблокировке добросовестных сайтов, рассмотрению дел без участия владельцев ресурсов и слабой регламентации процедур разблокирования. Делается вывод о недостаточном обеспечении требований законности, необходимости и соразмерности вмешательства, а также о потенциале судов как фильтра от чрезмерных ограничений. Сформулированы предложения по расширению обязательных судебных процедур, установлению кратких сроков подтверждения внесудебных блокировок, обеспечению участия заинтересованных лиц и закреплению обязанности судов проводить тест пропорциональности.

Ключевые слова: свобода информации, блокировка интернет-контента, судебный контроль, публичные интересы, цензура, Роскомнадзор.

Judicial control over content blocking: balancing freedom of information and public interests

In the context of digitalization, the Internet has become the key infrastructure for exercising the constitutional right to seek, receive, and disseminate information. At the same time, the growing threats associated with extremism, terrorism, drug trafficking, the promotion of suicide, and other socially harmful content have driven an expansion of mechanisms for blocking online resources under Russian law. A significant share of these restrictions is imposed out of court by decisions of executive authorities, which heightens the risk of covert censorship prohibited by the Constitution of the Russian Federation. The aim of the article is to show how judicial review can ensure a balance between freedom of information and the protection of public interests in the context of content blocking. Drawing on an analysis of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, the case law of the Supreme Court and the Constitutional Court, as well as the jurisprudence of the European Court of Human Rights, the article compares administrative and judicial models of access restriction. Special attention is paid to IP-based blocking, the collateral blocking of bona fide websites, proceedings conducted without the participation of resource owners, and the weak regulation of unblocking procedures. The article concludes that the current system does not sufficiently guarantee the requirements of legality, necessity, and proportionality of interference, and highlights the potential of courts as a filter against excessive restrictions. It formulates proposals to strengthen

judicial control, including expanding mandatory judicial procedures, setting short time limits for judicial confirmation of out-of-court blocks, ensuring the participation of all interested parties, and imposing on courts a duty to conduct a proportionality test.

Keywords: *freedom of information, internet content blocking, judicial control, public interests, censorship, Roskomnadzor.*

Интернет в современной России превратился в ключевой канал общественной коммуникации и политической, культурной, экономической жизни. Через него реализуется конституционное право на свободу мысли и слова, на свободный поиск и распространение информации без предварительной цензуры [1]. Одновременно сеть используется для распространения материалов, способных причинить существенный вред охраняемым конституционным ценностям: безопасности государства, жизни и здоровью граждан, нравственности, правам и законным интересам других лиц.

Ответом государства стало последовательное наращивание правовых механизмов блокировки интернет-ресурсов. Начиная с 2012 г. в Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» включены статьи, регулирующие ведение реестра запрещенных сайтов, а также порядок ограничения доступа к ресурсам, на которых размещен запрещенный контент [2]. В дальнейшем круг оснований и категорий блокируемой информации расширялся, в том числе за счет принятия Закона № 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 31.07.2023, позволившего ограничивать доступ к материалам экстремистского содержания по требованию Генерального прокурора [3], а также последующих поправок об «фейковых новостях» и «неуважении к государству».

Эти изменения обеспечили оперативность реагирования на новые угрозы, но одновременно усилили зависимость свободы информации от усмотрения административных органов. Значительная часть блокировок осуществляется без предварительного судебного решения; процедура часто не предусматривает участия владельцев сайтов, а технические особенности (например, блокирование по IP-адресу) приводят к «переблокировке» добросовестных ресурсов. Европейский Суд по правам человека в своих постановлениях по делам против России прямо констатировал, что такие практики нарушают стандарты предсказуемости и пропорциональности вмешательства в свободу выражения мнения [4].

Таким образом, проблема поиска устойчивого баланса между свободой информации и публичными интересами в российской системе блокировки контента является не только теоретической, но и практической. От того, насколько эффективно судебный контроль компенсирует риски административной цензуры, зависит реальное содержание конституционных гарантий и доверие общества к институтам правового государства.

Конституция РФ закрепляет одновременное действие двух блоков норм: с одной стороны, гарантию сво-

боды массовой информации и запрет цензуры (ч. 5 ст. 29), с другой — допустимость ограничения прав законом в целях защиты конституционных ценностей (ч. 3 ст. 55) [1]. Эти положения заложили основу для развития законодательства об ограничениях доступа к информации.

Закон № 149-ФЗ сформировал двухуровневую систему блокировки. Первый уровень — внесудебные процедуры, когда инициатива исходит от органов исполнительной власти (Роспотребнадзор, Роскомнадзор, Генеральная прокуратура и др.). В ряде случаев блокировка осуществляется на основании уведомления о наличии на сайте информации, распространение которой прямо запрещено законом: детской порнографии, инструкций по изготовлению наркотиков, призывов к суициду и т. п. [2]. После непринятия мер по удалению контента ресурс вносится в единый реестр запрещенных сайтов и ограничивается для российских пользователей.

Отдельным блоком выступают расширенные основания, введенные Законом № 398-ФЗ и последующими поправками: возможность по требованию Генерального прокурора и его заместителей блокировать ресурсы с экстремистскими материалами и призывами к массовым беспорядкам, а также сайты, распространяющие заведомо недостоверную общественно значимую информацию или оскорбляющие государственные символы [3]. Эти нормы содержат более оценочные формулировки и создают высокий риск того, что под их действие попадет политически значимый, но правомерный контент [4; 9].

Второй уровень — судебные процедуры. Ряд категорий информации может быть признан запрещенным только по решению суда (например, включение материалов в Федеральный список экстремистских материалов). Особое место занимает антипиратский механизм, основанный на Законе № 187-ФЗ, когда правообладатель обращается в Московский городской суд за применением обеспечительных мер в виде временной блокировки ресурса, размещающего контрафактный контент, с последующей подачей иска [5]. Эта модель демонстрирует преимущества первичного судебного контроля: состязательность, ограниченный по времени характер блокировки, возможность отмены меры при устранении нарушения.

Сравнительный анализ показывает, что российская практика отчасти отходит от конституционного стандарта, когда внесудебные процедуры становятся не исключением, а правилом. В такой конфигурации именно последующий судебный пересмотр должен выполнять роль барьера от произвольной цензуры, но на практике эта функция реализуется неполно.

Рассмотрение национальных дел показывает, что значительная часть споров о блокировке ресурса инициируется уже после фактического ограничения доступа: вла-

дельцы сайтов обжалуют действия Роскомнадзора или решения судов, принятые без их участия. В ряде резонансных дел суды ограничились формальной проверкой соблюдения процедуры, не анализируя содержательного аспекта свободы информации.

Характерный пример — дела о блокировке ресурсов по IP-адресу, когда на одном IP-адресе размещено несколько сайтов, и блокировка одного из них фактически приводит к недоступности всех остальных. ЕСПЧ, рассматривая жалобы российских заявителей, пришел к выводу, что такое вмешательство не соответствует требованию «предусмотренности законом», поскольку национальная норма не содержит достаточных предохранителей от переблокировки добросовестных сайтов [4]. Суд указал, что государство обязано выбирать технически и юридически более точные меры, если они доступны, а национальные суды — оценивать последствия ограничения для третьих лиц.

Анализ обзоров Верховного Суда РФ подтверждает, что и внутри страны проблема осознается: ВС прямо указывает на широту полномочий Роскомнадзора и необходимость учитывать риски блокировки множества ресурсов при использовании IP-адреса как объекта ограничения [6]. Однако эта позиция пока не во всех случаях дошла до практики нижестоящих судов.

Отдельно следует выделить тенденцию рассмотрения дел без участия владельцев сайтов. Нередки ситуации, когда в процесс привлекается только провайдер или хостинг-компания, а непосредственный администратор ресурса узнает о блокировке постфактум [4; 9]. Это существенно ослабляет состязательный характер судопроизводства и фактически лишает заявителя права быть услышанным.

Тем не менее последние годы демонстрируют и позитивные сдвиги. В делах, связанных с блокировкой «зеркал» запрещенных ресурсов, суды все чаще требуют от истцов конкретного доказательства тождественности контента, а не ограничиваются ссылкой на сходство доменного имени. В антипиратских спорах суды активно применяют временные меры и готовы отменять блокировку при заключении соглашений между правообладателем и владельцем ресурса [5].

Сопоставление национальной практики с решениями ЕСПЧ и позицией Конституционного Суда РФ позволяет говорить о формировании зачатков стандарта пропорциональности: суд должен оценивать не только законность основания, но и необходимость выбранной меры, а также учитывать, не существует ли менее жесткой альтернативы, позволяющей достичь той же цели [1; 4; 8].

Результаты исследования позволяют выделить несколько системных проблем, препятствующих эффективному судебному контролю за блокировкой контента. Во-первых, отсутствует обязательный судебный фильтр для большинства блокировок. Внесудебные ограничения зачастую носят долговременный характер, тогда как судебное вмешательство возможно только по инициативе заинтересованного лица. Во-вторых, недостаточна вклю-

ченность заинтересованных лиц в процесс: владельцы сайтов, хостинг-провайдеры и пользователи не всегда уведомляются о рассмотрении дела. В-третьих, слабо применяется принцип соразмерности: в решениях судов редко фиксируется анализ того, могла ли цель публичного интереса быть достигнута менее ограничительными средствами. Наконец, процедуры разблокировки остаются сложными и затянутыми, что укрепляет эффект «постоянной» цензуры.

На основе выявленных проблем обоснованными представляются предложения по совершенствованию судебного контроля: расширение сферы обязательной судебной санкции; введение модели отложенного судебного контроля для внесудебных блокировок; законодательное закрепление процессуальной обязанности уведомлять всех затронутых лиц; прямое ориентирование судов на применение теста пропорциональности; упрощение процедур разблокировки; повышение компетентности судей в сфере цифровых технологий и киберправа [1; 4–11].

Проведенное исследование показывает, что российская модель блокировки интернет-контента находится в состоянии поиска баланса между свободой информации и публичными интересами, однако текущая конфигурация механизмов явно тяготеет в сторону приоритета административных инструментов. Широкое использование внесудебных блокировок при недостаточности процедурных гарантий создает риск того, что запрет цензуры будет носить преимущественно декларативный характер [1–3; 9–11].

Судебный контроль, призванный компенсировать односторонность административного вмешательства, пока реализован не в полной мере. Значительная часть решений, касающихся блокировки ресурсов, выносится без участия владельцев сайтов и без анализа соразмерности ограничений. При этом как национальные высшие суды, так и международные органы уже сформулировали ориентиры, позволяющие выстроить более взвешенный и предсказуемый подход [4–8].

Изложенное позволяет прийти к выводу о необходимости расширения судебной составляющей механизма блокировки информации и конкретизации содержания принципа пропорциональности применительно к цифровой среде, корректировки законодательства и судебной практики: введение обязательного судебного фильтра для политически чувствительных блокировок, установление кратких сроков подтверждения внесудебных мер судом, усиление процессуальных прав владельцев ресурсов, упрощение процедур разблокировки и закрепление в судебных актах развернутой оценки соразмерности вмешательства.

Реализация этих подходов может способствовать формированию такой модели регулирования, при которой государство сохраняет способность эффективно реагировать на действительно опасный контент, но не превращает борьбу с ним в инструмент подавления легитимной критики и свободного обмена мнениями. В долгосрочной пер-

спективе это отвечает интересам как самого государства, и общества, для которого свободное и открытое информационное пространство является условием развития.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. 1 июля 2020 г.). — Офиц. интернет-портал правовой информации. — URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 24 июля 2024 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31. — Ст. 3448. — Офиц. интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 398-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2013. — № 52 (ч. I). — Ст. 6961. — Офиц. интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Европейский Суд по правам человека. Постановление от 23 июня 2020 г. по делам: «Владимир Харитонов против России» (жалоба № 10795/14), «ООО «Флабус» и другие против России» (жалобы № 12468/15, 23489/15, 19074/16, 20693/16), «Болгаков против России» (жалоба № 20159/15), «Энгельс против России» (жалоба № 61919/16). — База данных HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int>
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2013. — № 27. — Ст. 3479. — Офиц. интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 6 (2021) / Верховный Суд Рос. Федерации. — Офиц. сайт Верховного Суда РФ. — URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/
7. О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 9 февр. 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 8. — Офиц. интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в решениях Конституционного Суда РФ // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2018. — Т. 18, вып. 3. — С. 330–337. — URL: <https://www.sgu.ru>
9. Шаблинский И. Г. Блокировка интернет-ресурсов: судебная практика // Труды по интеллектуальной собственности. — 2021. — Т. 37, № 1–2. — С. 99–115. — URL: <https://tis.hse.ru/issue/view/942>
10. Руколеев В. А., Задорина М. А. Право на доступ к информации: баланс публичных и частных интересов // Юридические исследования. — 2024. — № 11. — С. 38–54. — DOI: 10.25136/2409-7136.2024.11.72106. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72106
11. Информация о Российской Федерации к 134–136-й сессиям Комитета ООН по правам человека: альтернативный доклад правозащитных организаций. — ОВД-Инфо, 2022. — 23 нояб. 2022 г. — URL: <https://advocacy.ovd.info/report-for-134-136-sessions>
12. РосКомСвобода защитила в суде спортивный интернет-ресурс от блокировки // РосКомСвобода. — 2020. — URL: <https://roskomsvoboda.org/post/roskomsvoboda-zashchitila-v-sude-sportivnyj-internet-resurs-ot-blokirovki/>

Психологический портрет жертвы

Ковалева Дарина Руслановна, студент

Научный руководитель: Алейникова Валерия Андреевна, ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В представленной работе осуществляется системное виктимологическое исследование психологических характеристик жертвы преступления. Анализируется концептуальный аппарат отечественной виктимологической школы, сформированный в научных трудах Л. В. Франка, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова и их последователей. Детально характеризуются основные элементы виктимогенной трансформации личности: нарушенная самооценка с нечеткими личностными границами, пассивно-подчиняемая поведенческая позиция с внешним локусом контроля, специфическое виктимное мировосприятие, патологическая потребность в социальном принятии и недостаточная сформированность эмоционального интеллекта. Отдельное рассмотрение посвящено методологическому инструментарию изучения вик-

тимности, объединяющему сравнительный статистический анализ, качественные интервью, психобиографические реконструкции и криминологическую экспертизу материалов уголовных производств. Описаны комплексные подходы к виктимологической профилактике, реализуемые на популяционном и индивидуальном уровнях и ориентированные на минимизацию рисков виктимизации и социально-психологическую реабилитацию пострадавших.

Ключевые слова: портрет жертвы, виктимность, деформация, психологическая характеристика, криминальная виктимизация, комплекс.

Понятие виктимности, трактуемое в криминологии как устойчивая склонность личности становиться объектом преступных действий, формирует сложный междисциплинарный концепт, интегрирующий подходы психологии, социологии и юриспруденции. В противоположность бытовым суждениям, нередко несущим оттенок обвинения пострадавшего, научная парадигма интерпретирует виктимность как совокупность объективных социальных, поведенческих и индивидуально-личностных свойств, систематически увеличивающих персональный риск стать жертвой правонарушения. Российская виктимологическая традиция, сформировавшаяся на основе работ Л. В. Франка, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова и их последователей, базируется на идее диалектического единства преступника и жертвы в механизме противоправного деяния, где последняя может неосознанно инициировать, стимулировать или облегчать криминальные действия [1]. Следовательно, психологический портрет жертвы представляет собой не фиксированную характеристику, а развивающуюся модель уязвимости, складывающуюся под воздействием множества внутренних и внешних детерминант. Выделение и систематизация этих факторов приобретают первостепенную важность для создания целевых профилактических стратегий, ориентированных как на усиление индивидуальной безопасности, так и на общее снижение уровня преступности. Необходимо особо отметить, что виктимность не выступает как неотвратимая предопределенность, а является следствием взаимодействия объективных жизненных условий и субъективных психологических свойств, что создает предпосылки для результативной психокоррекции и социальной реадaptации.

В контексте теоретического фундамента отечественной виктимологии центральное место занимает концепция виктимогенной деформации личности, разработанная Д. В. Ривманом и В. С. Устиновым. Данное понятие описывает стойкое негативное преобразование личностной организации, выражающееся в образовании специфических привычек, мировоззренческих установок и поведенческих моделей, объективно увеличивающих вероятность нанесения ущерба индивиду в условиях криминального риска [2]. Этот деформационный процесс не носит необратимого характера и зачастую развивается поэтапно, как подчеркивал В. И. Полубинский, различая стадии от становления потенциальной виктимности до ее актуализации в конкретном преступном инциденте [3].

Подобный ракурс рассмотрения дает возможность анализировать жертву не в качестве пассивного объекта,

а как активного участника, чьи действия и личностные свойства вносят значимый вклад в механизм правонарушения. При этом виктимогенная трансформация может иметь тотальную природу, воздействуя на все области жизнедеятельности индивида, либо парциальный характер, проявляясь исключительно в определенных типах социальных коммуникаций или специфических обстоятельствах, что обуславливает необходимость тонкого дифференцированного подхода к исследованию каждого случая виктимизации.

Базовым компонентом виктимогенной деформации выступает неадекватно заниженная самооценка в комплексе с размытыми, недостаточно сформированными личностными границами. Личность с заниженной самооценкой переживает фундаментальные затруднения в осознании собственной значимости и, что особенно важно, своего безусловного права на защищенность, уважение и психологическую независимость. Его индивидуальные границы характеризуются повышенной проницаемостью и нечеткостью, что в реальности проявляется в неумении эффективно противостоять внешнему давлению, манипулятивным техникам или прямой агрессии.

Для потенциального преступника, в особенности в сфере межличностного насилия или обмана, подобные психологические особенности функционируют как своеобразный невербальный маркер, обозначающий низкий предполагаемый уровень противодействия и высокую вероятность избежать ответственности. Как обоснованно указывают специалисты, именно такие индивиды наиболее часто идентифицируются агрессорами в качестве «оптимальной жертвы», контакт с которой связан с минимальными угрозами [4]. Следует акцентировать, что становление сбалансированных личностных границ представляет собой протяженный процесс, берущий начало в раннем детстве и продолжающийся в течение всего периода социализации, поэтому их деформация может являться следствием как изначально деструктивного воспитания, так и последующих психотравмирующих переживаний, разрушающих базисное чувство безопасности и самооценности.

В тесной взаимосвязи с этим находится пассивно-зависимая жизненная установка, уходящая корнями в экстернальный локус контроля. Эта психологическая особенность находит выражение в устойчивом представлении индивида о том, что значимые события его биографии определяются внешними, неподвластными ему факторами: другими людьми, случайными стечениями обстоятельств, судьбой или роком. В условиях преступного по-

святательства такое миропонимание закономерно ведет к поведенческой пассивности, реакции оцепенения (известной как «фриз») вместо активного сопротивления, попыток избегания угрозы или призыва о помощи.

Такой человек неосознанно примеряет роль «спасаемого», рассчитывая, что его трудности будут решены внешними силами, что блокирует его собственную инициативу и способность к самозащите. Данный паттерн, детально исследованный в рамках психологии насилия, непосредственно соотносится с феноменом выученной беспомощности, когда предшествующий негативный опыт, в котором субъект не достиг желаемого, формирует у него устойчивое представление о собственной неспособности влиять на происходящее [5]. Важно осознавать, что пассивно-зависимая позиция не является врожденным свойством, а складывается под влиянием специфического социального научения, когда самостоятельные попытки человека изменить ситуацию систематически пресекаются или не получают позитивного подкрепления, что в итоге приводит к отказу от активной позиции и принятию роли беспомощной жертвы обстоятельств.

Когнитивным фундаментом данного комплекса выступает феномен виктимного мышления, или так именуемый «комплекс жертвы». Это устойчивая система нерациональных убеждений, искажающая восприятие социальной действительности и побуждающая человека трактовать практически любые события сквозь призму личной неуверенности, несправедливости и враждебности окружения. Создается своеобразный когнитивный фильтр, или «ментальная воронка», избирательно выделяющая из общего информационного потока лишь те аспекты, которые создают установки «мне неизменно не везет», «со мной постоянно случаются проблемы» или «окружающие желают мне зла».

Возникает самовоспроизводящийся порочный круг: ощущение негатива порождает повышенную тревогу, неадекватные поведенческие отклонения и непреднамеренную провокацию конфликтных ситуаций, которые, в свою очередь, интерпретируются как веское подтверждение исходной негативной установки. С криминологических позиций, подобный когнитивный стиль может неосознанно стимулировать индивида к воспроизводству или активному поиску условий, в которых он вновь сможет актуализировать привычную роль пострадавшего [6].

При этом виктимное мышление обладает определенной психологической рентой для его носителя, поскольку позволяет снять с себя ответственность за неудачи и переадресовать ее внешним обстоятельствам или другим людям, что создает иллюзию сохранения психологического комфорта, но в действительности закрепляет деструктивную жизненную позицию и препятствует личностному развитию.

Другим значимым фактором виктимизации является гипертрофированная, патологическая потребность в социальном окружении и интенсивный страх отвер-

жения. Для личности с подобной психологической характеристикой сохранение видимости благополучных отношений, даже ценой собственного достоинства и благополучия, превращается в значимую идею. Он становится идеальным объектом для систематических манипуляций, поскольку его поведением легко управлять через механизмы одобрения, лести или, напротив, угрозы лишения поддержки и эмоциональной близости. Такой индивид демонстрирует готовность переносить унижения, постоянно поступаться своими внутренними принципами и мириться с грубым вторжением в личное пространство, лишь бы предотвратить конфликт и сохранить видимость баланса.

Этот деструктивный паттерн с максимальной отчетливостью проявляется в динамике затяжных отношений, отягощенных домашним насилием, где жертва способна годами, а иногда десятилетиями, терпеть жестокое обращение, подсознательно надеясь, что ей удастся «заслужить» любовь и признание своего агрессора через демонстрацию покорности и самоотречения [7].

Глубинной основой этой потребности выступает базовое неверие в собственную ценность, заставляющее человека постоянно искать внешние подтверждения своей значимости, что делает его эмоционально зависимым от оценок и мнения окружающих, особенно тех, кто занимает в его личной иерархии важное место.

Завершает психологический портрет такая характеристика, как недостаточная развитость эмоционального интеллекта. Речь идет о стойкой неспособности точно распознавать, идентифицировать и адекватно интерпретировать эмоциональные состояния, подлинные намерения и невербальные сигналы других людей. Параллельно наблюдается систематическое игнорирование или рационализация сигналов собственной интуиции, телесных ощущений и «внутреннего тревожного голоса», выполняющего в норме защитную функцию. На практике это выражается в том, что потенциальная жертва либо не замечает, либо находит оправдание для многочисленных «тревожных сигналов» в поведении будущего агрессора: немотивированных вспышек гнева, стремления к тотальному контролю, последовательного нарушения мелких границ на начальных стадиях взаимодействия.

Повышенное доверие к формальным, поверхностным атрибутам, таким как социальный статус, должность, внешняя респектабельность или убедительные вербальные заверения, при одновременном игнорировании неконгруэнтных невербальных сигналов, делает этого человека крайне уязвимым для изощренных, многоуровневых форм мошенничества, психологического насилия и иных видов преступлений, основанных на манипуляции и обмане [8]. Несформированность эмоционального интеллекта лишает человека инструмента социальной навигации, без которого адекватная оценка рисков и распознавание потенциальных угроз становятся крайне затруднительными, а иногда и практически невозможными.

Помимо сугубо психологических характеристик, в виктимологическом анализе требуется учитывать объективные социально-демографические и поведенческие корреляты виктимности. Многочисленные эмпирические изыскания последовательно подтверждают, что молодые люди в возрасте 16–24 лет статистически значимо чаще оказываются жертвами большинства видов насильственных и имущественных преступлений, что непосредственно связано с их более активным и нередко рискованным образом жизни, интенсивной социальной активностью и регулярным пребыванием в общественных местах.

Существенную роль играет и социально-экономический статус: лица с низким уровнем доходов, проживающие в районах с неблагоприятной криминогенной обстановкой, объективно имеют более высокие шансы стать жертвой в силу территориальной концентрации мотивированных преступников и ослабленного социального контроля. Определенные профессиональные занятия, сопряженные с регулярными контактами с широким кругом лиц (сотрудники правоохранительных органов, таксисты, работники сферы услуг в ночное время), также несут в себе повышенный виктимный потенциал. Особого внимания заслуживает фактор асоциального поведения: злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами радикально повышает риск виктимизации, поскольку состояние опьянения не только снижает критичность восприятия и скорость психофизиологических реакций, но и зачастую помещает индивида в опасную среду и ситуации [9].

При этом важно учитывать, что социально-демографические факторы создают лишь общий фон повышенного риска, тогда как реальная виктимизация происходит при сочетании этих объективных условий с определенными психологическими особенностями личности, что подтверждает необходимость комплексного, многофакторного подхода к анализу каждого конкретного случая.

Методология исследования виктимности: комплексный подход

Для углубленного и разностороннего изучения феномена виктимности требуется применение комплексной методологии, интегрирующей качественные и количественные методы сбора и обработки данных. Первостепенное значение имеет **сравнительный анализ статистических данных** официальной отчетности МВД и судебных инстанций, который позволяет выявить общие тенденции и динамику виктимизации различных социально-демографических групп.

Статистическая информация предоставляет объективную основу для определения масштабов явления и приоритетных направлений исследования. Однако для понимания глубинных механизмов формирования виктимного поведения необходимы **глубинные интервью и фокус-группы** с лицами, неоднократно подвергавши-

мися преступным посягательствам. Эти качественные методики дают уникальную возможность восстановить личный опыт, выявить субъективные смыслы и интерпретации криминальных эпизодов, а также проследить внутреннюю логику принятия решений, приведших к виктимизации.

Не менее информативным методом выступает **психобиографический анализ**, нацеленный на ретроспективное исследование жизненного пути жертвы, выделение ключевых событий, психотравм и условий социализации, способствовавших становлению виктимогенных черт личности.

Для объективной диагностики психологических характеристик применяется **тестирование с использованием валидизированного психодиагностического инструментария**: стандартизированных опросников для оценки уровня самооценки (например, методика Дембо-Рубинштейн в модификации Прихожан), локуса контроля (опросник УСК — Уровень субъективного контроля), уровня тревожности (шкала Спилбергера-Ханина), а также проективные методики, выявляющие неосознаваемые установки и страхи.

Важным компонентом методологии является **криминологический анализ материалов уголовных дел** определенной категории (например, по фактам мошенничества или бытового насилия), который позволяет детально исследовать модель преступника и объективно зафиксировать модели поведения жертвы до, во время и после совершения преступления. Интеграция данных, полученных этими разноуровневыми методами, позволяет построить многомерную, объемную модель виктимности, служащую надежной основой для разработки как превентивных программ, так и адресных мер реабилитации.

При этом современные исследовательские подходы все чаще дополняются **лонгитюдными исследованиями**, отслеживающими динамику виктимности на протяжении жизненного пути, и **кросскультурными сравнениями**, выявляющими специфику проявления виктимных паттернов в различных социокультурных контекстах.

Все вышеизложенное определяет стратегию и тактику виктимологической профилактики, которая должна выстраиваться на двух взаимодополняющих уровнях: общем и индивидуальном. Общая профилактика ориентирована на широкие слои населения и включает реализацию образовательных программ в школах и вузах, направленных на развитие навыков асертивного поведения, распознавания манипулятивных техник и укрепления личностных границ; проведение масштабных социально-информационных кампаний, предупреждающих о наиболее распространенных схемах мошенничества и рисках, связанных с ведением рискованного образа жизни; наконец, целенаправленное улучшение городской среды через освещение, установку камер видеонаблюдения и ликвидацию заброшенных зон, что повышает уровень воспринимаемой безопасности и затрудняет совершение преступлений. Индивидуальная профилактика адресована конкретным

лицам, демонстрирующим явные признаки виктимогенной деформации, и заключается прежде всего в оказании квалифицированной психологической и психотерапевтической помощи.

Наиболее эффективными здесь являются методы когнитивно-поведенческой терапии, позволяющие деконструировать иррациональные установки виктимного мышления; специализированные тренинги ассертивности и самообороны, нацеленные на формирование навыков уверенного отстаивания своих прав и физической самозащиты; а также глубинная терапия последствий психологической травмы, без которой высока вероятность ревиктимизации — повторного попадания в роль жертвы [10].

Особое значение приобретает разработка и внедрение специализированных реабилитационных программ, учитывающих специфику различных типов виктимизации (например, программы для жертв домашнего насилия существенно отличаются от программ для жертв мошеннических схем), а также создание системы кризисной помощи, обеспечивающей оперативную психологическую поддержку непосредственно после совершения преступления, что позволяет минимизировать негативные последствия травмы и предотвратить закрепление виктимной идентичности.

Таким образом, психологический портрет жертвы, рассмотренный через призму отечественной криминологической и виктимологической мысли, предстает как сложный, многокомпонентный конструкт, возникающий в результате динамического взаимодействия устойчивых

личностных черт, дефицитов в эмоционально-волевой сфере и определенных социально-демографических паттернов. В своей совокупности эти факторы формируют вокруг личности специфическое «виктимогенное поле», которое объективно повышает вероятность ее вовлечения в криминальную ситуацию.

Ключевой вывод заключается в том, что виктимность следует понимать не как личную вину индивида, а как его психологическую и социальную проблему, часто уходящую корнями в травматический опыт прошлого и неблагоприятные условия социализации. Следовательно, современная и эффективная стратегия противодействия преступности должна носить комплексный характер, органично сочетая меры по усилению общественной безопасности с широкой доступностью разноплановой психологической помощи, конечной целью которой является разрушение деструктивных жизненных сценариев и формирование у личности подлинной психологической устойчивости, здоровой самодостаточности и способности к активной и эффективной самозащите.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении нейropsychологических основ виктимного поведения, разработке дифференцированных моделей профилактики для различных целевых групп, а также в создании комплексных межведомственных программ, объединяющих усилия правоохранительных органов, социальных служб и системы здравоохранения в деле предупреждения виктимизации и реабилитации пострадавших.

Литература:

1. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1977.
2. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.
3. Полубинский В. И. Криминальная виктимология: понятие и основные институты // Государство и право. 2001. № 9.
4. Антонян Ю. М., Давидович В. Е., Чучаев А. И. Криминальная виктимология. М.: Норма, 2018.
5. Решетников М. М. Психология виктимного поведения. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2018.
6. Литвак М. Е. Психологическое айкидо. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
7. Петрова Е. А. Психология семейного насилия. М.: Академия, 2009.
8. Ениколопов С. Н., Садовская А. В. Виктимное поведение и механизмы психологической защиты // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3.
9. Криминология: учебник для вузов / под ред. В. Д. Малкова. М.: Юстиция, 2016.
10. Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. М.: Когито-Центр, 2007.

К вопросу о развитии монополии в сфере представительства

Кокшаров Александр Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Макарын Андрей Альбертович, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Ключевым субъектом договорного представительства является представитель. Так, под представителем понимается лицо, действующее в интересах и от имени пред-

ставляемого в пределах полномочий, предоставленных представляемым либо установленных законом (иными правовыми актами).

Следует отметить, что в соответствии со статьей 182 ГК РФ не являются представителями лица, действующие хотя и в чужих интересах, но от собственного имени, лица, лишь передающие выраженную в надлежащей форме волю другого лица, а также лица, уполномоченные на вступление в переговоры относительно возможных в будущем сделок.

В процессуальном праве существует ряд требований, которым должны отвечать представители.

1) Должностной ценз. Представителями в арбитражном суде не могут быть судьи, арбитражные заседатели, следователи, прокуроры, помощники судей, работники аппарата суда и иные лица, участие которых в качестве представителей в судебном процессе запрещено федеральным законом. Данное правило не распространяется на случаи, если указанные лица выступают в арбитражном суде в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей.

2) Образовательный ценз. Так, в соответствии с частью 3 статьи 59 АПК РФ Представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Требования, предъявляемые к представителям, не распространяются на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве, а также иных лиц, указанных в федеральном законе. Среди юристов вопрос о целесообразности существования данного ценза является дискуссионным. Следует отметить, что данный ценз действует в арбитражном судопроизводстве, а в гражданском и административном судопроизводствах — лишь в судах субъектов Российской Федерации.

В настоящее время профессиональная монополия делится на два вида — на непосредственно профессиональную монополию лиц с юридическим образованием и адвокатская монополия.

Так, профессиональная монополия предполагает, что в судебном представительстве будут принимать участие лишь лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности.

Следует отметить, что законом не устанавливается какого именно уровня должно быть юридическое образование — бакалавриата, магистратуры или специалитета.

В связи с проходящей в нашей стране в настоящее время реформа образования, в рамках которой происходит ликвидация бакалавриата как ступени образования. В этой связи может возникнуть точка зрения, что представительская деятельность лиц, имеющих степень бакалавра не будет отвечать требованиям профессиональной монополии.

Адвокатская монополия характеризуется тем, что представительство в рамках судебных процессов будут

осуществлять исключительно лица, имеющие статус адвоката. Данный вид монополии имеет ряд преимуществ, поскольку в связи с установленными Федеральным законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» у адвоката имеется право на направление адвокатских запросов, проведения самостоятельных мероприятий в сбору доказательств (например, проведение опроса), а также мер ответственности адвокатов (в частности, дисциплинарной перед соответствующей коллегией адвокатов вплоть до лишения статуса).

Раскроем дискуссию относительно вопросов монополии в судебном представительстве.

Сторонники профессиональной монополии, в частности адвокатское сообщество, считают, что оказанием квалифицированной юридической помощи должны заниматься адвокаты, к статусу которых закон предъявляет жесткие требования. Они указывают на такие преимущества, как гарантия высокого профессионализма представителей, исключение недобросовестных лиц, оказывающих юридические услуги, и увеличение уровня правовой защиты получателей юридических услуг.

По нашему мнению, приверженцы адвокатской монополии видят её как инструмент укрепления системы правосудия, обеспечивающий участие исключительно опытных юристов с подтвержденной квалификацией в судебных процессах, утверждая, что это приведет к повышению ответственности среди представителей юриспруденции благодаря обязательному соблюдению ими норм стандартов дисциплины и морали, способствующих поддержанию высокого уровня профессионализма.

Противники профессиональной монополии полагают, что это приведёт к повышению цен на юридические услуги, вследствие чего без должной защиты в суде останется не только социально незащищённый слой населения, но даже многие представители среднего класса. Среди возможных негативных последствий также называют снижение конкуренции и качества оказываемых услуг, рост коррупционного элемента. [1, с. 227]

8 ноября 2022 года на заседании Пленума Верховного Суда РФ было принято постановление «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым, в числе прочих поправок, предлагается также изъять из ч. 2 ст. 49 ГПК РФ имеющееся исключение — представителями в гражданском процессе смогут быть только адвокаты и лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Как отмечается в пояснительной записке, представленный проект направлен на повышение уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, а правило о профессиональном представительстве, предусмотренное в ГПК РФ с 2019 года, зарекомендовало себя положительно.

Первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ М. Толчеев полагает, что предлагаемый законо-

проект завершает процесс перехода профессионального представительства к необходимым формам: «Требование статуса адвоката или хотя бы наличия юридического образования для такой деятельности не только является настоятельным велением времени, но и ... уже зарекомендовало себя с положительной стороны». [2.]

По мнению В. Б. Арзумановой новые требования к статусу представителя призваны, в первую очередь, способствовать реализации конституционно гарантированного права на получение квалифицированной юридической помощи. Между тем, легально закреплённая дефиниция «ква-

лифицированная юридическая помощь» в национальном законодательстве до сих пор отсутствует. [3, с. 104–108]

На наш взгляд, можно сделать вывод о том, что юридическая монополизация договорного представительства оказывает положительное влияние на качество и эффективность данного вида услуг в связи с наличием определенных мер осуществления представительства и ответственности за ненадлежащее исполнение представителем обязанностей в интересах доверителя и обеспечит защиту права на беспрепятственный доступ к правосудию для населения.

Литература:

1. Мусалаев К. С. Представительство и адвокатская монополия в Российской Федерации / К. С. Мусалаев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 16. (202). — С. 225–228. — URL: <https://moluch.ru/archive/202/49579>.
2. Верховный Суд внесет в Госдуму проект изменений в гражданское процессуальное законодательство [Электронный ресурс]: Адвокатская газета. — Электрон. текстовые данные. — 08.11.2022 г. — Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-vneset-v-gosdumu-proekt-izmeneniy-v-grazhdanskoe-protsessualnoe-zakonodatelstvo/>
3. Арзуманова, В. Б. Актуальные проблемы профессионального представительства и адвокатской монополии в гражданском процессе в Российской Федерации / В. Б. Арзуманова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 31 (478). — С. 104–108. — URL: <https://moluch.ru/archive/478/105208>

Реализация мер социальной защиты населения в условиях региональной специфики: опыт Оренбургской области

Коновалова Тамара Александровна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу реализации мер социальной защиты населения в Оренбургской области. Рассматривается теоретико-методологическая база социальной защиты, нормативно-правовое регулирование на федеральном и региональном уровнях. Особое внимание уделяется специфике практической реализации социальной политики в условиях региона, выявлению проблем и вызовов. В работе приводятся мнения ученых о путях совершенствования системы социальной защиты и предлагаются рекомендации по повышению её эффективности.

Ключевые слова: социальная защита, население, Оренбургская область, региональная специфика, социальные услуги, нормативно-правовая база, социальное государство, уязвимые группы.

Введение

В современном обществе социальная поддержка граждан является одним из ключевых направлений государственной политики, отражающим приверженность принципам социального государства. Согласно статье 7 Конституции Российской Федерации, Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Это положение обязывает государство принимать комплекс мер по поддержке граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также по профилактике социального неблагополучия.

Региональный уровень власти имеет принципиальное значение для реализации социальной политики, поскольку именно на местах осуществляется непосредственное взаимодействие с населением и учитывается уникальная социально-экономическая, демографическая и географическая специфика субъекта. Оренбургская область, характеризующаяся значительной площадью, неоднородностью развития муниципальных образований, наличием промышленных центров и обширных сельскохозяйственных территорий, сталкивается со своими особыми вызовами в сфере обеспечения социальных гарантий.

Целью данной статьи является комплексный анализ механизмов реализации социальных основ защиты на-

селения в Оренбургской области, выявление сильных сторон, существующих проблем и определение перспективных направлений развития региональной системы социальной защиты.

1. Теоретические основы и нормативно-правовая база социальной защиты населения

Теоретические концепции социального государства и социальной защиты разрабатывались многими отечественными и зарубежными учеными. В частности, идеи Дж. Роулза о социальной справедливости, предполагающей создание равных возможностей для всех членов общества, и справедливое распределение благ, легли в основу современных подходов к социальной политике [2]. Отечественные исследователи, такие как В. И. Жуков [3], В. Н. Бобков [4], Е. И. Холостова [5] и другие, активно развивают теорию социальной политики и социальной работы в контексте российской специфики, акцентируя внимание на необходимости адресности, комплексности и инновационности в предоставлении социальных услуг.

Нормативно-правовая база основ социальной безопасности населения в Российской Федерации формируется на нескольких уровнях:

1. Конституционный уровень: Статьи 7, 39, 40, 41, 43 Конституции РФ закрепляют права граждан на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, на жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь, образование [1].

2. Федеральный уровень:

— Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [6] является ключевым документом, определяющим принципы социального обслуживания, полномочия органов власти, виды социальных услуг и права получателей.

— Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [7] регулирует порядок оказания государственной социальной помощи малоимущим гражданам и семьям.

— Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [8] устанавливает правовые, экономические и организационные основы обеспечения социальной защиты инвалидов.

— Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [9] определяет виды и порядок выплаты пособий семьям с детьми.

— Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [10] и другие акты, регулирующие пенсионное обеспечение.

3. Региональный уровень: субъекты Российской Федерации, включая Оренбургскую область, принимают собственные законы и нормативные правовые акты, детализирующие и дополняющие федеральное законодательство, учитывая региональные особенности и приори-

теты. Например, Законы Оренбургской области о мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, о социальном обслуживании, региональные программы поддержки семьи и детства.

Таким образом, система социальной защиты представляет собой сложный механизм, основанный на нормах права и теоретических разработках, направленный на обеспечение минимальных социальных стандартов и поддержку уязвимых групп населения.

2. Особенности реализации социальной защиты в практике Оренбургской области

Оренбургская область, будучи крупным аграрно-индустриальным регионом с площадью более 124 тыс. кв. км и населением около 1,8 млн человек (по данным на 2023 г.) [11], имеет свою специфику в вопросах социальной защиты. Регион характеризуется значительной долей сельского населения (более 35 %), что обуславливает необходимость развития инфраструктуры социальных услуг в отдаленных территориях. Демографическая ситуация характеризуется процессами старения населения и, в некоторых муниципалитетах, оттоком молодежи.

Центральным органом исполнительной власти, отвечающим за реализацию социальной политики в регионе, является Министерство социального развития Оренбургской области. Его деятельность включает организацию социального обслуживания, предоставление мер социальной поддержки, реализацию государственных программ.

Ключевые направления и особенности региональной практики:

1. Адресная социальная помощь:

— Реализуются программы по оказанию государственной социальной помощи на основе социального контракта, позволяющего гражданам выйти из трудной жизненной ситуации за счет собственных активных действий (открытие собственного дела, поиск работы, переобучение). Эта практика зарекомендовала себя как эффективный инструмент, способствующий не просто выдаче пособий, но и повышению социальной мобильности и самостоятельности граждан.

— Оказывается материальная помощь малоимущим семьям, одиноким гражданам, семьям с детьми-инвалидами на улучшение жилищных условий, приобретение товаров первой необходимости, оплату коммунальных услуг.

2. Поддержка семей с детьми:

— Наряду с федеральными выплатами, в Оренбургской области установлены региональные меры поддержки многодетных семей, семей с детьми-инвалидами, молодых семей. Это включает единовременные пособия при рождении детей, региональный материнский капитал, льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг, компенсации за присмотр и уход за детьми в детских садах.

— Активно развивается система социального сопровождения семей, находящихся в социально опасном положении.

3. Социальное обслуживание:

— Развивается сеть учреждений социального обслуживания (комплексные центры, стационарные учреждения, дома-интернаты), оказывающих широкий спектр услуг (социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, срочные социальные услуги).

— Активно внедряются инновационные формы обслуживания, такие как «мобильные бригады» для обслуживания населения в отдаленных населенных пунктах, «приёмные семьи для пожилых граждан», «школы ухода» за инвалидами и пожилыми людьми.

— Осуществляется формирование реестра поставщиков социальных услуг, включая негосударственные организации, что способствует развитию конкурентной среды и повышению качества услуг.

4. Социальная защита инвалидов:

— Регион активно работает над созданием доступной среды для инвалидов, реализуются мероприятия по адаптации объектов социальной инфраструктуры, транспорта, информации.

— Предоставляются меры поддержки по санаторно-курортному лечению, обеспечению техническими средствами реабилитации, компенсации расходов на проезд.

— Особое внимание уделяется трудоустройству инвалидов, взаимодействию с работодателями и профессиональному обучению.

3. Анализ проблем и вызовов, мнения ученых и экспертов

Несмотря на предпринимаемые усилия, в системе реализации социальных основ защиты населения Оренбургской области, как и в целом по стране, существуют проблемы и вызовы:

1. Недостаточное финансирование: Как отмечают многие исследователи, например, О. В. Сироткина [12], объемы бюджетного финансирования социальной сферы часто не соответствуют реальным потребностям, что ограничивает возможности для расширения спектра и повышения качества услуг.

2. Географическая разобщенность и транспортная доступность: Для такого крупного региона, как Оренбургская область, с большой долей сельского населения, актуальна проблема доступности социальных услуг для жителей отдаленных территорий. Использование «мобильных бригад» частично решает эту проблему, но не устраняет её полностью.

3. Дефицит квалифицированных кадров: Существует потребность в высококвалифицированных социальных работниках, психологах, специалистах по реабилитации, особенно в сельской местности. Профессия социального работника часто недооценена, что затрудняет привлечение молодых специалистов [13].

4. Проблема адресности и эффективности: Несмотря на совершенствование механизмов адресной

помощи, сохраняется риск неэффективного использования бюджетных средств и недостаточного охвата действительно нуждающихся категорий граждан. Российские ученые, такие как Н. М. Римашевская [14], подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования критериев нуждаемости и повышения прозрачности системы.

5. Цифровое неравенство: Внедрение цифровых технологий в социальную сферу, хотя и упрощает доступ к услугам для части населения, может создавать барьеры для пожилых людей и жителей отдаленных районов с ограниченным доступом к интернету и цифровым навыкам.

Многие отечественные ученые и эксперты в области социальной политики, такие как В. И. Звоновский, указывают на необходимость комплексного подхода к социальной защите, сочетающего меры поддержки с активными программами содействия занятости и развития человеческого капитала. Они подчеркивают важность перехода от пассивной помощи к активизирующей, стимулирующей граждан к преодолению трудной жизненной ситуации за счет собственных ресурсов и потенциала [15]. В контексте региональной специфики Оренбургской области, по мнению доктора экономических наук, профессора Оренбургского государственного университета Е. В. Зотовой, актуальна задача дальнейшей адаптации федеральных стандартов к местным условиям, усиления взаимодействия между органами власти, НКО и бизнес-сообществом для создания более гибкой и эффективной системы социальной поддержки, особенно в сельских территориях [16].

4. Пути совершенствования и рекомендации

На основе проведенного анализа и с учетом мнений экспертов, можно предложить следующие пути совершенствования системы реализации социальных основ защиты населения в Оренбургской области:

1. Укрепление кадрового потенциала: Разработка региональных программ по привлечению и закреплению молодых специалистов в социальной сфере, повышение престижа профессии социального работника, организация курсов повышения квалификации и переподготовки кадров.

2. Развитие цифровых сервисов и устранение цифрового неравенства: Продолжение внедрения дистанционных форм предоставления социальных услуг, разработка мобильных приложений. Одновременно необходимо обеспечить доступность цифровых сервисов для всех категорий граждан, в том числе путем обучения цифровой грамотности и создания центров общественного доступа в удаленных населенных пунктах.

3. Расширение государственно-частного партнерства и вовлечение НКО: Стимулирование создания и развития негосударственных организаций, оказывающих социальные услуги. Это позволит расширить спектр услуг, по-

высить их качество за счет конкуренции и более гибкого подхода.

4. Усиление межведомственного взаимодействия: Координация усилий Министерства социального развития с органами здравоохранения, образования, занятости, местного самоуправления для создания единой системы поддержки семьи и граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

5. Совершенствование механизмов адресности и оценки эффективности: Разработка более точных критериев нуждаемости, регулярный мониторинг и оценка результативности социальных программ и проектов с использованием современных методик.

6. Развитие профилактической работы: Усиление работы по раннему выявлению семейного и социального неблагополучия, развитие услуг психологической помощи и консультирования, программ по формированию здорового образа жизни.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Роулз Дж. Теория справедливости. — М.: ЛКИ, 2010. — 536 с.
3. Жуков В. И. Российская социальная политика: реалии и перспективы // Вестник Российского государственного социального университета. — 2010. — № 1. — С. 5–13.
4. Бобков В. Н. Неравенство доходов и потребления в России: тенденции, оценка, последствия. — М.: ВЦУЖ, 2018. — 338 с.
5. Холостова Е. И. Социальная работа. — М.: Дашков и К°, 2021. — 720 с.
6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).
12. Сироткина О. В. Финансирование социальной сферы в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Финансы и кредит. — 2019. — Т. 25, № 2. — С. 364–377.
13. Проблемы кадрового обеспечения социальной сферы: коллективная монография / Под ред. В. Н. Кузнецова. — М.: Наука, 2021. — 280 с.
14. Римашевская Н. М. Семья и доходы населения в России: современное состояние и перспективы // Народонаселение. — 2018. — № 3. — С. 15–27.
15. Звоновский В. И. Активизирующая социальная политика: опыт и перспективы // Социологические исследования. — 2020. — № 10. — С. 78–87.
16. Зотова Е. В. Развитие региональной социальной политики в условиях трансформации экономики (на примере Оренбургской области): монография. — Оренбург: ОГУ, 2018. — 210 с.

Заключение

Обеспечение социальных основ защиты населения является непрерывным процессом, требующим постоянной адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям и потребностям граждан. Опыт Оренбургской области демонстрирует значительные успехи в развитии региональной системы социальной защиты, однако также выявляет ряд проблем, требующих системного решения.

Дальнейшее совершенствование этой системы должно основываться на принципах адресности, индивидуализации, комплексности, партнерства и цифровизации. Только при таком подходе возможно построение эффективной и устойчивой системы социальной защиты, способной в полной мере реализовать конституционные права граждан и обеспечить достойную жизнь каждому жителю Оренбургской области.

Расследование ДТП в современном обществе: актуальные подходы и методы

Коробейникова Альбина Маратовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рубцов Валерий Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье автор анализирует современные подходы и методы расследования ДТП, а также определить перспективные направления развития.

Ключевые слова: расследование, дорожно-транспортное происшествие.

Введение

Дорожнотранспортные происшествия продолжают представлять серьёзную угрозу для общества. Даже при постоянном развитии дорожной инфраструктуры и совершенствовании систем безопасности число аварий не снижается до приемлемого уровня, а их последствия зачастую оказываются катастрофическими.

Важность исследования обусловлена потребностью в оптимизации процесса расследования ДТП. Это имеет прямое отношение к:

- выяснению истинных обстоятельств происшествия;
- объективному определению виновных и их привлечению к ответственности;
- формированию эффективных профилактических мер;
- общему снижению аварийности на дорогах.

Задача настоящей работы — изучить актуальные методики расследования ДТП, оценить их сильные и слабые стороны, наметить возможные пути совершенствования.

1. Нормативноправовая база расследования ДТП

В России расследование дорожнотранспортных происшествий опирается на ряд ключевых законодательных актов:

- Уголовный кодекс РФ (ст. 264, 268) — устанавливает уголовную ответственность за нарушения ПДД, повлёкшие тяжёлые последствия;
- Кодекс РФ об административных правонарушениях (гл. 12) — определяет меры административной ответственности за менее значительные нарушения;
- Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» (№ 196ФЗ) — закрепляет базовые принципы обеспечения дорожной безопасности;
- Правила дорожного движения — главный документ, регламентирующий поведение участников движения;
- Приказ МВД России № 664 — регулирует надзор за соблюдением ПДД и порядок оформления материалов по ДТП.

Законодательная база регулярно обновляется: в последние годы приняты поправки, ужесточающие ответственность за отдельные нарушения и упрощающие процедуры фиксации правонарушений [1, с. 45–47].

2. Этапы расследования ДТП

Процедура расследования ДТП состоит из трёх последовательных стадий.

1. Первичный этап (осмотр места происшествия):
 - документирование обстановки (фото и видеосъёмка, составление схем);
 - сбор вещественных доказательств (тормозные следы, осколки, следы ГСМ);
 - опрос участников и свидетелей;
 - оформление протокола осмотра.
2. Последующий этап (сбор и анализ доказательств):
 - назначение судебномедицинских экспертиз (для выяснения причин травм и летальных исходов);
 - проведение автотехнической экспертизы (оценка технического состояния ТС, расчёт скорости и траектории движения);
 - изучение записей с камер видеонаблюдения и видеорегистраторов;
 - анализ данных телематических систем (при их наличии в ТС).
3. Заключительный этап (формирование выводов и принятие решения):
 - сопоставление всех собранных доказательств;
 - установление причинноследственных связей;
 - квалификация действий участников;
 - подготовка итогового документа (постановления или обвинительного заключения).

4. Современные подходы и инструменты расследования

В последние годы в практику расследования ДТП активно внедряются передовые технологии.

4.1. Цифровые методы фиксации

3Дсканирование места ДТП — позволяет создать детализированную объёмную модель происшествия, полезную в судебном разбирательстве [2, с. 112–114].

Дроны с камерами — применяются для аэрофотосъёмки, особенно на сложных участках или при массовых ДТП.

Системы видеорегистрации (включая встроенные в ТС) — становятся важнейшим источником доказательств.

4.2. Автотехническая экспертиза с применением ПО

Современные программные решения (например, «PC Crash», «Virtual Crash») дают возможность:

- моделировать динамику ДТП с учётом физических параметров;
- рассчитывать скорость ТС по следам торможения;
- анализировать взаимодействие ТС и пешеходов;
- прогнозировать последствия в различных сценариях [3, с. 78–80].

4.3. Телематические системы и «умные» автомобили

Современные ТС оснащаются следующими системами:

- EDR (Event Data Recorder) — «чёрный ящик», фиксирующий параметры движения перед аварией (скорость, обороты двигателя, положение педалей);
- ADAS (Advanced Driver Assistance Systems) — системы помощи водителю, данные которых могут указывать на действия водителя перед ДТП;
- V2X (Vehicle to Everything) — технологии обмена данными между ТС и инфраструктурой, помогающие восстановить хронологию событий [4, с. 205–207].

4.4. Биометрические и психофизиологические методы

Для оценки состояния водителя используются:

- анализ записей с камер наблюдения (мимика, жесты);
- экспертиза на наличие алкоголя/наркотиков;
- психофизиологическая экспертиза (оценка реакции, внимания, стрессоустойчивости) [5, с. 63–65].

5. Трудности и ограничения современных методов

Несмотря на технологический прогресс, расследование ДТП сталкивается с рядом сложностей:

Нехватка оборудования — многие подразделения ГИБДД не имеют доступа к передовым технологиям (3Dсканерам, специализированному ПО).

Отсутствие единых стандартов — методики экспертиз могут различаться в зависимости от региона.

Противоречивость доказательств — данные видеорегистраторов, свидетельские показания и экспертные заключения порой не совпадают.

Литература:

1. Кузнецов А. В. Правовые аспекты обеспечения безопасности дорожного движения: монография. — М.: Юрайт, 2023. — 288 с.
2. Петров И. С., Смирнов Д. А. Инновационные методы фиксации места ДТП: практическое руководство. — СПб.: Питер, 2022. — 192 с.
3. Волков В. Н. Автотехническая экспертиза: современные методики. — М.: ИНФРАМ, 2024. — 160 с.
4. Иванов П. Р. Телематические системы в расследовании ДТП: перспективы применения // Вестник криминалистики. — 2023. — № 4. — С. 201–210.
5. Сидорова Е. Л. Психофизиологические аспекты расследования ДТП. — М.: Норма, 2022. — 128 с.

Сложность анализа телематических данных — требуется высокая квалификация для работы с EDR и ADAS.

Юридические пробелы — вопросы допустимости цифровых доказательств в суде остаются неурегулированными [6, с. 91–93].

6. Перспективы развития

Для повышения эффективности расследования ДТП требуется:

- Унификация методик — разработка федеральных стандартов проведения экспертиз и оформления материалов.
- Цифровизация процессов — создание единой базы данных по ДТП с онлайндоступом для экспертов и следователей.
- Повышение квалификации — обучение сотрудников ГИБДД и экспертов работе с цифровыми технологиями.
- Интеграция систем — объединение данных с камер, телематических устройств и дорожных датчиков в единую платформу.
- Развитие ИИ — применение машинного обучения для анализа причин ДТП и прогнозирования рисков [7, с. 144–146].

Заключение

Расследование ДТП сегодня — это комплексная задача, требующая сочетания классических криминалистических подходов и современных технологий. Внедрение цифровых решений (3Dсканирование, телематика, ИИ) открывает новые возможности для установления истины, несмотря на существующие трудности.

Для дальнейшего прогресса необходимо:

- обеспечить подразделения ГИБДД современным оборудованием;
- актуализировать нормативноправовую базу с учётом технологических изменений;
- наладить взаимодействие между экспертами разных профилей (криминалистами, автотехниками, ITспециалистами).

Только системный подход позволит сократить число аварий и укрепить доверие общества к системе расследования ДТП.

6. Захаров С. М. Проблемы доказывания в делах о ДТП: судебная практика // Российская юстиция. — 2024. — № 2. — С. 89–95.
7. Морозов А. И., Николаев В. В. Искусственный интеллект в криминалистике: новые горизонты. — М.: Проспект, 2023. — 224 с.

Надежность и допустимость аудио- и видеодоказательств в уголовном процессе Российской Федерации: стандарты и критерии оценки

Коротков Данил Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Симонова Тамара Самвеловна, кандидат юридических наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

Статья исследует современные подходы к оценке надежности и допустимости аудио- и видеодоказательств в уголовном процессе Российской Федерации. Обсуждаются ключевые критерии надежности, такие как подлинность, законность сбора и целостность, а также аспекты допустимости, включая экспертную оценку и релевантность. Подчеркивается важность соблюдения правовых норм и защиты прав граждан.

Ключевые слова: аудио- и видеодоказательства, надежность, допустимость, уголовный процесс, правовые нормы.

Reliability and admissibility of audio and video evidence in criminal proceedings in the Russian Federation: standards and evaluation criteria

The article explores modern approaches to assessing the reliability and admissibility of audio and video evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. Key reliability criteria such as authenticity, legality of collection, and integrity are discussed, as well as aspects of admissibility, including peer review and relevance. The importance of observing legal norms and protecting citizens' rights is emphasized.

Keywords: audio and video evidence, reliability, admissibility, criminal procedure, legal norms.

Аудио- и видеодоказательства играют важную роль в уголовном процессе, поскольку они обеспечивают возможность более полного и объективного выяснения обстоятельств дела. Под аудио- и видеодоказательствами в рамках данной статьи понимаются любые записи, фиксирующие звук и изображение, полученные с помощью технических средств и представленные в суде в качестве доказательств.

Все большее признание таких доказательств связано с их высокими информативными возможностями и способностью повысить уровень доверия к процессу правосудия. Однако использование аудио- и видеодоказательств ставит перед правоприменителями множество вопросов, требующих тщательного анализа и правовой регламентации. В Российской Федерации использование аудио- и видеодоказательств регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), а также рядом федеральных законов, таких как: от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — закон № 144-ФЗ), от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и др. Современный уголовный процесс стремится адаптироваться к новым технологиям,

что в свою очередь подразумевает необходимость учитывать физическую и юридическую надежность таких доказательств.

Нормы ст. 88 УПК РФ [1] закрепляют правила оценки доказательств, согласно которым, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Критерии надежности аудио- и видеодоказательств могут быть обобщены в несколько ключевых аспектов. Во-первых, необходимо учитывать аутентичность данных, что подразумевает подтверждение источника записи и целостности сохраненной информации. По законодательству Российской Федерации, в частности ст. 6 закона № 144-ФЗ [2], аудио и видеозаписи должны быть получены в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, при которых используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде, что гарантирует их подлинность. К примеру, записи, полученные в результате негласных следственных действий, могут считаться

надежными, если они получены с соблюдением установленной процедуры собирания вещественных доказательств, которая четко регламентирована ст. 86 УПК РФ.

Во-вторых, рассмотрение правильности и полноты содержания записей является важным этапом. Как отмечает Е. И. Галяшина, аудио- и видеозаписи должны содержать всевозможные детали, имеющие значение для дела. Необходимо, чтобы на записи были четко видны или слышны участники событий, а также окружающая обстановка, что позволяет полно и объективно оценить ситуацию [5, с. 153]. В этом контексте становится важным использование современных технологий, обеспечивающих качественную запись и хранение информации, что также прямо влияет на надежность данных.

Третий критерий касается наличия соответствующей технической базы для воспроизведения, анализа и экспертизы аудио- и видеодоказательств. Судебная практика демонстрирует важность доступа к высококвалифицированным экспертам, которые могут провести прослушивание или просмотр материалов, а также дать заключение о возможности манипуляций с доказательствами. Это помогает при необходимости оспорить представленные записи, что поддерживает защиту прав сторон.

Допустимость аудио- и видеодоказательств в уголовном процессе России представляет собой сложный и многогранный вопрос, который требует внимательного анализа. Первое, что необходимо учитывать, это соответствие аудио- и видеозаписей критериям, установленным в процессе оценки самих доказательств. Как было упомянуто выше, согласно ст. 86 УПК РФ, аудио- и видеодоказательства должны собираться и храниться в строгом соответствии с установленными процедурными нормами. Так, любые нарушения при получении, хранении или воспроизведении таких материалов могут стать основанием для их недопустимости в процессе. Это также относится к документам, подтверждающим законность записи, например, разрешения на съёмку в качестве доказательства [3].

Важным аспектом, влияющим на допустимость аудио- и видеодоказательств, является их подлинность. В. С. Балакшин говорит о том, что доказательства должны быть предоставлены в неизменном виде, что необходимо для их использования в суде. Если имеются сомнения в том, что запись была изменена или манипулирована, это может служить основанием для признания доказательства недействительным [4, с. 235]. Поскольку стандартом оценки надежности доказательств служит их непротиворечивость и возможность проверки, подлинность аудиовизуальных материалов должна быть безусловно подтверждена. В этом контексте правоохранительные органы и судебные эксперты должны придерживаться строгих стандартов при производстве экспертиз и оценке цифровых носителей.

Критерии допустимости также предполагают наличие существенности доказательства. Это следует из практики применения стандартов в уголовном процессе, где каждое

доказательство должно вносить значимый вклад в установление фактов дела, как отмечает А. Р. Мусин [6, с. 32]. Низкая степень значимости аудио- и видеозаписей может привести к их отклонению судом, даже если они удовлетворяют всем юридическим требованиям.

Еще одной проблемой является возможность нарушения прав сторон в процессе судебного разбирательства. А. В. Шигуров подчеркивает, что при использовании аудио- и видеодоказательств необходимо обеспечивать баланс между правами обвиняемых и правами потерпевших. Необоснованное применение таких доказательств может привести к искажению картины дела, что в свою очередь ставит под сомнение беспристрастность судебного процесса. Это подчеркивает важность тщательного анализа контекста, в котором были получены доказательства, и обстоятельств их использования [7, с. 169].

Поскольку современный мир оперирует огромным количеством цифровой информации, считаем, что действующая редакция ст. 86 УПК РФ не в полной мере учитывает возможность представления доказательств в электронном виде (аудио, видео, электронные файлы), а также независимых заключений специалистов, которые могут быть получены стороной защиты или потерпевшим за свой счет. Предлагается изложить ст. 86 УПК РФ в следующей редакции:

«Статья 86. Собираание доказательств

1. Собираание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом, с обязательным соблюдением установленной процедуры и фиксации хода и результатов этих действий.

2. Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы, предметы, аудио- и видеозаписи, электронные носители информации, заключения специалистов, а также иные сведения для приобщения их к уголовному делу и последующей оценки их допустимости и относимости в качестве доказательств.

3. Защитник вправе собирать доказательства путем:

1) получения предметов, документов и иных сведений, включая информацию, полученную в электронной форме, аудио- и видеозаписи, фотоматериалы, а также иные данные, имеющие отношение к уголовному делу;

2) опроса лиц с их согласия;

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии;

4) инициирования проведения независимых экспертиз и получения заключений специалистов, которые подлежат оценке наравне с иными доказательствами в соответствии с правилами настоящего Кодекса».

Надежность и допустимость аудио- и видеодоказательств в уголовном процессе Российской Федерации являются основополагающими для обеспечения правосудия и защиты прав граждан. В рамках данного исследования было установлено, что аудио- и видеодоказательства играют значительную роль в формировании судебного решения, однако их эффективность напрямую зависит от соблюдения установленных критериев надежности и легитимности. Аудио- и видеодоказательства были определены как важные элементы, способные существенно повлиять на исход уголовных дел.

Важно отметить, что соблюдение всех предусмотренных процедур, начиная с фиксации фактов и заканчивая процедурой хранения и обработки записей, служит основой для признания этих доказательств допустимыми. Критерии надежности исследуемых материалов включают в себя не только технические аспекты, такие как качество записи и отсутствие манипуляций, но и правовые, включая соблюдение прав участников процесса.

Следует отметить, что многие судебные разбирательства сталкиваются с проблемами, связанными с доказыванием подлинности аудио- и видеозаписей, особенно

в случаях, когда запись была получена без согласия одной из сторон или с нарушением законодательства. Практика применения аудио- и видеодоказательств показывает, что внимание судей к деталям, связанным с этими материалами, увеличивается.

Сложности, возникающие во время разбирательств, подтверждают необходимость комплексного подхода к оценке как содержания, так и самого процесса получения записей. Задача судей заключается не только в определении фактической стороны спора, но и в соблюдении юридических норм, что подчеркивает комплексность и многоуровневость работы с данными доказательствами. В конечном счете, надежность и допустимость аудио- и видеодоказательств остаются ключевыми для формирования справедливого и объективного судебного разбирательства. Важно, чтобы юридическая система России развивалась в ногу с технологическими новшествами, что потребует регулярного пересмотра стандартов и критерия оценки таких материалов. В этом контексте нами предложена рекомендация по совершенствованию правового регулирования, что позволит минимизировать риски злоупотреблений и повысит доверие граждан к судебной системе.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Российская газета. — 1995. — 18 авг. — № 160.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Халиуллина Марата Ренатовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статей 49, 50, 51, 81 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1247-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
4. Балакшин, В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе / В. С. Балакшин. — Москва, 2016. — С. 235.
5. Галяшина, Е. И. Материалы аудио- и видеозаписи как результаты ОРД: проблемы судебно-экспертного обеспечения проверки доказательств / Е. И. Галяшина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 2. — С. 153.
6. Мусин, А. Р. Стандарты доказывания в уголовном процессе // Образование и право. — 2023. — № 2. — С. 32–35.
7. Шигуров, А. В. Проблемы правового регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий / А. В. Шигуров, Н. А. Подольный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 1(49). — С. 169–174.

Правовое регулирование студенческого спорта в Российской Федерации

Кострюкова Анна Юрьевна, студент;

Резина Яна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Поддубная Татьяна Владимировна, старший преподаватель
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируется современное состояние правового регулирования студенческого спорта в Российской Федерации. Рассматриваются основные нормативные правовые акты, формирующие основу для организации физкультурно-спортивной деятельности в образовательных организациях. Особое внимание уделяется роли всероссийского физ-

культурно-спортивного комплекса ГТО как популярного формата вовлечения студенческой молодежи в спортивную деятельность, а также значению новых инструментов, таких как Федеральная государственная информационная система «Физкультура и спорт» (ФГИС Спорт). Кроме того, в работе раскрывается преемственность государственной политики через переход от федерального проекта «Спорт — норма жизни» к государственной программе «Спорт России» и ключевое значение Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. Доказывается, что действующее законодательство в комплексе со стратегическими документами создает целостную систему, направленную на массовое вовлечение студентов в спорт, развитие инфраструктуры, цифровизацию процессов и совершенствование нормативно-правовой базы студенческих спортивных клубов.

Ключевые слова: студенческий спорт, правовое регулирование, ГТО, Стратегия развития физической культуры и спорта до 2030 года, государственная программа «Спорт России», ФГИС «Спорт», Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

В связи с активным развитием цифровых технологий и внедрением искусственного интеллекта во многие сферы общества наблюдается высокий уровень вовлеченности представителей студенчества в спорт. Ведь он оказывает непосредственное влияние на их здоровье, физическую активность и академические достижения, поэтому несомненно проявляется усиленное внимание к развитию и регламентации студенческого спорта на государственном уровне [11, с. 36].

Основными нормативными правовыми актами, которые регулируют вопросы в области спорта в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования являются Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — ФЗ-329) [1], Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ-273) [2], а также Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее — ФЗ-489) [3]. Кроме того, были разработаны Методические рекомендации по развитию студенческого спорта в Российской Федерации, разделы которых подробно регламентируют составляющие студенческой спортивной системы, типы проводимых мероприятий, способы их организации и др. [5]

С января 2025 года реализуется государственная программа «Спорт России», которая пришла на смену федеральному проекту «Спорт — норма жизни» нацпроекта «Демография», реализация которого проходила с 2019 по 2024 г. г.

На данный момент стоит задача повышению уровня вовлеченности населения, в том числе и студентов, в спортивные мероприятия. Планируется, что к 2030 году регулярно заниматься спортом должны до 70 % россиян (сейчас это делают 60,3 % жителей страны) [8].

Одним из наиболее популярных в студенческой среде спортивных мероприятий является программа всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне».

В 2013 году руководство страны и региональные руководители выступили с инициативой возрождения комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в России в современном формате [10].

В регионах страны открываются центры тестирования, в которых каждый желающий может сдать нормативы комплекса. Организована работа более 2,6 тысяч таких центров [9].

Стоит отметить, что Министерство спорта Российской Федерации ежегодно проводит фестивали ГТО среди учащихся, студентов, семей и школьников, чтобы сделать активный образ жизни популярнее у людей разных возрастов, в том числе и студентам, и помочь им укрепить свое здоровье.

С 1 января 2025 года нововведением стал полный переход на Федеральную государственную информационную систему «Физкультура и спорт» (ФГИС Спорт), что позволяет быстрее и удобнее получать актуальную информацию о выполнении нормативов спортивного комплекса и отслеживать динамику физической активности.

Положительным аспектом сдачи нормативов комплекса ГТО для абитуриентов и студентов является начисление дополнительных баллов при соблюдении определенных условий при поступлении в образовательные организации высшего образования за наличие золотого, серебряного или бронзового знака отличия ВФСК ГТО с соответствии с пп. 3 п. 33 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденного приказом Минобрнауки России от 21.08.2020 г. № 1076.

Кроме того, в соответствии с ч. 18, 19, 29 ст. 2 ФЗ-329 [1], устанавливаются следующие понятия, регламентирующие систему физкультурных и спортивных мероприятий в Российской Федерации: спортивное соревнование — состязание (матч) среди спортсменов или команд спортсменов по различным видам спорта (спортивным дисциплинам) в целях выявления лучшего участника состязания (матча), проводимое по утвержденному его организатором положению (регламенту); спортивные мероприятия — спортивные соревнования, а также учебно-тренировочные мероприятия, включающие в себя теоретическую и организационную части, и другие мероприятия по подготовке к спортивным соревнованиям с участием спортсменов; физкультурные мероприятия — организованные занятия граждан физической культурой.

Ежегодно проводятся масштабные массовые соревнования, такие, как «Лыжня России», «Кросс нации» и др., которые также пользуются популярностью среди студентов.

Значимым этапом в дальнейшем развитии и систематизации государственных усилий в данной сфере стала утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Стратегия) [4]. Данный документ определяет основные цели, задачи и направления государственной политики в области физической культуры и спорта на долгосрочную перспективу и является логическим продолжением ранее реализованных программных мероприятий, включая федеральный проект «Спорт — норма жизни» и новую государственную программу «Спорт России».

В контексте регулирования студенческого спорта Стратегия акцентирует внимание на повышении доступности и популяризации спорта среди молодежи, в том числе студенчества. Одной из ключевых задач документа является увеличение до 70 % доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, что полностью коррелирует с ранее обозначенной в статье целью. Для ее достижения Стратегия предусматривает комплекс мер, направленных на развитие спортивной инфраструктуры в образовательных организациях, модернизацию материально-технической базы студенческих спортивных клубов [6], а также на расширение сети студенческих спортивных лиг и повышение массовости участия в мероприятиях, подобных «Лыжне России» и «Кроссу нации».

Особое внимание в Стратегии уделяется цифровой трансформации спортивной отрасли. Продолжается курс на развитие таких систем, как ФГИС «Спорт» [7], что позволяет не только оперативно учитывать спортивные достижения, в том числе при сдаче нормативов ГТО, но и формировать единое цифровое пространство для организации и проведения студенческих соревнований, что значительно повышает эффективность управления и прозрачность процессов.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // СПС СудАкт.
5. Методические рекомендации по развитию студенческого спорта в Российской Федерации (утв. Минобрнауки России 01.12.2023, Минспортом России 05.12.2023, Минпросвещением России 04.12.2023) [Электронный ресурс] // СПС СудАкт.

Кроме того, Стратегия закрепляет необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей спортивную деятельность. Это напрямую связано с положениями ФЗ-329 [1], в частности со ст. 2, 24, 33, определяющими основы организации физкультурно-спортивной работы в образовательных организациях и развития студенческого спорта. Планируемые меры включают в себя дальнейшую детализацию правового статуса студенческих спортивных клубов, регулирование их взаимодействия с государственными органами и спортивными федерациями, а также создание дополнительных стимулов для участия студентов в спортивной жизни.

Таким образом, правовое регулирование студенческого спорта в Российской Федерации представляет собой динамично развивающуюся систему, основанную на комплексном взаимодействии ключевых федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов и масштабных государственных программных документов. Анализ действующего законодательства, включая ФЗ-329, ФЗ-327 и ФЗ-489, а также таких стратегических ориентиров, как государственная программа «Спорт России» и Стратегия развития физической культуры и спорта до 2030 года, позволяет сделать вывод о наличии целостного и последовательного государственного курса, направленного на интеграцию спорта в повседневную жизнь студенческой молодежи.

Сложившаяся правовая база не только устанавливает основные понятия и организационные основы (согласно ст. 2 ФЗ-329), но и создает практические механизмы стимулирования, такие как учет знаков отличия ГТО при поступлении в вузы, и инфраструктурные предпосылки для массового вовлечения студентов в физкультурно-спортивную деятельность. Реализация положений Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, с ее фокусом на доступности, цифровизации и совершенствовании нормативного регулирования, призвана вывести систему студенческого спорта на качественно новый уровень, способствуя укреплению здоровья нации, формированию гармонично развитой личности и достижению стратегических показателей вовлеченности граждан в спорт.

6. Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Ассоциация студенческих спортивных клубов» [Электронный ресурс] // URL: <https://norma-sport.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
7. Федеральная государственная информационная система «Физкультура и спорт» [Электронный ресурс] // URL: <https://sportrf.gov.ru/>. (дата обращения: 17.11.2025).
8. Спорт России // национальные проекты. рф URL: <https://xn—80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn—p1ai/new-projects/razvitie-fizicheskoy-kultury-i-sporta/?ysclid=mifowc6spa217271115> (дата обращения: 17.11.2025).
9. Спортивная страна: как в России развивается возрожденный комплекс ГТО // национальные проекты. рф URL: <https://xn—80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn—p1ai/news/sportivnaya-strana-kak-v-rossii-razvivaetsya-vozrozhdennyy-kompleks-gto/?ysclid=mifp8q6cre401512426> (дата обращения: 17.11.2025).
10. Анашина, Т. В. Физическая подготовка с применением набивных мячей для сдачи норм ГТО учащихся СЗИУ РАНХиГС / Т. В. Анашина, В. А. Прокопенко // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. — 2020. — Т. 11, № 1(43). — С. 14–18
11. Ольховский Р. М., Пушкарёва Н. Н., Никитина В. А. Аналитический обзор социологического исследования «Студенческий спорт: возможности и перспективы» // Физическое воспитание и студенческий спорт. 2024. Т. 3, вып. 1 С. 35–47.

Проблемы судебной защиты прав юридических лиц по российскому законодательству

Котиев Ислам Мухарбекович, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена анализу ключевых проблем, с которыми сталкиваются юридические лица при защите своих прав в российских судах. Цель исследования — выявить системные и процедурные барьеры, препятствующие эффективному и оперативному правосудию для бизнеса. В работе последовательно рассматриваются трудности на стадии обращения в суд (подведомственность, досудебный порядок), в ходе разбирательства (длительность, проблема реальной состязательности в спорах с государством, единообразие практики) и на этапе исполнения судебных решений. Автор приходит к выводу, что, несмотря на созданную специализированную систему арбитражных судов, проблемы носят комплексный характер. Они требуют как точечных изменений в процессуальном законодательстве, так и развития смежных институтов: цифровизации процесса, популяризации медиации и повышения уровня профессиональной подготовки судейского корпуса для работы со сложными экономическими спорами.

Ключевые слова: защита прав, юридическое лицо, правосудие для бизнеса, судебная защита, арбитражный суд.

Надежность судебной системы и эффективность механизмов защиты нарушенных прав выступают фундаментальными условиями для устойчивого развития предпринимательства. В Российской Федерации право на судебную защиту, закрепленное в Конституции, в полной мере распространяется на юридических лиц, что подчеркивает их равную правовую значимость. Создание автономной системы арбитражных судов, специализирующихся на разрешении экономических споров, стало значительным шагом в построении современного правового государства. Тем не менее, для компании, столкнувшейся с нарушением своих интересов, зачастую существует ощутимый разрыв между формальным наличием отлаженного правового института и его реальной эффективностью [7]. Предприятия вынуждены преодолевать целый комплекс препятствий и процессуальных сложностей.

Первые и зачастую критически важные трудности юридическое лицо испытывает уже на стадии подготовки

и подачи искового заявления. Многообразие возможных требований и смешанный характер современных правоотношений нередко ведут к ошибкам в определении надлежащего способа защиты и выбору компетентного суда.

Особую сложность представляют споры, находящиеся на пересечении частного и публичного права (АПК и ГПК), такие как оспаривание решений контрольно-надзорных органов (налоговых, таможенных, антимонопольных), где требуется тонкое понимание материальных норм [1, ст. 27; 4, гл. 3].

Обязательный досудебный порядок урегулирования для широкого перечня дел, изначально задуманный как фильтр для уменьшения нагрузки на суды, на практике часто превращается в формальную и затяжную процедуру, искусственно отдалающую момент начала рассмотрения спора по существу [2].

Не менее острой остается хроническая проблема разграничения подведомственности между арбитражными судами и судами общей юрисдикции [6]. Эта дилемма осо-

бенно ярко проявляется в корпоративных конфликтах, где участниками являются и юридические, и физические лица, а также в спорах с индивидуальными предпринимателями, что создает высокие риски возвращения исковых материалов и безвозвратной потери времени.

Вступив в процесс, компании-участницы сталкиваются с новыми сложностями, непосредственно влияющими на ход дела. Одним из наиболее резко критикуемых предпринимательским сообществом аспектов остается чрезмерная длительность судопроизводства [5]. Многократные отложения судебных заседаний, часто обусловленные высокой нагрузкой на судей, необходимостью истребования дополнительных доказательств или ненадлежащим извещением сторон, наносят существенный ущерб бизнес-процессам.

В спорах с государственными органами декларируемый принцип состязательности и равноправия сторон нередко выглядит формальным. Юридическое лицо может ощущать как субъективное, так и подкрепленное практикой неравенство перед оппонентом, обладающим значительными административными и информационными ресурсами, что влияет на баланс сил в процессе. Кроме того, сохраняется проблема обеспечения единообразия судебной практики. В условиях динамично меняющейся экономической и правовой реальности суды различных регионов, а иногда и одной инстанции, могут давать различную трактовку сходных правовых норм, порождая тем самым правовую неопределенность и непредсказуемость судебных решений.

Стадия исполнительного производства таит в себе отдельные риски. Наиболее показательной проблемой здесь выступает неисполнение или исключительно длительное и бюрократизированное исполнение решений, вынесенных против публично-правовых образований (государственных органов, муниципалитетов) или финансируемых из бюджета учреждений. Процедура взыскания денежных средств из казны остается излишне сложной [5].

Также сохраняется серьезная проблема злоупотребления обеспечительными мерами, которые, с одной стороны, выступают инструментом гарантии будущего исполнения, а с другой могут быть использованы недобросовестным участником спора в качестве механизма для дестабилизации и блокировки деятельности компании-оппонента. Даже в рамках споров между коммерческими структурами реальное взыскание присужденных средств может быть сорвано вследствие преднамеренного банкротства должника, вывода его активов или наличия многочисленных очередей кредиторов.

Выявленные проблемы судебной защиты носят комплексный характер, что требует адекватных, взаимосвязанных мер. Реформирование не должно ограничиваться лишь точечными поправками в процессуальное законодательство. Необходим системный подход, направленный на развитие как самих судебных процедур, так и смежных с правосудием институтов [3]. Для наглядности ключевые проблемы и соответствующие им направления решений представлены в таблице 1.

Таблица 1. Направления совершенствования судебной защиты юридических лиц

Проблема	Направление	Рекомендуемые меры
Длительность и процедурные барьеры процесса	Цифровизация судопроизводства	Полный переход на электронное дело и онлайн-взаимодействие. Внедрение онлайн-рассмотрения ходатайств. Использование автоматизации для рутинных задач.
Неравенство сторон и сложность споров с госорганами	Развитие процедур медиации	Создание финансовых стимулов для использования медиации (налоговые вычеты). Развитие института корпоративных медиаторов. Правовое просвещение бизнеса.
Неоднородность и сложность судебной практики, особенно по новым вопросам	Повышение квалификации судейского корпуса и унификация практики	Регулярные программы повышения квалификации по цифровой экономике, корпоративному праву. Создание эффективных механизмов быстрого внедрения разъяснений Верховного Суда РФ. Развитие специализации судей внутри судов.
Слабая исполнимость решений	Цифровизация и реформы исполнительного производства	Прозрачный и автоматизированный механизм взыскания из казны. Совершенствование правил наложения обеспечительных мер для предотвращения злоупотреблений.

Как видно из таблицы 1, решение каждой проблемы лежит не только в плоскости судебной системы, но и требует изменений в смежных областях: технологической, образовательной и в сфере альтернативного разрешения споров. Например, борьба с длительностью процессов невозможна без глубокой технологической модернизации,

а снижение нагрузки на суды и уровня конфликтности — без развития культуры досудебного диалога.

Таким образом, только синхронное движение по всем указанным направлениям (технологическому, примирительному и образовательному) способно преодолеть системные ограничения и обеспечить юридическим лицам

доступное, быстрое и справедливое правосудие. Этот комплексный подход является необходимым условием

для повышения доверия к судебной системе и создания стабильной деловой среды.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002.
2. Барышников М. Ю. Актуальные проблемы реализации права на судебную защиту в гражданском праве // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Том 12. — № 10А. — С. 362–369.
3. Габов А. В. и др. Концепция единого гражданского процессуального Кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. — 2015. — № 5 (221). — С. 5–25.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
5. Могилевский Г. А. Судебный порядок защиты прав юридических лиц при осуществлении государственного контроля (надзора) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 9–2.
6. Тарасова А. Г. Право на судебную защиту в Российской Федерации. Волгоград, — 2019. — 89 с.
7. Юн Л. В., Аматыч Э. Р. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина: теоретические и практические аспекты // Вестник Российского университета кооперации. — 2021. — № 4.

Проблемы медиации в России: человеческий фактор

Кремлева Дарья Юрьевна, студент магистратуры

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Прошло уже 15 лет с момента вступления в силу Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. и внесения сопутствующих ему поправок в отдельные законодательные акты [1].

Однако процедура медиации всё ещё остается не востребованной и малоизвестной. С 2013 по 2024 год Суд по интеллектуальным правам рассмотрел 10 200 дел в первой инстанции. В 9 % случаев стороны заключили мировое соглашение, ещё в 12 % — отказались от иска. В 2024 году доля дел, завершённых миром, выросла до 11 %. Всего «за три года в отчётности значатся лишь 28 дел, завершённых через медиацию» — то есть реальные зарегистрированные случаи всё ещё крайне редки. При этом в 2024 году доля дел, завершённых миром, выросла до 11 %. В исследовании Pravo.ru отмечено, что 69 % компаний-предпринимателей знакомы с процедурой медиации, 51 % считают её полезным инструментом, а 56 % воспринимают её как альтернативу переговорам. [3].

Сегодня случаи примирения при помощи медиатора настолько малочисленны, что это не позволяет проводить сколько-нибудь значимый анализ для понимания эффективности и необходимости данной процедуры. Это приводит к мысли, что, получив законодательную основу, медиация не стала такой востребованной, как ожидалось. Медиация сталкивается с рядом актуальных проблем, которые существенно влияют на её применение в различных сферах. Но среди этих проблем, я бы хотела обратить при-

стальное внимание на, так называемый «человеческий фактор», т. е. круг проблем, не связанных с законодательным регулированием.

Одна из серьезных проблем данного круга — нехватка квалифицированных специалистов. Формально в России около нескольких тысяч медиаторов, получивших профильное образование, но уровень их подготовки зачастую оставляет желать лучшего. Хотя в Федеральном законе № 193-ФЗ перечислены требования, предъявляемые к медиаторам, но набор их минимален, и сами требования достаточно формальны: возраст, дееспособность, образование, количество часов обучения, особенно для тех, кто осуществляет деятельность медиатора на профессиональной основе. Например, закон требует от профессиональных медиаторов помимо высшего образования, получения дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации [1], но не устанавливает четких требований к программам обучения ни по длительности, ни по содержанию, ни по квалификации преподавателей. Из-за этого предлагаемые курсы сильно варьируются по времени, что не даёт гарантии, что выпускник получит необходимые навыки. Проблема усугубляется тем, что занятия нередко ведут люди без практического опыта за плечами, а обучение проходит онлайн. Такой формат не позволяет научиться тому, как вести переговоры, как работать с эмоциями, управлять конфликтом и достичь компромисса. Слабая подготовка специалистов влечёт за собой проблемы со стажировками, рабочими местами для развития профессиональных на-

выков, что приводит к отсутствию коммуникаций медиатора с потребителем услуги [4].

Таким образом, имея глубокие сомнения в компетенции профессиональных медиаторов, мы не можем не поднять вопрос о необходимости существования их «не-профессиональных» коллег.

Основные задачи медиации едины независимо от того, проводится ли она в рамках гражданского судопроизводства или на досудебной стадии. Согласно статье 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», целью медиации является содействие сторонам в выработке решения, приемлемого для всех участников конфликта, на основе добровольности, равноправия и сотрудничества [1]. Задачи медиации включают: обеспечение конструктивного диалога между сторонами, восстановление нарушенных отношений, предотвращение эскалации конфликта, а также снижение нагрузки на судебную систему. Медиация призвана обеспечить его устойчивое и добровольное исполнение [5].

Исходя из поставленных задач, к личности и деятельности медиатора предъявляются определённые требования. Медиатор должен и владеть специальными коммуникативными, психологическими и этическими навыками. Важнейшее значение имеет умение обеспечивать баланс интересов сторон, сохранять нейтралитет, не допускать давления или навязывания позиции. Кроме того, медиатор должен быть способен распознавать признаки манипуляции, эмоциональной эскалации конфликта, а также обеспечивать конфиденциальность и добровольность участия сторон.

Данные профессиональные требования обусловлены самой природой медиации как сложного социально-правового процесса, требующего сочетания юридической, психологической и коммуникативной компетентности. Отсутствие таких компетенций способно не только снизить эффективность процедуры, но и привести к усугублению конфликта или нарушению прав сторон.

В этой связи введение института так называемых «не-профессиональных» медиаторов вызывает обоснованные сомнения. Несмотря на благие намерения — расширить доступ к примирительным процедурам и снизить их стоимость, — практика показывает, что без должной подготовки медиатор не может в полной мере реализовать задачи, стоящие перед медиацией. Непрофессиональный медиатор зачастую не владеет необходимыми методиками ведения переговоров, не способен правильно определить стадии конфликта и выбрать соответствующую стратегию урегулирования. Более того, отсутствие у него юридических знаний может привести к нарушению прав участников или к заключению соглашения, не имеющего правовой силы.

Введение института так называемых «непрофессиональных» медиаторов, предусмотренных частью 3 статьи 16 Федерального закона № 193-ФЗ, предполагает возможность участия в процедуре лиц, не проходивших специальной подготовки. Однако подобная либерализация

порождает противоречия [1]. Она направлена на расширение доступности медиации и снижение её стоимости, но с другой — существенно снижает качество процедуры. Тенденцию подтверждает и судебная практика признания медиативных соглашений недействительными. Ранее такие случаи были единичными, теперь суды все чаще указывают на грубые нарушения — от отсутствия третьих лиц до правовой неосведомленности одной из сторон и неразумных условий (дела № А60–48634/2022, № А43–35746/2022). Причина этому — недостаток юридической квалификации у медиаторов. В сложных спорах знание закона критично: без него невозможно оценить риски, учесть интересы сторон и обеспечить исполнимость соглашения. Отсюда и растущий запрос на юридическое образование у судебных медиаторов. Если медиатор не способен распознать правовые проблемы из-за нехватки компетенций или недобросовестности, процедура превращается не в способ урегулирования, а в источник новых судебных споров. И это приводит к утрате доверия ко всему институту [6].

Вопросы квалификации медиаторов и требований к ним также нуждаются в более чётком правовом регламентировании. Так, в статье 15 федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] ничего не говорится об образовании непрофессиональных медиаторов, в то время как в отношении профессионального медиатора законодатель предусмотрел обязательное наличие высшего юридического образования [7]. Данное дополнение повысит доверие к медиатору со стороны населения, поскольку услуги ему будут предоставлять квалифицированные специалисты.

Не менее важной проблемой, которая является препятствием на пути развития медиации в России — психологические установки и культура поведения. Как отмечают специалисты, «идеи медиации никак не могут внедриться в общественное сознание. Ни само общество в целом, ни профессиональное сообщество юристов и самих медиаторов не находят нужных точек соприкосновения» [8].

Наши сограждане практически не предполагают иных форм разрешения проблем, кроме как поход в суд. Желание быть правым преобладает над желанием найти взаимовыгодный компромисс, и каждая из сторон полагает, что именно они окажутся правы в суде.

Психологическая неподготовленность сторон к диалогу и компромиссу — очередной барьер. Медиация требует готовности услышать противоположную точку зрения и совместно искать решение, что психологически сложнее, чем переложить ответственность на суд. Действительно, судья, который принимает решение, освобождает стороны от необходимости принятия собственных решений, за которые нужно нести ответственность.

Судя по всему, пока общество не придёт к пониманию, что договориться — не значит проиграть, стороны так и будут отдавать предпочтение судебному разбирательству, а не иным формам разрешения конфликта.

И самая очевидная проблема медиации в России заключается в малой информированности населения о медиации. Закон об альтернативном урегулировании споров с участием медиатора начал действовать еще с 2010 года, но по прошествии 15 лет люди почти не используют данную законом возможность разрешить спор, и не знают, как работает медиация и в чем ее преимущества.

Сейчас можно говорить о неполной осведомленности общества в сфере разрешения споров. Под информационным воздействием разросшейся отрасли по предоставлению юридических услуг, большинство предпочитает разрешить свои споры в суде без обращения к альтернативным способам.

Инициатива о введении обязательной досудебной процедуры медиации (примирительной процедуры) при разводе в России — как озвучено, в частности, депутатом Татьяна Буцкая — заслуживает внимательного анализа. В октябре 2024 г. в Государственной Думе поддержана идея обязательной медиации при расторжении брака, особенно в случаях, когда в семье есть дети. По словам первого заместителя председателя Комитета ГД по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Татьяны Буцкой, медиатор «помогает сторонам не стать врагами» и способствует сохранению уважительных отношений даже при разводе. Министр юстиции К. А. Чуйченко также отметил, что обязательная примирительная процедура позволит «сохранить семьи и снизить судебную нагрузку», и сообщил о разработке соответствующего законопроекта [9].

Кроме того, ключевую роль в популяризации альтернативных форм должны играть профессиональные объединения медиаторов, к которым относятся и саморегулируемые организации (далее СРО), чья деятельность регламентируется п. 1 ст. 3 ФЗ № 315 от 01.12.2007 года «О саморегулируемых организациях» [2]. И, хотя целью их создания является разработка и установление стандартов и правил профессиональной деятельности медиаторов, а также порядка осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, и (или) организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, они должны напрямую способствовать популяризации самой медиации, т. к. все указанные выше цели могут быть достигнуты лишь при помощи гласности.

На данный момент на территории РФ существует единственная подобная организация Саморегулируемая организация ассоциация медиаторов «руководители специализированных переговорных практик» (СРО Ассоциация «Медиатор») [10].

В Уставе СРО среди заявленных целей создания выделяются: содействие широкому использованию медиации

как элемента делового оборота и правовой культуры при разрешении споров, возникающих в различных сферах деятельности, выпуск и издание информационных печатных и электронных материалов, справочников, учебно-методической литературы и печатной и электронной продукции по тематике Ассоциации. Данные пункты указывают на понимание участниками СРО важности популяризации медиации.

По данным Ассоциации «Медиатор» документы в Росреестр для получения статуса СРО были поданы в конце 2024 года, как только численность членов Ассоциации перешла цифру 100, как этого требует закон. Решение о присвоении статуса СРО датировано 20 января 2025 года. Т. е. прошло более 10 лет с момента вступления в силу Федерального закона № 193-ФЗ до появления данной саморегулируемой профессиональной ассоциации. В этом вопросе напрашивается необходимость государственной поддержки развития отраслевых объединений [10].

Перспективы развития медиативных процедур в России могут быть обнадеживающими, если удастся решить вышеозначенные проблемы. Необходима комплексная работа по кругу проблем, не связанных с законодательным регулированием, работа над преодолением «человеческого фактора». Преодоление психологических барьеров и недоверия к процедуре внесудебного разрешения споров, безусловно, продемонстрирует положительный эффект и снизит нагрузку на судебную систему.

Чтобы сделать медиацию более востребованной, необходимо постепенно менять общественное сознание. Для этого надо активно проводить просветительскую работу на уровне госорганов всех уровней, формировать культуру мирного разрешения споров и создавать положительный образ медиаторов в СМИ. Гражданам нужно разъяснять на примере конкретных дел, что медиация — реально работающий и быстрый способ разрешить спорную ситуацию без суда.

Упор стоит делать и на подготовке высококвалифицированных специалистов. Медиация не должна быть хобби, так как успешный медиатор — это опытный специалист с большим жизненным и профессиональным опытом и пониманием человеческой психологии.

Таким образом, перспективы медиации в России зависят от комплексного подхода к решению существующих проблем. Система будет эффективной только в том случае, если будут учтены интересы всех участников процесса, а также будет обеспечена высокая профессиональная подготовка медиаторов, дана широкая огласка процедуры медиации, подробно представлены её преимущества и проведена работа по преодолению психологических и культурных преград.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

2. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях»
3. Развитие института медиации в России // Pravo.ru. Исследования. — 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://research.pravo.ru/story/259258/> (дата обращения: 10.11.2025).
4. Гурушкин П. Ю., Сандрачук Я. Ф. Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации (Сетевое издание), 2020. Т.4 — с. 100.
5. Погорелова К. Р. Медиация как способ гуманной реализации ювенальной юстиции // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3. С. 135–148. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75439 (дата обращения: 10.11.2025).
6. Каменская Р. А. Проблемы медиации в России: что мешает развитию процедуры и как это изменить 2025. Спецвыпуск. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/258437/> (дата обращения: 10.11.2025).
7. Баязова В. С. Актуальные проблемы применения медиации // Научный Лидер. 2025. № 15 (216). [Электронный ресурс]. URL: <https://scilead.ru/article/8468-aktualnie-problemi-primeneniya-mediatsii> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Медиация и судебное примирение, журнал «Судья», № 2.2025, Февраль [Электронный ресурс]. URL: <https://zhurnalsudya.ru/new/2-2025> (дата обращения: 02.10.2025).
9. В Госдуме поддержали идею обязательной медиации при разводе // ТАСС. — 12.10.2025. — [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25320633> (дата обращения: 10.11.2025).
10. СПО Ассоциация «Медиатор». О СПО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mediator.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.12.2025. Дата выхода в свет: 24.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.